Учебныя воспоминанія.

Гимназія.

Первоначальное образованіе я и братъ мой получили дома, подъ руководствомъ отца. По воззрѣніямъ своимъ вообще, по взглядамъ на жизнь и, въ частности, по понятіямъ о воспитаніи дѣтей онъ былъ человѣкъ, въ высшей степени оригинальный... Идея его въ дѣлѣ воспитанія дѣтей была та, что какъ первоначальное образованіе, такъ и подготовка ихъ къ жизни общественной, по полученіи высшаго образованія, должны составлять обязанность родителей. Его идеи о воспитаніи юношества, какъ и взгляды на общественныя явленія,—результатъ наблюдательности и вдумчивости, при солидномъ философскомъ образованіи,—пріобрѣли ему въ нижегородскомъ обществѣ, въ которомъ ему постоянно приходилось вращаться въ качествѣ врача съ обширной практикой, репутацію чудака. Настолько его идеи расходились съ понятіями провинціальнаго общества 40-хъ—50 годовъ. Удивлялъ публику, пока не привыкли, и его обычный костюмъ—сѣрая фрачная пара; въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относится начало моего повѣствованія (30—50-ые годы 19-го столѣтія), врачи являлись къ паціентамъ не иначе, какъ во фракахъ, обыкновенно черныхъ; а мой отецъ присвоилъ себѣ сѣрый цвѣтъ, что и дало ему въ средней и мелкой публикѣ кличку *сѣраго доктора*. Верхней одеждой служила ему сѣрая же шинель [1]).

[1]) Кстати сказать, пальто появились только въ 40-хъ годахъ; раньше—верхней одеждой служила шинель, употреблявшаяся впрочемъ только въ дурную погоду; лѣтомъ, въ хорошую погоду всѣ разъѣзжали и ходили по городу во фракахъ, сюртукахъ и вицъ-мундирахъ, нисколько не стѣсняясь отсутствіемъ верхней одежды, что и дало поводъ Гоголю сказать, въ разсказѣ „Невскій проспектъ“, что въ извѣстное время дня на Невскомъ наступаетъ весна; это намекъ на появленіе на улицахъ чиновниковъ, идущихъ со службы въ своихъ зеленыхъ вицъ-мундирахъ.

Но это говорю мимоходомъ: я для того только упомянулъ объ общественномъ положеніи моего отца, чтобы дать читателю понять, насколько ученіе наше могло идти правильно. Состоя врачемъ въ нѣсколькихъ казенныхъ мѣстахъ, годовымъ во многихъ домахъ помѣщичьихъ и купеческихъ, имѣя массу случайной практики, отецъ не могъ, разумѣется, удѣлять достаточно времени для занятій съ нами.

Будучи при томъ для многихъ не только прописывателемъ лекарствъ, спѣшно объѣзжающимъ своихъ паціентовъ, но и другомъ дома и больныхъ, онъ проводилъ нерѣдко цѣлые часы у постели больного или больной, утѣшая ихъ и окружающихъ. А по званію врача удѣльнаго вѣдомства ему частенько приходилось колесить по губерніи, особенно въ случаяхъ какихъ-либо повальныхъ заболѣваній, и не только между удѣльными крестьянами, но и у ихъ скота. А во все продолженіе знаменитой Макарьевской ярмарки, къ которой въ тѣ отдаленныя времена тяготѣла вся жизнь Нижняго-Новгорода, всѣ наличные врачи были заняты съ ранняго утра до ночи; нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ переселялись на это время за Оку, въ мѣстонахожденіе ярмарки.

Отецъ этого не дѣлалъ, не желая разставаться съ семействомъ, но въ горячее ярмарочное время изчезалъ на весь день, не всегда даже возвращаясь къ обѣду. Для него и нѣкоторыхъ другихъ врачей эта страдная пора наступала еще задолго до начала ярмарки, съ приходомъ т. наз. „каравановъ“ съ Камы, съ солью, желѣзомъ и издѣліями горныхъ заводовъ—Строгоновыхъ, Голицыныхъ, Яковлевыхъ, Лазаревыхъ и др. Заводчики эти, доставляя на ярмарку свои продукты собственными коноводными машинами (имѣютъ ли о нихъ какое-нибудь понятіе нынѣшніе волгари?), съ собственными крѣпостными рабочими,—содержали за Окой, близъ ярмарки, и больницы для этихъ людей, изъ которыхъ многіе заболѣвали дорогой, не говоря уже о холерномъ времени. Отецъ мой и другіе врачи, занимавшіеся лѣтомъ въ этихъ временныхъ больницахъ, лечили въ остальное время года постоянно жившихъ въ Нижнемъ управляющихъ этихъ заводовладѣльцевъ и ихъ семьи конечно.

Словомъ, при маломъ вообще числѣ врачей въ тѣ времена они круглый годъ имѣли достаточно работы; а въ ярмарочное время, благодаря страсти купечества къ кутежамъ и вообще веселому препровожденію времени въ трактирахъ и Кунавинѣ (послѣ couvre-feu, полагавшагося въ 9 ч. в. и выгонявшаго ихъ изъ лавокъ, если не желали тотчасъ лечь спать), для чего и пріѣзжали обыкновенно безъ женъ (по правилу, что „въ Тулу съ своимъ самоваромъ не ѣздятъ“), заболѣваній было такъ много, что наличный персоналъ врачей едва успѣвалъ со всѣми управиться. Иногда наѣзжали врачи

изъ другихъ городовъ; а для злачныхъ пріютовъ Кунавина обыкновенно командировался врачъ-спеціалистъ изъ Москвы или Петербурга.

Надо еще замѣтить, что провинціальному врачу тѣхъ временъ приходилось, volens-nolens, набирать побольше практики, чтобы сколько-нибудь прилично существовать. Даже и при тогдашней дешевизнѣ жизни невозможно было существовать, особенно съ семействомъ, напр. на 1.500 р. ассигнаціями (428 р. с.) годового жалованья удѣльнаго врача, даже и съ прибавкой 700 р. асс. (200 р. с.), получавшихся отцомъ за леченіе всего персонала духовной семинаріи, отъ высшаго ея начальства и служащихъ—до послѣдняго семинариста (а семинаристовъ было много и хворали они усердно вслѣдствіе ужасной обстановки жизни большинства). Обычная плата за визитъ не превышала 5 р. асс. (1 р. 43 к. с.); чаще платили „цѣлковый—рубль"; 10 р. асс. считалось очень высокой, завидной платой, столько платили больше за консиліумы. Не забудьте, что при разбросанности города и непроходимой грязи весной и осенью и обилію снѣга зимою—ходить врачу пѣшкомъ было немыслимо: необходимо было имѣть экипажъ. Такъ что, если кто изъ врачей успѣвалъ составить себѣ кое-какое состояніе, то это или путемъ крайняго напряженія силъ, при таковой же бережливости и простотѣ образа жизни, какъ мой отецъ,—или же путемъ взяточничества,—въ области коего особенно хорошіе рессурсы давало свидѣтельствованіе рекрутовъ. Разсказывали, напримѣръ, что рекрутъ, у котораго свидѣтельствующій врачъ, осматривая зубы, находилъ подъ языкомъ „золотой" (полуимперіалъ), обыкновенно оказывался для службы царской непригоднымъ. Понятно, что приходилось подмазывать и прочихъ членовъ-пріемщиковъ, но врача—главнымъ образомъ... Членомъ-врачемъ въ рекрутскомъ присутствіи назначался, кажется, большею частію, инспекторъ врачебной управы [1]).

Итакъ, по роду своихъ занятій, отецъ нашъ могъ заниматься нашимъ ученьемъ только урывками, въ свободныя минуты; иногда выдавался у него и цѣлый свободный день или нездоровилось ему

---

[1]) Случалось мнѣ видѣть парней съ „забритыми" затылками, бѣгущихъ изъ «присутствія» почти голыми, въ безумной радости не чувствуя зимняго холода; случалось видѣть слезы и слышать причитаніе матерей тѣхъ несчастливцевъ, которымъ забрили лбы, въ знакъ ихъ годности, можетъ быть только потому, что у нихъ не оказалось чудодѣйственнаго «золотого».

Вспоминается, кстати, видѣнный мною однажды цѣлый обозъ еврейскихъ ребятишекъ, сваленныхъ въ кучи на телѣгахъ, въ родѣ того, какъ возятъ въ Петербургѣ телятъ. Ихъ везли куда-то, подъ конвоемъ, для приведенія въ православную вѣру, съ назначеніемъ въ кантонисты. Грустныя лица ихъ и теперь еще живы у меня въ памяти.—Изъ кантонистовъ-евреевъ военное начальство получало, кажется, лучшихъ писарей и музыкантовъ.

и онъ сидѣлъ дома. Тогда мы чуть не весь день сидѣли за книжкой, главнымъ образомъ латинской, благодаря тому, что отецъ былъ страстнымъ латинистомъ... Понятіе о регулярныхъ учебныхъ занятіяхъ было у насъ, такимъ образомъ, до того неясно, что сложилось у насъ даже такое представленіе, что въ учебныхъ заведеніяхъ ученики сидятъ цѣлыми днями безъ передышки, приходя домой только пообѣдать. Представленіе это подтверждалось отчасти и тѣмъ, что мы видѣли нашихъ сосѣдей-семинаристовъ то и дѣло, то уходящими въ семинарію, то возвращающимися и опять уходящими— утромъ, въ серединѣ дня и вечеромъ; у нихъ были, должно быть, вечерніе уроки или спѣвки; почему и казалась, что они почти-что только ночуютъ дома, а дни проводятъ въ семинаріи. Не мало поэтому мы были удивлены, узнавъ отъ товарища нашихъ дѣтскихъ игръ, поступившаго въ гимназію, что ученіе продолжается тамъ отъ 9 ч. у. до $2^1/_2$ ч. дня.

Кстати, позволю себѣ представить маленькую характеристику нижегородской духовной семинаріи 40-хъ годовъ. Отецъ, состоя при ней врачемъ, иногда возилъ насъ туда въ классы, чтобы дать намъ понятіе объ ученіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Довольно красивое и величественное для „губерніи“ зданіе семинаріи, строенное, помнится, архитекторомъ Лееромъ (отцомъ извѣстнаго впослѣдствіи генерала, начальника академіи генеральнаго штаба), не отличалось внутренними удобствами, начиная съ того, что корридоры были холодные, безъ отопленія, вслѣдствіе чего въ классахъ, несмотря на огромныя печи, царилъ зимою большой холодъ; двери были не двойныя, плохо затворялись и сильно обмерзали отъ испареній многолюдной толпы учениковъ, одѣтыхъ большею частію въ овчинные тулупы. Прибавьте сырость стѣнъ и холодъ отъ оконъ, и станетъ понятно, почему и ученики, и учителя зимою сидѣли въ классахъ въ шубахъ, валенкахъ и галошахъ. Можно себѣ представить, каковъ былъ воздухъ въ классахъ при этихъ условіяхъ! Но въ тѣ времена санитарная часть вообще не много обращала на себя вниманія. А относительно семинаристовъ заботиться о „благорастворенiи воздуховъ“ казалось и совсѣмъ лишнимъ; вѣдь и являлись-то они въ семинарію не Богъ-вѣсть изъ какой хорошей обстановки; не имѣвшіе въ городѣ родителей или родныхъ жили большею частію въ очень мизерныхъ помѣщеніяхъ, у разныхъ „хозяекъ“, удешевленія ради по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“, какъ говорится, тутъ же суша свои онучи, валенки, тулупы и прочія принадлежности одѣянія; при чемъ тѣ, что постарше, нерѣдко заражали (очищали по ихъ мнѣнію) воздухъ куреніемъ махорки, если не предпочитали нюханья табаку, услады очень

любимой нашимъ духовнымъ сословіемъ. Все это былъ народъ по преимуществу бѣдный: „великовозрастные“ ученики имѣли иногда уроки, чѣмъ и поддерживали свое существованіе; сколь ни скудна была плата „семинаристу“, нѣкоторые могли жить и одѣваться, не вися бременемъ на родительской шеѣ. Но ученики низшихъ классовъ никакихъ особыхъ ресурсовъ не имѣли, и потому у нихъ сюртукъ, напримѣръ, былъ чуть-что непозволительной роскошью; блузы, пиджаки, пальто тогда еще вовсе не были извѣстны; поэтому преобладающею одеждою семинариста низшихъ классовъ былъ халатъ, въ теплое время обыкновенно пестрядинный, въ которомъ онъ и бѣгалъ, „ничесо-же сумнясь“, въ семинарію изъ своихъ логовищъ, зимою надѣвая сверхъ него нагольный или крытый нанкою—тулупъ. Разумѣется, дѣтямъ городского духовенства было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, но они тонули въ массѣ сельской бѣдноты.

Обращеніе семинарскаго начальства и учителей (почему-то называемыхъ въ семинаріяхъ профессорами) съ учащимися было самое патріархальное, „отеческое“, какъ я тотчасъ же въ этомъ убѣдился, приведенный отцомъ въ одинъ изъ классовъ, посмотрѣть на семинарское ученіе. Ученики, въ ожиданіи прихода учителя, разумѣется, шумѣли и дурили, какъ водится, вѣроятно, во всѣхъ школахъ на бѣломъ свѣтѣ... Вдругъ влетѣлъ въ классъ инспекторъ, какъ сейчасъ помню, въ енотовой шубѣ въ накидку и, почему-то обрушившись на ученика, сидѣвшаго рядомъ со мной, разругалъ его на славу и угостилъ двумя плюхами. Можетъ быть, это былъ какой-нибудь особенно извѣстный ему озорникъ; но эта расправа нагнала на меня не мало страху. Хотя инспекторъ и зналъ меня въ лицо, но вѣдь чѣмъ чортъ не шутитъ?—онъ могъ, въ пылу азарта, ошибиться и угостить и меня вмѣсто кого-либо изъ другихъ сосѣдей-шалуновъ. Не знаю, было ли ему потомъ стыдно, что онъ, при чужомъ мальчикѣ, учинилъ такую грубую расправу съ ученикомъ, быть можетъ, будущимъ свѣтиломъ церкви... Скорѣе думается, что ничуть: вѣдь тумаки, плюхи, дранье за вихры, за уши, ставленіе на колѣни—просто и на горохъ, въ уголъ, „столбомъ“, оставленіе безъ обѣда и,—наконецъ, періодическое и экстренное дранье розгами были тогда общеупотребительными, ничуть незазорными педагогическими средствами для поощренія къ прилежанію и благонравію и для лучшаго усвоенія наукъ—не въ однихъ только семинаріяхъ духовныхъ. Въ корпусахъ и гимназіяхъ, кажется, только плюхи не были въ употребленіи; а прочая „педагогія“ примѣнялась отчасти еще и во время моего нахожденія въ гимназіи. Въ семинаріяхъ начальство обращалось грубѣе и интенсивнѣе, имѣя дѣло съ контингентомъ учениковъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ неотесанныхъ, отъ

сохи взятыхъ продуктовъ супружеской любви сельскаго духовенства. А сельское духовенство тѣхъ старыхъ временъ стояло на очень низкой степени культурнаго развитія, чаще само опускаясь до уровня крестьянскаго быта, чѣмъ возвышая крестьянство до себя своимъ цивилизующимъ вліяніемъ... Итакъ нечего удивляться, что розга была въ очень большомъ ходу въ семинаріяхъ. Да и гимназіямъ она не была чужда; впрочемъ, за мое пребываніе въ нижегородской гимназіи въ 50-хъ годахъ, помню одинъ только случай ея примѣненія къ очень шаловливому и лѣнивому ученику; но въ инспекторство г-на Сахарова, сдѣланнаго потомъ окружнымъ инспекторомъ (еще до моего поступленія въ гимназію), какъ разсказывали мнѣ товарищи, при немъ учившіеся, всѣ ученики. 7 разъ въ недѣлю записанные учителями въ графу „шалостей“ и „неисправностей“, подвергались сѣченію регулярно по субботамъ, очищаясь такимъ образомъ отъ накопившихся за недѣлю прегрѣшеній.

Тяжело доставалась наука семинаристамъ, при грубомъ обращеніи начальства и учителей, приписывавшихъ плохіе успѣхи больше лѣности учениковъ, чѣмъ своей неспособности и небрежности при отсутствіи большею частію печатныхъ руководствъ (мало впрочемъ и доступныхъ семинаристамъ при ихъ повальной бѣдности); а между тѣмъ сколько вышло изъ нихъ ученыхъ и дѣльныхъ людей, профессоровъ, врачей, пастырей церкви, не говоря уже о такомъ выдающемся государственномъ человѣкѣ, какъ М. М. Сперанскій! Конечно, можетъ быть, что это исключенія, особенно даровитыя натуры... Но сколько же, быть можетъ, забито, стерто въ прахъ, такихъ натуръ грубымъ, жестокимъ обращеніемъ семинарскихъ педагоговъ!

Курсъ ученія въ семинаріяхъ продолжался что-то очень долго: надо было пройти подготовительное училище, потомъ классъ реторики, философіи и богословія каждый, кажется, по 2 года, если не больше. Такъ что оканчивающіе семинарію „богословы“ были уже вполнѣ „великовозрастными“ молодыми людьми, не чуждыми и выпивкѣ, и прочему такому... особенно, тѣ, что сидѣли въ классахъ дольше нормальнаго срока.

Нѣкоторымъ изъ семинаристовъ высшихъ классовъ, какъ я замѣтилъ, удавалось получать „кондиціи“, т. е. уроки, то для подготовки ребятъ въ гимназію, то для репетированія съ гимназистами—по разнымъ предметамъ, а главное, по латинскому языку. Въ математикѣ и чистописаніи семинарія была всегда довольно слаба, а потому для этихъ предметовъ приглашались учителя и репетиторы изъ школы кантонистовъ, такъ случилось и съ нами: по этой части отецъ не считалъ себя компетентнымъ и потому взялъ учителя чистописанія, а потомъ и учителя математики изъ школы кантонистовъ. Самъ же

ограничивался занятіемъ съ нами языками, преимущественно латынью, переводами и задаваніемъ уроковъ изъ прочихъ предметовъ, уроковъ, которые, надо сознаться, готовились нами кое-какъ, въ надеждѣ, что, авось, не скоро придется отвѣчать, благо у отца такъ много дѣла и заботъ о больныхъ, къ которымъ онъ относился чрезвычайно внимательно.

Въ настоящее время слово „кантонистъ“ многимъ, можетъ быть, уже и неизвѣстно, и непонятно. Для поясненія скажу, что это были солдатскія дѣти, обреченныя чуть-ли не на вѣчную службу царю и отечеству, въ качествѣ, главнымъ образомъ, полковыхъ писарей и учителей школъ кантонистовъ.

Въ Нижнемъ существовала такая школа при квартировавшемъ въ немъ 4-мъ „Карабинерномъ“ полку. Лучшіе изъ прошедшихъ эту школу получали званіе унтеръ-офицеровъ и, частію работали въ военныхъ канцеляріяхъ, частію были преподавателями въ этой же школѣ. Прослуживъ, кажется, 25 лѣтъ, они получали первый чинъ (XIV классъ), личное дворянство, офицерскую, безъ эполетъ, похожую на докторскую—форму, шпагу съ темлякомъ и „шляпу съ перомъ“, т. е. трехуголку съ чернымъ султаномъ изъ пѣтушьихъ перьевъ.

Въ школахъ кантонистовъ особенно налегалось на чистописаніе, черченіе и рисованіе; поэтому они и оказывались лучшими учителями чистописанія въ кругу мѣстныхъ обывателей; многія поколѣнія нижегородцевъ были имъ обязаны своими каллиграфическими познаніями... Мѣстная аристократія пользовалась искусствомъ военныхъ писарей также для изготовленія изящныхъ визитныхъ карточекъ, съ красивыми буквами и разными украшеніями, сдѣланными отъ руки, тушью. Надо сказать, что въ 30—40-хъ и даже въ началѣ 50-хъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Нижнемъ не было вовсе литографій и только одна типографія—губернская, не отличавшаяся ни шрифтомъ, ни изяществомъ своихъ работъ. Такъ что визитныя карточки и пригласительные билеты, если не заказывались въ Москвѣ, „при оказіи“, то изготовлялись въ школахъ кантонистовъ.

Мудрено сказать, много ли зарабатывали кантонисты и ихъ учителя своими педагогическими и каллиграфическими дарованіями; но конечно не много. Учитель чистописанія получалъ, помнится, у насъ по 1 р. ассигнаціями (28 к. сер.) за урокъ. Это считалось довольно высокой платой; чаще платили по 50 к. асс. Учитель ариѳметики и прочей математики получалъ за 2 или 3 урока въ недѣлю по 25 р. асс. (около $7^1/_2$ р. сер.) въ мѣсяцъ.

Къ числу искусствъ, въ которыхъ отличались кантонисты, надо отнести еще разрисовываніе пасхальныхъ яицъ, соотвѣтственными празднику сюжетами, а также выскабливаніе на окрашенныхъ яйцахъ раз-

ныхъ эмблемъ и надписей. А еще было за ними искусство очинивать гусиныя перья для писанія. Гусиное перо было съ незапамятныхъ временъ главнымъ орудіемъ писанія; въ 40-хъ гг. искусство выдѣлки стальныхъ перьевъ было еще въ зачаткѣ: перья были грубы, тверды и едва-ли даже имѣлись въ провинціальныхъ магазинахъ. Для меня хорошо очиненное гусиное перо и до сихъ поръ лучше хорошаго стального. Хотя для чинки перьевъ существовали особыя машинки; но хорошія были дороги и скоро портились; поэтому преобладала ручная очинка и хорошіе чинильщики, кажется, даже ходили періодически къ „господамъ“ чинить перья, въ родѣ того, какъ являются часовщики заводить часы.

Какъ ни странно и, пожалуй, безтолково шло наше ученіе, при частыхъ перерывахъ въ правильности занятій, однако кое-чему мы научились; такъ что братъ могъ поступить въ 1849 г. въ Медико-Хирургическую академію, наскоро подготовясь по программѣ (при чемъ впрочемъ вывезло его, главнымъ образомъ, прекрасное знаніе латыни); а я, въ томъ же году поступилъ въ 4-й классъ гимназіи, хотя по годамъ слѣдовало бы мнѣ поступить въ 5-й или даже въ 6-й классъ, но тогдашняя гимназическая программа была настолько обширна, особенно по исторіи, что, употребивъ все лѣто на подготовку, съ помощью жившаго у насъ домашнимъ учителемъ съ $^1/_2$ 40-хъ годовъ бывшаго ученика семинаріи, С. П. Модератова, я, по совѣту отца, не нашелъ нужнымъ переутомляться дольше и рѣшился поэтому поступить въ 4-й классъ. Да при томъ же, помнится, и по правиламъ тогдашнимъ, выше этого класса и не принимали. А тутъ я оказался по нѣкоторымъ предметамъ знающимъ больше, чѣмъ требовалось, а по инымъ меньше. Между прочимъ не мало труда и времени употребилъ я съ моимъ наставникомъ на изученіе біографій историческихъ дѣятелей, проходившееся въ 3-мъ классѣ гимназіи, должно быть въ видѣ подготовки къ изученію всеобщей исторіи въ слѣдующихъ 4-хъ классахъ. Для біографій этихъ, при томъ, не было печатнаго руководства и приходилось подбирать ихъ изъ разныхъ учебниковъ. Но при поступленіи моемъ въ гимназію оказалось, что въ томъ самомъ 1849 г. послѣдовала реформа, избавившая 3-й классъ отъ этихъ біографій, уменьшившая также, кажется, и нѣкоторыя другія требованія и раздѣлившая гимназистовъ на готовящихся къ университету и готовящихся къ гражданской службѣ... Замѣчу еще, что русская грамматика тогда почти заканчивалась въ 3-мъ классѣ; для 4-го класса оставалось только ученіе о знакахъ препинанія. Можете себѣ вообразить, какъ много и какъ основательно усваивали себѣ правила отечественнаго языка 10—12-тилѣтніе мальчуганы, да еще по малопонятному руководству Востокова! Въ

3-мъ же классѣ заканчивалась и почти вся географія, съ черченіемъ картъ; въ 4-мъ проходилась уже только географія Россіи; а затѣмъ въ 7-мъ классѣ дѣлалось общее повтореніе всего, основательно забытаго въ теченіе 4-хлѣтія послѣ 3-го класса, какъ и всего пройденнаго, начиная съ 4-го класса.

Дѣленіе гимназистовъ на будущихъ студентовъ и будущихъ чиновниковъ создано было, вѣроятно, ради того, что не всѣ юноши стремились въ университетъ и что нестремящимся туда полезнѣе знать кое-что болѣе нужное въ жизни, чѣмъ латинскій языкъ. Изученіе этого языка и пріурочено было съ 1849 г. къ 4-му и послѣдующимъ классамъ для желающихъ поступить въ университетъ; для группы же будущихъ чиновниковъ и разночинцевъ латинскій языкъ замѣнялся законовѣдѣніемъ. Но такъ какъ сіе послѣднее признано было, должно-быть, не по-плечу четвероклассникамъ, то ихъ занимали въ „латинскіе часы“ усиленными упражненіями въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ. Для разночинцевъ, хотя бы и латинистовъ, введено было еще изученіе бухгалтеріи и товаровѣдѣнія, для чего былъ присланъ изъ Петербурга особый учитель (г. Фиксенъ); но, кажется, оно не было обязательнымъ предметомъ. Такимъ образомъ я, значитъ, поступилъ въ гимназію въ самый моментъ проведенія реформы.

Поступленіе мое совершилось очень просто: въ одинъ сентябрьскій день 1849 г. отецъ привезъ меня въ гимназію и представилъ инспектору. Добродушнѣйшій на видъ толстякъ, Егоръ Тимоѳеевичъ Лѣтницкій, брюнетъ съ черными курчавыми волосами и квадратнымъ, изрытымъ оспою лицомъ (за которое, какъ вскорѣ я узналъ, гимназисты звали его „вафельной формой“), повелъ меня изъ класса въ классъ къ разнымъ учителямъ экзаменоваться; а изъ закона Божія, за отсутствіемъ преподавателя, проэкзаменовалъ меня самъ. Все прошло благополучно; но на географіи я чуть не провалился, когда учитель, показавъ мнѣ слѣпую карту Великобританіи, сталъ спрашивать названія городовъ и рѣкъ; но, кое-какъ, дѣло обошлось. Конечно, отлично вывезла бы меня латынь, но изъ нея мнѣ не пришлось экзаменоваться, такъ какъ, по совѣту директора Іасона Петровича Евтропова, узнавшаго, что языкъ этотъ я знаю хорошо, я поступилъ на отдѣленіе готовящихся къ гражданской службѣ, имѣя въ виду сдать латинскій экзаменъ при поступленіи въ университетъ. По сдачѣ экзаменовъ меня привели къ директору, который принялъ меня ласково и внушилъ главное хорошо себя вести, сказавъ банальную фразу: „qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“ и заставивъ меня ее перевести по-русски.

Кстати напомню, что въ тѣ времена 3-й классъ гимназій былъ

для нѣкоторыхъ какимъ-то камнемъ преткновенія, можетъ быть вслѣдствіе трудности для дѣтскаго пониманія всего того, что въ немъ преподавалось; въ немъ иные застрѣвали по нѣсколько лѣтъ, благо тогда максимальныхъ сроковъ пребыванія въ одномъ классѣ, кажется, не было. Такіе неудачники оставляли гимназію и опредѣлялись къ „гражданскимъ дѣламъ“ или поступали въ юнкера—званіе, особенно любимое въ старое время всѣми неудачниками учебныхъ заведеній и маменькиными сынками домашняго воспитанія. Если юнкеру удавалось одолѣть экзаменъ на офицера, то онъ выходилъ въ люди; если нѣтъ, то опредѣлялся въ какое-нибудь присутственное мѣсто; а дѣти помѣщиковъ удалялись въ свои деревни и предавались излюбленному помѣщичьему занятію—псовой охотѣ.

Помню одного юношу, который не смогъ добраться даже до 3-го класса: просидѣвъ 2 года въ 1-мъ классѣ и 5 лѣтъ во 2-мъ, онъ оставилъ гимназію и поступилъ куда-то на службу, благо отбылъ тогдашній обязательный 7-лѣтній курсъ гимназіи.

Хотя, по тогдашней платѣ за право ученія, 5 р. с. въ годъ, долговременное пребываніе въ гимназіи и не было особенно раззорительно для родителей учащихся, но все-таки долгое безуспѣшное пребываніе ихъ дѣтей въ школѣ не могло быть имъ особенно пріятно и, какъ люди большею частію, средняго рода, изъ мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купечества, иные довольствовались и тремя или четырьмя годами ученія, а затѣмъ опредѣляли своихъ дѣтей, кто на казенную службу, кто по коммерческой части въ лавки и магазины.

Въ противоположность неудачникамъ были и такіе юноши, что стремились въ университеты, вопреки желанію родителей поскорѣе опредѣлить ихъ на службу государственную или частную. Такимъ приходилось сдавать, при поступленіи въ университеты, дополнительно экзаменъ изъ латинскаго языка.

И вотъ я гимназистъ—„красная говядина“, какъ дразнили насъ, гимназистовъ, уличные мальчишки за наши красные воротники и околыши. Нельзя не сказать, что гимназическая форма была очень несимпатична и неудобна: темнозеленый двубортный сюртукъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и бѣлыми пуговицами съ губернскимъ гербомъ и съ подписью „нижегородской“ (или другой, смотря по губерніи); мундиръ съ хвостикомъ однобортный съ краснымъ же воротникомъ, украшеннымъ петлицами изъ серебрянаго галуна; головной уборъ—фуражка съ краснымъ околышемъ и кантомъ; верхняя одежда—николаевская сѣрая шинель съ краснымъ же стоячимъ воротникомъ и рядомъ пуговицъ на правомъ борту. Военнаго покроя пальто тогда еще не были изобрѣтены; они появились уже послѣ крымской войны. Относительно верхней теплой одежды, начальство

не было придирчиво и допускало разныя отступленія, во вниманіи къ средствамъ учениковъ.

Полагалось быть всегда застегнутымъ на всѣ пуговицы и крючки. Особенно допекали воротники, которые были не скошенные, какъ впослѣдствіи, а прямые и застегивались на 3 или 4 крючка; особенно мучило это застегиванье новичковъ, пока шея не привыкнетъ къ постоянному тренію о жесткій картонъ воротника. За соблюденіемъ формы начальство смотрѣло строго; а осмѣливавшихся внѣ гимназіи надѣвать статское платье или рядиться на святкахъ имѣло на худомъ счету. Помню, какъ гимназисту 7-го класса, старшему брату извѣстнаго впослѣдствіи статистика Гацисскаго, одѣвшемуся на масленицѣ кучеромъ и катавшему въ этомъ видѣ свою семью на тройкѣ, директоръ счелъ нужнымъ сдѣлать выговоръ при полномъ собраніи учениковъ. Мнѣ за „партикулярное“ платье не разъ доставалось отъ инспектора; но переносить его выговоры и угрозы сбавить баллы изъ „поведенія“ было мнѣ легче, чѣмъ подвергаться постояннымъ преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ уличныхъ мальчишекъ, которые какъ-то особенно были назойливы въ той мѣстности, гдѣ я жилъ съ родителями.

Впослѣдствіи, кажется въ началѣ 60-хъ годовъ, неудобная и отвратительная форма была замѣнена сюртуками синяго цвѣта, съ отложными воротниками; но нѣсколько лѣтъ спустя, воротники сдѣланы опять стоячими скошенными и обшиты галуномъ; должно быть, что отложные воротники, да еще безъ галуна, оказались мало способствующими преуспѣянію классицизма, въ то время усердно насаждавшагося въ гимназіяхъ. Впрочемъ, перемѣны въ покроѣ форменныхъ одѣяній и снабженіе ихъ разными внѣшними признаками, „отличками, выпушками, петличками“ — явленіе у насъ всеобщее, во всѣхъ отрасляхъ службы и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ числа учебныхъ заведеній остались нетронутыми, по части „формы“, со времени введенія полукафтановъ вмѣсто мундировъ съ хвостиками при Александрѣ II, кажется, только Александровскій лицей, да Училище Правовѣдѣнія.

Ясно всѣмъ, кромѣ тѣхъ только, можетъ быть, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что не та или другая форма, не цвѣтъ выпушекъ и брюкъ, не наплечные и иные знаки, не кокарды, ни прочіе разные атрибуты способствуютъ успѣхамъ ученія и усвоенію учащимися преподаваемыхъ имъ наукъ, а что содѣйствуетъ этому нѣчто другое, въ родѣ, напримѣръ, любви преподавателей къ своимъ предметамъ, умѣнія заинтересовать ими своихъ учениковъ, внѣдрить въ нихъ убѣжденія въ пользѣ знанія для жизни, а не для сдачи только экзаменовъ и полученія дипломовъ. Безъ этой любви преподавателей къ

своему дѣлу, безъ любви къ учащейся молодежи всѣ эти педагогики, методики, дидактики ровно ничего не значатъ. Въ каждомъ заведеніи, въ каждомъ классѣ даже — составъ учениковъ мѣняется; ихъ характеры, способности, степень подготовки и развитія, приносимыя ими въ заведеніе, чрезвычайно различны. Чуть не для каждаго ученика требуются отъ преподавателя особые педагогическіе пріемы; а руководства къ педагогикѣ, методикѣ и дидактикѣ, мало обращая на это вниманія, даютъ для всѣхъ почти одни и тѣ же шаблоны.

Въ старину педагоги дѣйствовали на учащихся болѣе простыми способами: всякая неисправность ученика, не могущаго представить законной причины, считалась результатомъ лѣности; а для искорененія сей послѣдней лучшимъ цѣлительнымъ средствомъ считалась розга. Универсальное это средство восхвалялось даже въ особыхъ педагогическихъ стихотвореніяхъ... Словомъ, вполнѣ слѣдовали принципу, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“. Грубо, пошло это было; но таковы были времена, таковы понятія, таковы нравы... Отошли эти порядки въ область исторіи, сдѣлались преданіемъ, которому даже не всѣ, пожалуй, повѣрятъ. Новая педагогія, проникнутая гуманностью, ввела много хорошаго; а толку отъ всѣхъ ея тонкостей прибавилось мало. И лучше ли стоитъ дѣло ученія въ гимназіяхъ теперь, чѣмъ шло раньше, сказать трудно... За время моего свыше 40-лѣтняго профессорства прошла черезъ мои руки не одна тысяча студентовъ,—въ большинствѣ питомцевъ разныхъ гимназій, со всѣхъ концовъ Россіи и, положа руку на сердце, я не могу сказать, чтобъ очень замѣтно было повышеніе уровня познаній и умственнаго развитія гимназистовъ—сравнительно съ старыми временами. Все также большинство юношей, прошедшихъ 8 классовъ гимназіи,—вмѣсто прежнихъ семи нашего времени,—оказывается мало подготовленнымъ къ университету, плоховато знающимъ гимназическій курсъ, съ очень и очень плохимъ знаніемъ языковъ (исключеніе—поляки, б. ч. порядочно знающіе французскій языкъ, да евреи—нѣмецкій),—мало развитымъ для усвоенія университетской науки, а главное—*мало прилежнымъ*. Вся забота, всѣми неправдами, сдать экзамены и получить дипломъ, а тамъ хоть трава не рости. Дипломъ, такъ сказать, открываетъ ворота въ область службы и общественной жизни; а съ какими познаніями проходитъ молодой человѣкъ въ эти ворота—на это отвѣтомъ служатъ раздающіяся отовсюду сѣтованія, что у насъ „людей нѣтъ“.

В. Лебедевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Учебныя воспоминанія [1]).

(Окончаніе).

Какъ же шло наше, старое ученіе въ гимназіи? Шло оно въ нашей гимназіи, какъ я думаю и во всѣхъ прочихъ, „ни шатко, ни валко“, а скорѣе вяло, „спустя рукава“, какъ говорится. Едва-ли хотя половина учащихся относилась къ ученію съ достаточнымъ вниманіемъ и смысломъ, о ниспосланіи котораго молились гимназисты передъ каждымъ урокомъ (лишь въ концѣ моего пребыванія въ гимназіи введено было чтеніе молитвы передъ началомъ и окончаніемъ классовъ лишь по одному разу въ день). Кстати сказать, спѣшное болтанье молитвы передъ началомъ и окончаніемъ каждаго урока истребляло въ ученикахъ всякое молитвенное настроеніе, обращаясь чуть не въ кощунство, благодаря слишкомъ частому повторенію.

Учителя наши относились къ своему дѣлу, нельзя сказать, чтобы всѣ очень усердно. Нельзя было не видѣть, что нѣкоторымъ изъ нихъ вовсе не доставляло удовольствія изъ года въ годъ зудить одно и то же, браниться съ лѣнтяями и озорниками, изматывать свои нервы въ борьбѣ съ лѣностью, тупостью, нежеланіемъ сдѣлать учителю пріятное и часто—стремленіемъ чѣмъ-нибудь ему досадить... Не поощряли къ усердію и скудное жалованье за тяжелый трудъ, и скупость начальства относительно наградъ. Старшіе учителя получали всего, кажется, по 400 р. с. при казенной квартирѣ, а младшіе—по 300 р.; приблизительно таковы были, кажется, и пенсіи, только безъ квартиръ. Награды, даже ничтожныя, въ родѣ какого-нибудь Станислава въ петлицу, были большой рѣдкостью; а извѣстно, какъ цѣнятся въ провинціи даже и Станиславы и какой гор-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 іюнь.

достью преисполняютъ „пожалованныхъ“. Можетъ быть, предполагалось, что учебному персоналу не подобаетъ быть честолюбивымъ, что его высшею наградою должно быть чувство самоудовлетворенія при видѣ успѣховъ учениковъ...

Но скудость вознагражденія за тяжелый трудъ педагога можно было объяснить, пожалуй, скудостью государственнаго бюджета старыхъ временъ. И неудивительно, что учителя охотно мѣняли свое педагогическое поприще на гражданско-служебное, разъ, что это послѣднее лучше оплачивалось; переходили въ чиновники особыхъ порученій къ губернаторамъ, въ совѣтники разныхъ губернскихъ палатъ и т. п... Ходившіе иногда слухи о злоупотребленіяхъ, о взяткахъ или иныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ учителей не служили, конечно, къ ихъ чести; но эти ихъ поступки имѣли свое оправданіе въ мизерности средствъ къ жизни, особенно трудной людямъ семейнымъ. Пусть бы напримѣръ учитель, завѣдывавшій продажею учебныхъ книгъ, передѣлывалъ означенныя на нихъ казенныя цѣны въ болѣе высокія (напр. 94 к. за таблицы логарифмовъ стоющія 24 к. или $2^1/_2$ р. за физику, стоившую 90 к.). Но вѣдь это были люди злосчастные, особенно если не имѣли уроковъ въ городѣ... и, я думаю, что на томъ свѣтѣ эти прегрѣшенія ихъ не будутъ имъ поставлены въ большую вину...

Я сказалъ, что ученіе шло вяло; напр. на первыхъ же порахъ по моемъ поступленіи, на урокѣ французскаго языка былъ продиктованъ русскій текстъ для перевода на французскій; я къ слѣдующему уроку и приготовилъ этотъ переводъ; оказалось, что переводомъ займутся только черезъ недѣлю; но и тутъ были только продиктованы французскія слова, нужныя для перевода; и только опять черезъ недѣлю приступили къ самому переводу изъ пятаго въ десятое, съ помощью учителя-француза, очень плохо понимавшаго по-русски... И вышло, что на ничтожныя строкъ 30 перевода мы употребили больше мѣсяца. Правда, что въ промежутки между „переводами“ было вызубрено нѣсколько правилъ изъ грамматики, большинству учениковъ совсѣмъ непонятныхъ на французскомъ языкѣ и заученныхъ ими по образцу попугая.

Другой примѣръ: на урокѣ географіи учитель приказалъ, чтобы къ слѣдующему уроку каждый ученикъ начертилъ себѣ карту Россіи. Я, никогда не упражнявшійся въ черченіи картъ, скопировалъ требуемую карту изъ атласа и даже раскрасилъ ее, какъ было въ немъ. Оказалось, что кромѣ меня никто карты не приготовилъ, что я напрасно поспѣшилъ, при чемъ неумѣлое мое произведеніе подверглось общей критикѣ и посмѣянію. Позже я начертилъ другую карту, уже проще, безъ раскраски, мнѣ неудававшейся; и эта моя

карта, какъ наиболѣе ясная и точная, служила потомъ всему почти классу при отвѣтѣ уроковъ. А еще вотъ учитель исторіи, приступая къ исторіи Греціи, приказалъ, чтобы у всѣхъ была начерчена карта древней Греціи и что же? Оказалось, что только 2—3 человѣка приготовили эту карту!

Словомъ, по мѣрѣ того, какъ я осваивался съ гимназическомъ бытомъ, я все больше и больше убѣждался, что чуть-ли не большинство учителей занималось „медленно спѣша", относясь къ своему дѣлу именно „спустя рукава", съ видимой скукой, лишь бы отбыть свой часъ. Ученики же, видимо имъ сочувствуя, то и дѣло спрашивали шопотомъ или мимикой, счастливцевъ съ часами „сколько осталось?" до звонка, конечно, что для лѣнивыхъ имѣетъ особенно важное значеніе въ томъ отношеніи—успѣетъ ли или нѣтъ учитель спросить ихъ до конца урока.

Не обладая особымъ педагогическимъ рвеніемъ, иные учителя очень охотно проводили часъ урока въ бесѣдахъ съ учениками о томъ, о семъ и обо всемъ, кромѣ лишь самаго предмета урока. Такъ напр. учитель русскаго языка (И. О. Лапшинъ) вмѣсто разъясненія 4-му классу смысла и случаевъ употребленія знаковъ препинанія, очень любилъ разговаривать объ охотѣ, о собакахъ, о музыкѣ, объ игрѣ на флейтѣ и кларнетѣ,—своихъ любимыхъ инструментахъ, и о многомъ другомъ; а за нѣсколько минутъ до звонка вдругъ спохватится и вызоветъ кого-нибудь отвѣчать „о запятой"... Звонокъ—и запятая остается къ слѣдующему уроку. Такъ за весь годъ мы и остались при запятой; а къ экзамену приготовились по трудно-переваримому „Востокову". Надо сказать, что учитель этотъ былъ человѣкъ очень милый,—не менѣе чѣмъ и учитель нѣмецкаго языка (А. Ф. Поратъ), тоже очень любившій бесѣдовать во время уроковъ обо всемъ, кромѣ нѣмецкаго языка. Хорошо бы еще, если бы бесѣды велись по-нѣмецки; но онъ предпочиталъ разговаривать по-русски, благо хорошо зналъ русскій языкъ. У него однако часть учебнаго времени все-таки употреблялась на дѣло. Эти учительскія бесѣды имѣли впрочемъ и свою хорошую сторону, хотя и въ ущербъ программамъ ученія: онѣ до нѣкоторой степени способствовали расширенію умственнаго горизонта учащихся; получались понятія о вещахъ,—не худыхъ конечно,—о которыхъ учебники ничего не сообщали. Выработана была даже особая система вовлеченія учителей въ бесѣды: только-что учитель начнетъ спрашивать, какъ кто-нибудь изъ тѣхъ, что посмѣлѣе или къ кому учитель больше благоволилъ, задавалъ ему вопросъ, повидимому, находившійся въ связи съ предметомъ урока; а затѣмъ разговоръ искусно переводился на всевозможныя постороннія темы, анекдоты, и пр. Главною цѣлью было,

конечно, не стараніе узнать отъ учителя что-нибудь новое, а просто желаніе отвлечь его отъ спрашиванія урока, въ интересахъ слабыхъ учениковъ, каковыхъ было большинство. Пріемъ этотъ удавался иногда и съ батюшкой—законоучителемъ (В. И. Сахаровъ, потомъ В. Н. Лаврскій): вдругъ кто-нибудь притворится непонявшимъ самаго понятнаго текста или слова и т. п., или начнетъ препираться насчетъ какого-нибудь евангельскаго событія,—батюшка увлечется, примется разъяснять и—цѣль достигнута; звонокъ; незнающіе урока спасены. Продѣлывалось это и съ учителемъ географіи (Н. Т. Навроцкій). Съ преемникомъ его (А. И. Мартыновъ) это уже не удавалось. Разумѣется, штуки эти удавались только съ тѣми учителями, въ которыхъ чуткій школьническій нюхъ чуялъ слабость и податливость уклоняться въ сторону отъ дѣла. Съ учителемъ исторіи напр. никому и въ голову не пришло бы заговорить о какихъ-нибудь пустякахъ. Учитель этотъ (И. П. Жуковъ) былъ человѣкъ очень серьезный, прекрасно знавшій свой предметъ и строго относившійся къ познаніямъ учениковъ. Попалъ онъ въ Нижній изъ Казани, гдѣ, состоя помощникомъ инспектора, былъ въ то же время преподавателемъ арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ и словесности; что заставило его промѣнять университетскую каѳедру на гимназическую—неизвѣстно. Онъ обладалъ хорошимъ даромъ слова и очень любилъ разсказывать объ историческихъ событіяхъ, особенно воодушевляясь, когда говорилъ о Востокѣ. Но старанія его дѣлиться съ учениками своимъ знаніемъ плохо оцѣнивались нами: едва-ли не большинство дремало въ нетерпѣливомъ ожиданіи звонка. Надо замѣтить еще, что, не принимая никакихъ мѣръ для поддержанія порядка въ классѣ, учитель этотъ такъ импонировалъ своей серьезностью, что никому и въ голову не приходило нарушать порядокъ. Къ сожалѣнію онъ оставилъ гимназію еще до окончанія мною курса, перейдя въ чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, подобно своему предшественнику, писателю П. И. Мельникову (Печерскому), вѣроятно, ради бо̀льшаго оклада содержанія и будущей карьеры, которой впрочемъ и не достигъ, такъ какъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, послѣ довольно неудачнаго супружества.

Съ уходомъ этого даровитаго преподавателя, гимназія довольно долго оставалась безъ учителя исторіи; предметъ этотъ былъ временно порученъ старшему учителю словесности (Е. С. Протасовъ), который дальше учебника конечно не шелъ, имѣя притомъ на своихъ рукахъ всю словесность съ 4 класса до 7 (т. е. реторику, исторію словесности, славянскій языкъ, ученическія сочиненія, разборы классическихъ литературныхъ произведеній), не имѣлъ и вре-

нени особенно вдаваться въ исторію, чтобы устно знакомить учениковъ съ подробностями историческихъ событій. Кажется, уже въ предпослѣдній годъ пребыванія моего въ гимназіи присланъ былъ изъ Казани новый учитель (В. Х. Хохряковъ) прямо съ университетской скамьи, не обладавшій ни даромъ слова, ни достаточнымъ знаніемъ предмета. Онъ слѣдилъ только, чтобъ отвѣчали по книжкѣ, не фантазируя. А книжки-то у насъ были довольно основательныя: это былъ учебникъ Смарагдова — три большіе тома (исторія древняя, средняя и новая)—для 4, 5 и 6 классовъ. Проштудировавъ эти три тома, гимназистъ получалъ все-таки больше знанія исторіи, чѣмъ въ позднѣйшее время получается изъ учебниковъ Иловайскаго, слишкомъ краткихъ для того, чтобы заинтересовать учащихся историческою жизнью народовъ, и представляющихъ собою неособенно даже искусное переложеніе на русскій діалектъ краткаго нѣмецкаго учебника Andräe, съ кое-какими добавленіями. Учебники Смарагдова, какъ ихъ ни критиковали нѣкоторые, все-таки давали учащимся болѣе цѣльное представленіе объ историческихъ фактахъ, чѣмъ краткіе наброски, почти конспекты, по которымъ изучается исторія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время. Въ 7 классѣ, на закуску, изучалась русская исторія, по очень краткому, деревяннымъ слогомъ написанному учебнику профессора Устрялова. Почтенный профессоръ, какъ ученый, какъ изслѣдователь былъ, конечно, безупреченъ; но какъ составитель учебниковъ едва-ли могъ бы заслужить премію. Его учебникъ русской исторіи приходилось, чтобы не терять нити разсказа, зубрить фразу за фразой, наизусть, вродѣ долбленія катехизиса.

Кстати сказать, насколько судьба учителей, обязанныхъ отслужить казнѣ за свое образованіе, зависѣла (а можетъ быть и доселѣ зависитъ) отъ произвола начальства, это можно было видѣть на томъ же нашемъ новомъ учителѣ исторіи: едва успѣлъ онъ нѣсколько войти въ свой предметъ, освоиться достаточно съ его преподаваніемъ, какъ его перевели въ Вятку учителемъ словесности. Тщетно онъ заявлялъ, что словесность уже почти улетучилась изъ памяти, что онъ все время съ назначенія въ Нижній занимался исторіей, попечитель нашелъ полезнымъ для службы отечеству перемѣстить его на словесность.

Что касается до нашего учителя словесности (Е. С. Протасовъ), съ которымъ мы проходили въ 4 классѣ славянскій языкъ и реторику (предметъ, впослѣдствіи преданный посмѣянію, а собственно преподаваемый и нынѣ, только подъ другимъ названіемъ), въ 5 и слѣдующихъ классахъ исторію словесности и пр., то этотъ учитель былъ назначенъ въ нашу гимназію, кажется, въ самый годъ моего

поступленія. Это былъ молодой человѣкъ, энергичный, старавшійся, по мѣрѣ силъ, развивать въ ученикахъ желаніе учиться; но энергія его, повидимому, нерѣдко притуплялась при столкновеніи съ апатіей учениковъ, изъ которыхъ большинство, пожалуй, смотрѣло на все ученіе въ гимназіи, какъ на отбываніе непріятной повинности, при чемъ сердце ихъ „далече отстояло“, говоря словами Библіи. Въ томъ же родѣ, при отсутствіи въ доброй половинѣ учащихся желанія заниматься, шли и уроки математики. Симпатичный младшій учитель математики (Е. П. Мухачевъ) прямо приходилъ иногда въ отчаяніе отъ невниманія и непонятливости своихъ учениковъ. А занимался онъ съ нами въ 4 классѣ упражненіями въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ (взамѣнъ латинскаго языка) и алгеброй. Параллельно преподавалась и геометрія—старшимъ учителемъ математики (Ю. О. Озембловскій). И этотъ добрѣйшій учитель-полякъ тоже иногда выходилъ изъ терпѣнія отъ нерадѣнія и невниманія учениковъ, но вообще волновался меньше, чѣмъ его товарищъ—младшій учитель.

Этотъ старшій учитель математики былъ довольно оригинальная личность, человѣкъ, видимо любившій учениковъ, не смотря на то, что они нерѣдко злоупотребляли его снисходительностью и потѣшались надъ его польскимъ акцентомъ и его манерою обращаться съ учениками.

Покончивъ ариѳметику и алгебру съ младшимъ учителемъ, гимназисты проходили прочія части средне-учебной математики (геометрію, логариѳмы, тригонометрію), космографію и физику уже со старшимъ учителемъ [1]). Тутъ для многихъ изъ учащихся камнемъ

---

[1]) Кстати: странно это дѣленіе учителей на старшихъ и младшихъ—по какому-то неясному признаку. Почему, напр. учитель, преподающій въ младшихъ классахъ считается младшимъ и меньше получаетъ, а преподающій въ высшихъ классахъ, называется старшимъ и получаетъ больше? Оба должны были пройти университетскій курсъ, чтобы получить званіе учителя; и нерѣдко, можетъ быть, попавшій въ младшіе лучше знаетъ предметы или способнѣе своего коллеги старшаго, а между тѣмъ, по предмету своему и по классу, въ которомъ преподаетъ, все остается младшимъ! Было бы еще понятно, если бы старшинство давалось числомъ лѣтъ службы,—куда ни шло. Ну, а какъ пришлось бы назвать старшаго учителя, если бы ему поручили исполнять обязанности младшаго (напр. за выходомъ этого или болѣзнью) и наоборотъ младшаго, если бы ему пришлось преподавать въ старшемъ классѣ? Вѣдь все-то дѣло въ названіи и въ разницѣ содержанія! Параллель этому дѣленію представляетъ дѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ: тѣ и другіе несутъ совершенно одинаковыя обязанности, а содержаніе получаютъ разное. Правда, что въ послѣдніе годы университеты, по снисхожденію министерства, изобилуютъ «исправляющими должность» безъ требуемой уставомъ ученой степени. Но это аномалія, которой, надѣемся, будетъ наконецъ положенъ конецъ.

преткновенія были логариѳмы и тригонометрія. Не многіе впрочемъ преуспѣвали и въ алгебрѣ, какъ и въ геометріи. Нѣсколько интересовалось юношество космографіей, но всего болѣе физикой — не формулами ея конечно, а опытами. Учитель однако очень рѣдко водилъ классъ въ физическій кабинетъ и даже не часто приносилъ въ классъ физическіе инструменты или модели,—все это, вѣроятно, изъ боязни отвѣтственности за порчу казенныхъ вещей, которую могли причинить ученики. Такимъ образомъ, значительную часть инструментовъ и опытовъ мы познавали по разсказамъ учителя и по описаніямъ въ книгахъ...

Начиная съ 4 класса чающіе университета занимались латинскимъ языкомъ (греческаго языка въ нашей гимназіи не было). Учитель (А. В. Вальдъ) былъ преподаватель очень тяжелый для учащихся по своему характеру и почти полному незнанію русскаго языка. Этотъ сухопарый, длинный, нѣмецъ былъ къ тому же очень подозрителенъ и придирчивъ, къ чему, впрочемъ, сказать правду, подавало поводъ и отношеніе къ нему учениковъ, безъ зазрѣнія совѣсти несшихъ ему всякую чушь въ своихъ отвѣтахъ и переводахъ. Латинскія сочиненія были до крайности плохи, такъ что онъ иногда перечеркивалъ ихъ сплошь, какъ негодныя; чаще же писались они съ помощью болѣе преуспѣвшихъ товарищей, тоже писавшихъ не безъ крупныхъ ошибокъ, при чемъ болѣе слабый подкупая товарища бутербродомъ или пирожкомъ, просилъ написать не очень хорошо, чтобы незамѣтно было, что „я не самъ писалъ“. Случалось и мнѣ, хотя и не „латинисту“, по долгу товарищества, поправлять и писать эти сочиненія, иногда,—что грѣха таить,—даже злоупотребляя почти полнымъ незнакомствомъ просящихъ съ языкомъ Цицерона и прочихъ римлянъ—и приводя учителя въ недоумѣніе вздоромъ, оказывавшимся въ этихъ сочиненіяхъ, изложенныхъ однако правильнымъ языкомъ. Помимо занятія латынью этотъ учитель занимался еще составленіемъ грамматики черемисскаго языка. О результатѣ его элукубрацій не знаю. Надо сказать, что и всѣ другія сочиненія, требовавшіяся по программѣ, писались только лучшими учениками добросовѣстно, безъ посторонней помощи; большею же частію и тутъ работалъ альтруизмъ болѣе способныхъ товарищей и не всегда безкорыстно, а за пирожокъ или т. п. Да и вообще всякаго рода школьническія уловки, шпргалы, подсказываніе, чтеніе черезъ столъ съ книжки товарища, сидящаго впереди, списываніе рѣшеній задачъ и пр. были въ полномъ ходу. Рѣдко кто, кромѣ двухъ-трехъ лучшихъ учениковъ, вызванный отвѣчать урокъ, не обращался къ обоимъ сосѣдямъ, съ просьбой: „подскажи“ или „покажи“. Отлично помнитъ это, конечно, и мой почтеннѣйшій соученикъ П. Д. Бобо-

рыкинъ. Даже вызванному отвѣчать къ доскѣ, напр. изъ геометріи, показывалось знаками или крупно написанными буквами, что слѣдуетъ изобразить на доскѣ, или же показывались чертежи. Разумѣется, все это продѣлывалось въ тотъ моментъ, когда учитель, ходя по классу, повертывался спиной; или же вниманіе его отвлекали какимъ-нибудь вопросомъ, будто бы очень интересующимъ вопрошающаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что учителя все это не подозрѣвали только, но хорошо знали и понимали, что ихъ морочатъ,—какъ сами прошедшіе въ дѣтствѣ эту школу обмановъ и всяческихъ школьныхъ уловокъ; почему и смотрѣли они на это сквозь пальцы, какъ на нѣчто неизбѣжное, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ, и сердясь только тогда, когда штуки были уже слишкомъ грубы и очевидны. Все это не мѣшало, однако, сколько теперь соображаю, правильной оцѣнкѣ познаній; плохому ученику рѣдко доставался хорошій баллъ.

Должно быть достаточно убѣдившись въ трудности правильной оцѣнки знанія уроковъ большинствомъ учениковъ при отвѣчаніи съ мѣста, преподаватель законовѣдѣнія (К. И. Садоковъ, сдѣлавшійся законовѣдомъ изъ учителя латинскаго языка; впослѣдствіи помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа) заставлялъ всѣхъ своихъ учениковъ—и плохихъ, и хорошихъ (чтобы не было обидно первымъ), отвѣчать стоя у каѳедры. Тутъ подсказывать было уже невозможно. Да и предметъ это былъ такой, что приходилось заучивать наизусть статьи свода законовъ. Вся очень краткая теоретическая часть этого курса законовѣдѣнія состояла у насъ изъ выборки нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ обзора Сперанскаго; а далѣе шла сплошная долбежка свода законовъ. Сначала учитель давалъ записки, мало впрочемъ уклонявшіяся отъ свода (для списыванія которыхъ намъ приходилось оставаться въ гимназіи еще послѣ классовъ), а потомъ перешелъ къ руководству проф. Рождественскаго, состоящему изъ сплошной перепечатки статей свода (безъ нумераціи), примѣнительно къ данной министерствомъ программѣ.

Всѣ, доселѣ мною названные учителя были люди, въ общемъ довольно добрые и снисходительные къ глупымъ выходкамъ и невниманію юношества, совсѣмъ почти не прибѣгавшіе къ сильнымъ мѣрамъ воздѣйствія, вродѣ напр. ставленія на колѣни или записи въ журналъ за шалости; ограничивались обыкновенно выговорами, внушеніями. Рѣзко отличался отъ всѣхъ учитель французскаго языка (А. Н. Савенъ), превзошедшій въ мѣрахъ воздѣйствія даже учителя латыни. Онъ тоже едва смыслилъ по-русски и въ отношеніяхъ къ ученикамъ былъ не столько требователенъ, сколько безтолковъ и золъ.

Рѣдкій урокъ у него проходилъ безъ того, чтобъ каѳедра его не была окружена цѣлымъ вѣнкомъ изъ поставленныхъ на колѣни; въ классномъ журналѣ графа неисправныхъ и шалившихъ была у него всегда заполнена. Тѣмъ не менѣе ученіе шло плохо; нѣкоторые такъ и не выучивались правильно читать по-французски, не говоря уже о произношеніи и достаточномъ пониманіи. И все-таки, тѣмъ не менѣе, учили грамматику по-французски, зубрили даже разговоры въ царствѣ мертвыхъ—какого-то писателя 18 столѣтія, зачѣмъ-то рекомендованные министерствомъ для гимназій.

Итакъ ученье наше шло, что называется, „черезъ пень—колоду". Учителя задавали уроки, ученики учили ихъ, кто какъ могъ или желалъ; большею частію въ надеждѣ дочитать въ „перемѣну", или что „подскажутъ". Въ каждомъ классѣ, изъ 25—30 ч. въ высшихъ классахъ и до 60 ч. въ низшихъ, было человѣкъ 5—6 учениковъ болѣе способныхъ или если и не очень способныхъ, то добросовѣстныхъ „зубрилъ",—какъ въ насмѣшку называли ихъ товарищи. Затѣмъ шла небольшая нейтральная часть среднихъ по успѣхамъ, хотя иногда и весьма способныхъ, но лѣнивыхъ; остальную часть класса составляли тупицы и окончательные лѣнтяи. Я думаю, это дѣленіе на три группы и теперь можно провести въ любой гимназіи. Припоминая личности своихъ товарищей всѣхъ разрядовъ, изъ которыхъ съ нѣкоторыми я былъ довольно близокъ, между прочимъ, по званію „цензора", т. е. спрашивающаго уроки (для доклада учителю) у особенно слабыхъ учениковъ,—могу сказать, что лѣность тутъ была, кажется, не столько лѣностью, сколько результатомъ плохого пониманія, слабости вниманія и неимѣнія возможности получать у себя дома разъясненіе непонятаго; а также—и отсутствія достаточнаго контроля и внушеній со стороны родителей и старшихъ. А разъ человѣкъ началъ лѣниться, даже въ зрѣломъ, сознательномъ возрастѣ, онъ легко и совсѣмъ погружается въ эту нирвану, въ эту обломовщину,—а о дѣтяхъ и говорить нечего, какъ легко они поддаются влеченію ничего не дѣлать... Притомъ и многіе изъ родителей смотрѣли и смотрятъ, пожалуй, на ученіе своихъ дѣтей, такъ: „лишь бы кончилъ какъ-нибудь гимназію или университетъ", получилъ бы „права". А съ какимъ запасомъ знаній онъ оставилъ учебное заведеніе, это для многихъ совсѣмъ безразлично; „какъ-нибудь, куда-нибудь, дастъ Богъ, пристроится". Кажется, что и въ настоящее время многіе смотрятъ на гимназическое ученіе съ точки зрѣнія: „какъ-нибудь проскочить на экзаменѣ, перейти въ классъ, получить аттестатъ"; цѣлью ученія ставится не знаніе, а аттестатъ. Многіе держатся этихъ воззрѣній и въ университетѣ, сколько мнѣ извѣстно по многолѣтнему опыту.

Что касается до контроля и внѣшней обстановки тогдашняго нашего ученія, то надо сказать, что дѣло это очень хромало; въ 4-хълѣтнее мое пребываніе въ гимназіи директоръ очень рѣдко заглядывалъ въ классы; а попечитель ея (князь Чегодаевъ) являлся въ нее только на торжественные акты, вовсе не любопытствуя посмотрѣть, какъ учатъ и какъ учатся, при какой обстановкѣ, несмотря даже на то, что въ гимназіи учился въ то время его сынъ. Окружной инспекторъ И. А. Сахаровъ за 4 года моего нахожденія въ гимназіи не былъ въ Нижнемъ ни разу, или можетъ быть былъ проѣздомъ, въ вакаціонное время, когда не было налицо учениковъ, да вѣроятно и многихъ изъ учителей. Попечитель учебнаго округа генералъ В. П. Молоствовъ былъ раза два проѣздомъ изъ Казани (тогда Нижегородская губ. принадлежала къ Казанскому учебному округу) и заходилъ въ классы. Къ визиту его подтягивались—и начальство гимназіи, и учителя; подтягивали и учениковъ. Инспекторъ внушалъ намъ при видѣ попечителя мгновенно вытянуться въ вструнку и закричать „здравія желаю, Ваше Превосходительство"! а директоръ пояснялъ, что это не долженъ быть громкій крикъ, а „murmur". Учителя на случай прихода попечителя задавали особые уроки, преимущественно изъ тѣхъ частей своихъ наукъ, которыя казались лучше усвоенными; а отвѣчать вызывали при немъ, разумѣется, только лучшихъ учениковъ.

Однажды, помню, Молоствовъ обратилъ вниманіе на губку, находившуюся при классной доскѣ; обыкновенно для стиранія съ доски намъ служили мокрыя, грязныя, вонючія тряпки, хорошо умѣщавшіяся на узенькой полочкѣ внизу доски; а тутъ, къ приходу попечителя положены были губки, которыя никакъ не удерживались на узкой дощечкѣ и падали на полъ. Добродушный старецъ посовѣтовалъ поэтому сдѣлать полочки шире, на что начальство гимназіи отвѣчало, что будетъ исполнено; а съ уходомъ попечителя губки мгновенно замѣнились противными тряпками. Да, кажется, и губки-то были вродѣ знаменитаго аракчеевскаго жаренаго поросенка у военныхъ поселянъ и переходили вмѣстѣ съ попечителемъ и сопровождавшими его директоромъ и инспекторомъ изъ класса въ классъ!

Кажется, осенью 1852 г. посѣтилъ нашу гимназію, вѣроятно, проѣздомъ въ Казань, министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ. Къ пріѣзду этого довольно древняго сановника все въ гимназіи подтянулось, конечно, еще больше; директоръ и инспекторъ особенно усердно внушали ученикамъ не сбиться въ привѣтствіи и не закричать „нревосходительство", вмѣсто „сіятельство". Классныя доски получили, конечно, опять губки вмѣсто тряпокъ и приличные куски мѣлу... Въ часъ посѣщенія министромъ въ

моемъ классѣ шелъ урокъ рисованія и, хотя нѣкоторые ученики уже не занимались рисованіемъ, переставшимъ, кажется съ 1851 г., быть обязательнымъ предметомъ, однако ученики были собраны въ классъ всѣ и всѣмъ розданы для копированія новые рисунки большого формата, то и дѣло соскальзывавшіе съ партъ, не имѣвшихъ для нихъ никакихъ приспособленій. Высокій гость поглядѣлъ на нѣкоторые изъ нихъ и, помнится, сказалъ, что надо бы устроить пюпитры. Впрочемъ, вѣроятно, онъ понялъ, что „это было только для него", такъ какъ при наличныхъ условіяхъ рисовать съ этихъ оригиналовъ было невозможно; да и вообще, едва-ли кто изъ учениковъ былъ въ состояніи копировать съ такихъ трудныхъ рисунковъ, какіе были намъ даны. Обыкновенно же учитель рисованія, онъ же и чистописанія (Н. Тр. Дмитріевъ) давалъ оригиналы маленькіе, частью литографированные, частью изъ оставшихся у него произведеній прежнихъ учениковъ и вообще, нетрудные. Кстати сказать, этотъ добрякъ-учитель, отецъ многочисленнаго семейства, человѣкъ недальній, былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и дураченья; ученики звали его, заочно разумѣется, не иначе, какъ „Трошка" (отъ отчества „Трофимычъ") и разсказывали про него всякій вздоръ.

Помимо уроковъ рисованія, черченія и чистописанія къ обязанности его относилось подбирать учениковъ въ пары въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ водили къ обѣднѣ въ ближайшій къ гимназіи Благовѣщенскій соборъ; въ соборѣ этомъ директоромъ гимназіи сооружена была икона св. Іоанна Богослова изъ остатковъ отъ сбора съ учениковъ „на свѣчу" этому апостолу и евангелисту, считавшемуся покровителемъ нашей гимназіи.

Что касается до обращенія съ нами начальства, то слѣдуетъ сказать, что оно было довольно патріархальное; педагогическія мѣры были почти тѣ же, что и у учителей. Инспекторъ (Егоръ Тимоѳ. Лѣтницкій) довольно охотно ставилъ на колѣни, или просто заставлялъ стоять за партой („стань столбомъ!"); больше, конечно, въ низшихъ классахъ; а въ высшихъ и онъ, и директоръ больше ограничивались выговорами и угрозами „отдать въ солдаты", что въ тѣ времена было возможно и въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ случалось. Съ учениками низшихъ классовъ инспекторъ обращался даже совсѣмъ патріархально: плюхами, правда, не угощалъ; но очень любилъ, изловя какого-нибудь шалуна, отвести его въ классъ за вихоръ или за ухо, чтобы тамъ поставить на колѣни. Сѣченія, щедро примѣнявшагося при вышеупомянутомъ Сахаровѣ, я уже не засталъ. Только однажды примѣнено оно было, по приговору педагогическаго совѣта гимназіи, къ одному отчаянному озорнику и лѣнтяю, ученику 3-го класса. О событіи этомъ директоръ счелъ нужнымъ оповѣстить, должно быть

для острастки, всѣхъ учениковъ, собравъ ихъ въ одну изъ залъ. При этомъ онъ, какъ бы намекая на моральную пользу такого воздѣйствія на мягкія части юношей, сообщилъ, что, по окончаніи экзекуціи, оперированный поцѣловалъ ему руку, благодаря за „науку“ и обѣщая исправиться. Исправился ли онъ и окончилъ ли курсъ—не знаю.

Весьма непріятнымъ наказаніемъ было, разумѣется, такъ называемое оставленіе безъ обѣда, какъ дававшее родителямъ учениковъ знать, что „дите“ ихъ провинилось въ чемъ-то. Если ученикъ былъ оставленъ за незнаніе урока, то долженъ былъ, выучивъ его, заявить инспектору, который и выслушивалъ его или поручалъ это жившему у него пансіонеру. А когда мы, гимназическіе „юристы“—оставались послѣ уроковъ для списыванія записокъ законовѣдѣнія, то это выслушиваніе часто возлагалось на меня. Покончивъ со списываніемъ, я шелъ по классамъ, спрашивалъ уроки у остальныхъ и докладывалъ инспектору, что „знаютъ“, „выучили“, нерѣдко кривя при этомъ душой, чтобы дать оставленнымъ возможность поскорѣе идти обѣдать.

Приходилось, сознаюсь, кривить душой и передъ учителями благодаря системѣ цензорства, когда лучшимъ ученикамъ класса поручалось спрашиваніе уроковъ у плохихъ. Разумѣется, учителя очень сердились на цензоровъ, если при провѣркѣ знаній цензуруемыхъ оказывалось, что они аттестованы цензорами неправильно, съ поблажкой. А иные цензора вѣдь не прочь были и отъ взятокъ, въ видѣ пирожковъ, бутербродовъ и т. п.

Въ числѣ „мѣръ“ полагался и карцеръ; но наказанію этому въ мое время никто не подвергался; да и самаго карцера не существовало; было только преданіе, что для него отведено даже мѣсто въ подвалѣ, подъ директорской квартирой.

Иногда, въ „большую перемѣну“, мы бѣгали по нижнему подвальному корридору въ эту часть зданія гимназіи и со страхомъ заглядывали въ предполагаемое тюремное помѣщеніе, рискуя нарваться на директора, спускающагося изъ своей квартиры. Такимъ же проблематическимъ дѣломъ, какъ учрежденіе карцера, было и предполагавшееся обученіе гимназистовъ военному строю и маршировкѣ, предписанное, кажется, всѣмъ учебнымъ заведеніямъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Наша гимназія пріобрѣла для этой цѣли пустопорожнее мѣсто, находившееся позади нея. Оно было расчищено и выровнено; но до маршировки такъ дѣло и не дошло при насъ. Не хватило ли средствъ на наемъ „инструктора“, или просто это была безпечность начальства, откладываніе въ дальній ящикъ—не могу сказать. Гимназисты же были, конечно, этому рады,

какъ радовались обыкновенно и неявкѣ учителя въ классъ, и всякому случайному прекращенію урока, напримѣръ, изъ-за дымящей печки и т. п.

Когда я впослѣдствіи пріѣзжалъ въ Нижній, то видѣлъ, что на углу нашего „учебнаго плаца", выходящемъ къ Тихоновской церкви, появился домикъ съ питейнымъ въ немъ заведеніемъ не въ дальнемъ разстояніи отъ того конца зданія гимназіи, въ которомъ находилась квартира директора; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другого конца, того, съ котораго ученики входили въ гимназію, появилась кофейня, одно изъ тѣхъ заведеній, которыхъ такъ много возникло въ 70-хъ гг. въ провинціи, благо „права" на кофейное заведеніе стоили дешевле, чѣмъ на питейное; а подъ фирмой кофе или чая можно, какъ это и дѣлается, подавать крѣпкіе напитки—такъ называемый „холодный чай".

Сосѣдство для учебнаго заведенія, не совсѣмъ приличное и притомъ запрещенное правилами акцизнаго устава.

Красивое зданіе гимназіи поставлено очень хорошо, между двухъ улицъ, Варварской и Тихоновской, фасадомъ на площадь, какъ разъ противъ Благовѣщенскаго собора, стариннаго зданія, испорченнаго позднѣйшими „исправленіями", по прихоти и фантазіи невѣжественныхъ старостъ, да и самого духовенства, какъ это обыкновенно дѣлается въ провинціи съ историческими зданіями. Въ наше время главы и колокольня этого собора были покрыты зеленой (изразцовой?) чешуей, что̀ придавало зданію очень типичный видъ. Потомъ эту покрышку замѣнили бѣлой жестью... Могъ бы я кое-что сказать и о другихъ „улучшеніяхъ" нижегородскихъ церквей, но это выходитъ уже изъ предѣловъ моей темы.

На той же Благовѣщенской площади находится и духовная семинарія, и почтовая контора, и гостиный дворъ, во второмъ этажѣ котораго, между прочимъ, пріютился окружный судъ. Противулежащая всѣмъ этимъ зданіямъ сторона площади занята кремлевскою стѣною съ нѣсколькими башнями, изъ которыхъ въ Дмитріевской устроенъ теперь музей нижегородской старины, а раньше помѣщался архивъ губернскаго правленія.

Главный подъѣздъ гимназіи, по серединѣ фасада, въ наше время открывался только въ торжественныхъ случаяхъ; ученики же входили обыкновенно съ бокового входа, что̀ противъ зданія почты. Въ этомъ подъѣздѣ витая чугунная лѣстница, всегда хорошо натертая графитомъ, вела прямо въ бель-этажъ, гдѣ классы; но намъ по ней ходить не дозволялось; а ходили мы черезъ холодный (зимою, разумѣется) корридоръ 1-го этажа, до маленькой деревянной лѣстницы, ведущей тоже въ классный корридоръ; изъ него проходили въ „сборную", комнату съ 7-ю (по числу классовъ) большими шкафами для

верхняго платья и галошъ. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщались, кажется, канцелярія — и затѣмъ квартиры нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ гимназіи, а въ подвальномъ корридорѣ—квартиры служителей, куда гимназисты бѣгали покурить и побалагурить. Въ корридорѣ 1-го этажа находились квартиры инспектора и учителей. Часть учителей помѣщалась и въ 3-мъ этажѣ. Середину бель-этажа занимаетъ актовый залъ въ два свѣта, съ розой вѣтровъ на плафонѣ, которой соотвѣтствуетъ флюгеръ надъ крышей зданія, съ обозначеніемъ странъ свѣта. За этимъ заломъ находились, какъ вѣроятно и теперь находятся,—библіотека и физическій кабинетъ,—предметъ желаній и зависти учениковъ младшихъ классовъ, когда они видѣли, что учитель физики повелъ туда старшіе классы. Далѣе слѣдовала квартира директора и при ней красиво обставленная комната для пріѣзда „особъ“. Эта часть зданія была намъ мало извѣстна, такъ какъ забравшійся туда ученикъ легко могъ наткнуться на директора и получить головомойку за шатаніе, гдѣ не слѣдуетъ. Для склонныхъ къ шатанію удобнѣе было, отпросившись изъ класса („позвольте выйти“ просто или съ приложеніемъ платка къ носу, якобы „кровь пошла“) слоняться по корридору, а еще лучше бѣжать внизъ, гдѣ они и болтались, сколько находили нужнымъ, чтобы избѣжать отвѣчанія урока. Зимній холодъ и то, что „извѣстное мѣсто“, составлявшее будто бы, цѣль ухода изъ класса, было самаго примитивнаго устройства и находилось на дворѣ, ничѣмъ незащищенное отъ холода, нисколько не пугали „отлынивающихъ“. Въ тѣ времена въ провинціи и въ поминѣ не было тѣхъ приспособленій (да и въ столицахъ они были еще за рѣдкость), о которыхъ такъ неодобрительно отзывается Толстовскій Акимъ въ „Власти тьмы“. Люди тогда не были еще избалованы; жили въ простотѣ; да и здоровьемъ были покрѣпче; простудъ не боялись, въ англійскихъ выдумкахъ не нуждались.

Классныя комнаты наши, по тогдашнему числу учениковъ, были довольно просторны, хорошо освѣщены (хотя нѣкоторымъ ученикамъ приходилось сидѣть спиною къ свѣту); а стѣны ихъ, не знаю, согласно ли это съ требованіями нынѣшней педагогіи, были хорошо выбѣлены. Въ двухъ простѣнкахъ между окнами висѣли, въ одномъ „золотая доска“, т. е. красная доска въ золоченой рамѣ — для изображенія бѣлой краской именъ и фамилій лучшихъ учениковъ, — а въ другомъ—„черная доска“, на которой, сколько помнится, красной краской писались имена и фамиліи самыхъ негодныхъ учениковъ. Эта доска была, впрочемъ, большею частію чиста, по добротѣ-ли начальства, не желавшаго позорить своихъ, хотя бы и очень худыхъ, питомцевъ, — или же ради того, чтобы не получать замѣчаній отъ высшаго начальства (иногда заглядывавшаго въ заведеніе), за неу-

мѣніе внушить всѣмъ воспитанникамъ принципы благонравія и прилежанія. Прилежаніемъ же, какъ я выше замѣтилъ, отличались только немногіе, болѣе добросовѣстные и болѣе способные изъ числа учащихся. Насколько же вообще большинство тяготилось классами, можно было видѣть изъ вопросовъ, передававшихся, какъ я уже выше сказалъ, словесно и знаками съ разныхъ партъ ученикамъ, имѣвшимъ часы: „сколько осталось?“ Классные часы имѣлись только въ 7-мъ классѣ; по ихъ указанію давался звонокъ, нетерпѣливо ожидаемый какъ учениками, такъ и учителями, вродѣ какъ бы избавителя отъ тяжкой, непріятной повинности.

Экзамены не представляли ничего особеннаго, производились они у насъ довольно поздно, въ половинѣ іюля, обыкновенно подъ предсѣдательствомъ директора, причемъ учителя играли почти пассивную роль. На экзаменъ изъ Закона Божія обыкновенно приглашался архіерей. Награды отличившимся въ видѣ книгъ, похвальныхъ листовъ и книгъ съ придачею похвальныхъ листовъ раздавались осенью; тутъ иногда присутствовалъ и попечитель гимназіи.

Такъ тянулось ученье, годъ за годомъ, обращаясь для нѣкоторыхъ изъ тогдашняго 7-ми-лѣтняго курса въ болѣе продолжительный, иногда съ очень долгимъ сидѣніемъ въ одномъ и томъ же классѣ, такъ какъ срока пребыванія въ классахъ тогда, кажется, не было еще установлено, какъ не существовало и изобрѣтеннаго въ министерство графа Д. А. Толстого—увольненія за „безуспѣшность“. Прежніе педагоги стыдили и бранили плохихъ и лѣнивыхъ учениковъ, употребляли даже суровыя мѣры, чтобы сдѣлать ихъ „успѣшными“; держали ихъ по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ,—все въ надеждѣ, что съ годами ихъ способности разовьются и они подъ вліяніемъ имѣющаго, наконецъ, проявиться сознанія вреда лѣности—дотянутся какъ-нибудь до окончанія курса. Словомъ—старались и изъ малоспособныхъ и лѣнтяевъ сдѣлать людей, на что-нибудь годныхъ, въ предѣлахъ ихъ способностей. Исключеніе за безуспѣшность, прямо выбрасывая юношей на мостовую, создаетъ изъ нихъ контингентъ недовольныхъ, можетъ быть, не рѣдко—революціонеровъ—пушечное мясо анархіи. Въ былое время малоспособные и лѣнивые, особенно изъ средняго рода людей, оставляли гимназію въ половинѣ курса и куда-нибудь пристраивались, кто въ гражданскую службу, кто въ лавку, кто въ юнкера, какъ сказалъ я выше; такъ что недовольныхъ и ропщущихъ не было: „система“ ихъ не создавала. Въ этомъ было большое преимущество уваровскихъ гимназій передъ толстовскими.

Кончили мы курсъ и разбрелись въ разныя стороны: кто пошелъ въ университетъ, кто на гражданскую службу, кто—въ Крымъ,

добровольцами, поступивъ въ полки дѣйствующей арміи, кто въ ополченіе, тогда формировавшееся. Товарищи, принимавшіе участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, всѣ вернулись здравы и невредимы, офицерами, съ медалями, нѣкоторые съ Аннами „за храбрость". Одинъ изъ товарищей сидѣвшихъ со мною рядомъ 4 года (Л. Л. Цвейфель) поступилъ въ Московскій университетъ и былъ потомъ полковымъ врачемъ; другой (Д. А. Вѣнскій)—въ Казанскій университетъ и былъ потомъ очень извѣстнымъ врачемъ въ Н.-Новгородѣ. Наиболѣе же выдвинулся изъ числа моихъ однокашниковъ П. Д. Боборыкинъ, уже съ 6 или 7 класса проявившій писательскій талантъ, къ удивленію товарищей и учителя словесности, никакъ не ожидавшаго, что на нивѣ его преподаванія возрастетъ такой цвѣтокъ, который не только обогатитъ своими плодами русскую беллетристику, но даже получитъ кресло въ Академіи Наукъ.

Нѣкоторые изъ товарищей умерли въ молодыхъ лѣтахъ, ничего хорошаго не успѣвъ получить отъ жизни, къ которой готовила ихъ гимназія... Меня, послѣ нѣкоторыхъ перипетій и исканія пристани, судьба привела на университетскую каѳедру.

В. Лебедевъ.

1 дек. 1906 г.

Учебныя воспоминанія [1]).

Казанскій университетъ на рубежѣ второго пятидесятилѣтія своей жизни.

Пятаго ноября 1904 года исполнилось столѣтіе существованію Казанскаго университета. Имѣвъ удовольствіе состоять его студентомъ въ самую эпоху его перехода на вторую половину столѣтія, беру рѣшимость подѣлиться съ лицами, интересующимся университетскимъ бытомъ старыхъ временъ и, въ частности, съ товарищами-казанцами тѣмъ, что сохранилось у меня въ памяти о тогдашнихъ временахъ вообще, о тогдашней Казани, о дѣлахъ и житьѣ-бытьѣ университета и его студентовъ.

Предлагая читателямъ мои очерки и воспоминанія, считаю нужнымъ оговориться, что, можетъ быть, кое въ чемъ мнѣ измѣнила память и кое въ чемъ сужденія мои нѣсколько субъективны. Хотя я и старался быть совершенно объективнымъ повѣствователемъ, но могло случиться, что иногда, возвращаясь въ глубь пятидесятилѣтія, вновь переживая въ памяти бывшее и наблюдавшееся, я невольно выходилъ изъ роли сторонняго наблюдателя, а иногда, можетъ быть, больше говорилъ о себѣ, чѣмъ это можетъ интересовать читателя... Но вѣдь кто же изъ пишущихъ воспоминанія въ этомъ не грѣшенъ?

Прежде всего однако приходится отмѣтить странное историческое совпаденіе: предполагавшееся торжественное празднованіе 50-тилѣтняго юбилея Казанскаго университета было отмѣнено высшимъ начальствомъ, повидимому, по случаю Крымской войны. Не со-

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1907 года.

стоялось, т. е. отложено ad calendas graecas, и празднованіе столѣтняго юбилея, тоже совпавшаго съ войною, да еще болѣе тяжелою и болѣе для насъ несчастною, чѣмъ была Крымская. И странное дѣло: мало того, что не было тогда дозволено празднованіе 50-тилѣтія, но приказано было даже закрыть комиссію, учрежденную при университетѣ для составленія его исторіи за протекшее время и уже начавшую было свои засѣданія въ концѣ октября 1853 г. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ знаменитаго математика, бывшаго профессора, а тогда уже помощника попечителя учебнаго округа, Н. И. Лобачевскаго, изъ такихъ солидныхъ людей, какъ профессора—Буличъ, Дмитріевскій, Ивановъ, Киттары, Ковалевскій, Котельниковъ и Протопоповъ—едва-ли способна была сочинить что-либо непріятное для правительства или несогласное съ его видами. Вѣдь тогда на этотъ счетъ было строго, и самые отчаянные въ душѣ либералы не рисковали выходить изъ роли скромныхъ овечекъ... А если бы тогда уже была бы составлена предполагавшаяся исторія, какъ облегчились бы труды нынѣшняго составленія исторіи столѣтняго существованія нашего Казанскаго университета!

Почему послѣдовалъ тогда запретъ — это совсѣмъ непонятно: нельзя же предположить, что убоялись словъ „исторія университета“, смѣшавъ ихъ со словами „университетская исторія“. Вѣдь университетскія исторіи — продуктъ позднѣйшаго времени, создаваемый, по большей части, безтактностью самой же высшей администраціи, какъ бы съ цѣлью увеличивать трудъ составителей „исторій университетовъ“...

И мало того, что университетъ остался безъ исторіи своего перваго 50-тилѣтія, но оно не было ознаменовано ни оффиціальнымъ празднованіемъ, ни Высочайшимъ рескриптомъ, ни наградами университетскимъ дѣятелямъ, ни милостями студентамъ. Былъ только устроенъ балъ по иниціативѣ и подпискѣ студентовъ; да нѣкоторые профессора [1]) издали 2-хъ-томный сборникъ своихъ статей въ память юбилея [2]).

Помню, съ какой завистью бывало глядѣли мы, гимназисты, сидя въ классѣ еще въ іюнѣ и въ началѣ іюля, на пріѣзжавшихъ уже въ концѣ мая и началѣ іюня на вакацію старшихъ товарищей на-

---

[1]) Математики: Ковальскій, Лобачевскій, Поповъ; юристы: Мейеръ, Осокинъ, Фогель; экономистъ Бабстъ и медикъ (профессоръ судебной медицины) Блосфельдъ.

[2]) Теперь столѣтіе свое университетъ ознаменовалъ изданіемъ своей исторіи, которой вышло уже 4 тома in 4°, и доведенной пока до 1828 г.

шихъ, приходившихъ въ гимназію (по тогдашнимъ правиламъ) представляться ея директору, обязанному наблюдать за студентами во время пребыванія ихъ въ гимназическомъ городѣ. Помню, какъ мы завидовали ихъ голубымъ воротникамъ, мундирамъ съ серебряными (а у студентовъ столичныхъ – золотыми) петлицами и ихъ, полнаго сознанія своего превосходства надъ нами, фигурамъ со шпагой на боку и трехъуголкой на головѣ. Тутъ сердца гимназистовъ-латинистовъ (т. е. готовящихся къ университету) [1]) начинали биться усиленнымъ темпомъ, и желаніе поскорѣе смѣнить противный красный воротникъ и околышъ (дававшій поводъ уличнымъ мальчишкамъ дразнить гимназистовъ „красной говядиной“) на благородные голубые—разгоралось до nec plus ultra.

Въ тѣ времена въ Нижегородской гимназіи, гдѣ я учился, выпускные экзамены производились въ концѣ мая и въ началѣ іюня. Переводные же (не знаю такъ-ли теперь) происходили въ первой половинѣ іюля въ тѣхъ видахъ, чтобы вакаціонное время совпадало съ ярмарочнымъ. Къ ярмаркѣ тогда тяготѣла и приспособлялась вся жизнь богоспасаемаго града Нижняго-Новгорода.

Кончилась наконецъ экзаменаціонная страда; разбрелись товарищи, кто куда; латинисты же въ чаяніи сойтись снова и, можетъ быть, опять сидѣть рядомъ, но уже на университетскихъ скамьяхъ.

Послѣ сухого, по часамъ размѣреннаго гимназическаго режима, съ обязательнымъ сидѣніемъ въ классахъ и зубреніемъ уроковъ, университетъ являлся нашему воображенію въ нѣкоемъ ореолѣ: профессора вмѣсто учителей, лекціи вмѣсто задаванія и спрашиванія уроковъ „отъ сихъ до сихъ“; осмысленное преподаваніе вмѣсто отбыванія учителями своихъ часовъ, давно ставшаго для нихъ скучной повинностью; осмысленное слушаніе лекцій, съ записываніемъ и обработкой ихъ; научныя бесѣды съ профессорами... Наконецъ свободная, привольная, веселая студенческая жизнь... Словомъ, все то, о чемъ мы много наслышались и въ гимназіи отъ учителей, и отъ старшихъ товарищей-студентовъ, да и дома отъ отцовъ и ихъ знакомыхъ,—все это неудержимо тянуло въ университетъ, тянуло безъ какихъ-либо заднихъ мыслей — о полученіи „правъ“, о „слу-

---

[1]) Съ 1849—50 учебнаго года введена была въ гимназіяхъ бифуркація: начиная съ 4-го класса гимназисты, по желанію собственному или родительскому, раздѣлялись на имѣющихъ намѣреніе поступить въ университетъ и на предназначающихъ себя для поступленія въ гражданскую службу по выходѣ изъ гимназіи. Для первыхъ обязательно было изученіе латинскаго языка; для вторыхъ онъ замѣнялся изученіемъ законовѣдѣнія въ 5, 6 и 7 классахъ и усиленными упражненіями въ ариѳметикѣ въ 4-мъ классѣ.

жебныхъ преимуществахъ"; мечтать объ этомъ, о выходѣ „въ люди", юноши тѣхъ временъ больше предоставляли за себя своимъ родителямъ, опекунамъ и вообще „старшимъ"... Только болѣе взрослые намѣчали себѣ извѣстную карьеру, не всегда конечно осуществлявшуюся. Но иные изъ товарищей, не мечтавшіе о высшемъ образованіи, тотчасъ по выходѣ изъ гимназіи опредѣлялись къ гражданскимъ дѣламъ; иные поступали въ военную службу—юнкерами.

Пріятно и весело, а потому быстро и незамѣтно пролетѣло время, остававшееся до поступленія въ университетъ, посвященное полному отдыху отъ семилѣтнихъ (а для меня четырехъ-лѣтнихъ, такъ какъ я началъ гимназію съ 4-го класса) гимназическихъ трудовъ. Это время отдыха, предшествующаго переходу отъ школьнаго режима средне-учебныхъ заведеній къ университетской свободѣ ученія, пожалуй, что самое счастливое время въ жизни юношей учебнаго возраста. У многихъ это вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха окончательнаго перехода изъ дѣтства къ юношеству, эпоха первыхъ, неясныхъ еще порывовъ души, ищущей себѣ другую сочувствующую душу—только другого пола. Нѣкоторымъ случается въ это свободное отъ другихъ занятій время дѣйствительно найти эту парную душу; тогда время пролетаетъ еще быстрѣе въ блаженномъ упоеніи чарами первой, святой любви... и тутъ какъ бы неожиданнымъ ударомъ является часъ разлуки—отъѣздъ въ университетъ... А до этого рокового часа полное отсутствіе заботъ (разумѣется, для юноши, имѣющаго нѣкоторый достатокъ), свобода отъ ученія, безпрепятственный отдыхъ, партикулярное платье, вмѣсто тогдашней омерзительной гимназической формы,—все это какъ бы подготовляло уже къ чему-то совсѣмъ новому, къ коренной перемѣнѣ жизни...

А впереди университетъ, въ представленіи юноши являющійся какъ бы священнымъ храмомъ, въ которомъ онъ надѣется, подобно Гёте, найти „неизсякаемый ключъ живой воды, отвѣты на всѣ вопросы", не думая, конечно, что благоговѣйной надеждѣ этой, быть можетъ, и не суждено осуществиться, какъ сѣтовалъ тотъ же Гете, побывавъ въ университетѣ. Но вѣдь Гёте былъ геній; по своимъ дарованіямъ, по своему уму онъ, очевидно, стоялъ выше того, что могъ ему дать университетъ его времени; и не удивительно, что онъ не нашелъ въ немъ того, чего искалъ: это искомое было уже отъ природы въ немъ самомъ. Въ представленіи же обыкновеннаго смертнаго университетъ является дѣйствительно въ какомъ-то ореолѣ.

Не нашелъ удовлетворенія въ университетѣ Гёте; не находятъ его теперь и многіе изъ студентовъ, главнымъ образомъ изъ нашихъ русскихъ; не находятъ не потому, что по талантамъ и развитію

своему сколько-нибудь близки къ этому великому человѣку, а потому, что *не хотятъ* искать въ университетской наукѣ того, что имъ нужно, чтобъ сдѣлаться полезными для общества гражданами и работниками.

Около половины августа 1853 г. я отправился въ Казань въ сопровожденіи отца, непремѣнно хотѣвшаго видѣть, какъ я устроюсь студентомъ. Собственно привлекалъ меня университетъ Московскій, въ пользу котораго склоняли и слухи о лучшемъ составѣ профессоровъ, и желаніе поскорѣе ознакомиться съ первопрестольной столицей, въ которой я еще не бывалъ. Но были соображенія и въ пользу Казани: Нижегородская гимназія принадлежала тогда къ Казанскому учебному округу и, слѣдовательно, по существовавшему тогда правилу, я могъ поступить въ Казанскій университетъ безъ пріемнаго экзамена, тогда какъ въ Москвѣ студенту чужого округа пришлось бы продѣлать эту скучную процедуру. Уговаривалъ и отецъ въ пользу Казани, можетъ быть изъ боязни, какъ бы юноша не сбился съ пути въ пучинѣ московской жизни; не зналъ онъ, что и въ Казани имѣлась своя пучина. Было, правда, и еще одно соображеніе въ пользу Казани: попасть въ Московскій университетъ было труднѣе вслѣдствіе существованія тогда комплекта, ограниченнаго 300-ми студентовъ для всѣхъ факультетовъ вмѣстѣ, кромѣ медицинскаго. Казанскій же университетъ, какъ и нынѣ, не принадлежалъ къ числу многолюдныхъ; въ мое время всѣхъ студентовъ было въ немъ, кажется, съ небольшимъ 300, считая и медиковъ [1]).

---

[1]) Послѣдовавшее въ 1849 г. ограниченіе числа студентовъ имѣло цѣлью (по словамъ в. к Елены Павловны) побудить дворянъ больше поступать въ военную службу, для умноженія числа офицеровъ. Скорѣе однако можно думать, что сдѣлано это было подъ вліяніемъ политическихъ соображеній: студенты всегда были нѣкоторымъ пугаломъ для правительства. Поэтому вѣроятно и приказано было принимать въ университеты только юношей „самыхъ отличныхъ по нравственному образованію". Неимѣющіе аттестатовъ отъ учебныхъ заведеній (какъ, напр., молодые люди домашняго воспитанія) должны были представлять полицейскія удостовѣренія о своемъ „нравственномъ образованіи", каковыя и получались безъ затрудненія, за приличную мзду, конечно.

За ограниченіемъ числа студентовъ послѣдовалъ рядъ мѣръ къ пресѣченію „вредныхъ ученій"; въ 1849 же году было пріостановлено преподаваніе государственнаго права (вновь разрѣшенное только въ 1857 году); въ 1850 г. ограничено преподаваніе философіи и поручено оно профессорамъ богословія „для прекращенія провозглашенія съ университетскихъ каѳедръ мечтательныхъ теорій подъ именемъ философіи", какъ писалъ въ 1852 году министръ нар. просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ. Инструкціей 1850 г. ректорамъ и деканамъ внушалось усилить надзоръ за преподаваніемъ. Въ 1852 г. послѣдовало запрещеніе принимать въ профессора иностранныхъ

Для меня однако обстоятельства сложились такъ, что и въ университетѣ своего округа мнѣ пришлось сдавать вступительный экзаменъ. Дѣло было въ томъ, что я, какъ хорошо знавшій латынь (благодаря отцу, страстному латинисту), въ гимназіи латинскаго языка не изучалъ, поступивъ, по совѣту ея директора, на отдѣленіе готовящихся къ гражданской службѣ, изучавшихъ законовѣдѣніе взамѣнъ латыни, требовавшейся для университета. Вѣроятно, директоръ, узнавъ о моихъ познаніяхъ въ латыни, нашелъ, что занятія латинскимъ языкомъ съ преподавателемъ-нѣмцемъ, почти не знавшимъ русскаго языка и служившимъ посмѣшищемъ для гимназистовъ, ничего не прибавили бы къ моему знакомству съ латинскими классиками, тогда какъ нѣкоторое знакомство съ законовѣдѣніемъ могло пригодиться и въ университетѣ, въ случаѣ поступленія на юридическій факультетъ.

Судя по здравому смыслу, разумѣется, никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы мнѣ, окончившему гимназію первымъ ученикомъ, съ золотою медалью, пришлось бы сдавать въ университетѣ вступительный экзаменъ изъ чего-либо другого, кромѣ латинскаго языка. Но, какъ извѣстно, здравый смыслъ не всегда руководитъ нашими администраторами, даже университетскими: ректоръ Симоновъ не рѣшился взять на свою отвѣтственность („чтобъ не вышло непріятностей съ начальствомъ“, какъ онъ мнѣ сказалъ, принимая прошеніе) позволить мнѣ проэкзаменоваться изъ одной латыни и предложилъ сдать весь гимназическій курсъ, ободривъ словами: „у васъ такой хорошій аттестатъ, вамъ это не будетъ трудно“. А дѣло все было въ томъ, что въ моемъ гимназическомъ аттестатѣ забыли оговорить, что я обязанъ сдать только латынь, какъ это оказалось въ аттестатахъ, напримѣръ, учениковъ Симбирской гимназіи, начальство которой было или догадливѣе, или смѣлѣе начальства Нижегородской [1]).

ученыхъ, отмѣненное лишь черезъ 10 лѣтъ—въ 1862 г. Впрочемъ уже въ 1854 г. разрѣшено было увеличить контингенты на 50 человѣкъ по каждому университету. Ограниченіе числа студентовъ отмѣнено только при Александрѣ II, съ конца 1855 года.

[1]) Надо замѣтить, что раньше эпохи моего поступленія въ университетъ было обязательно сдавать вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Кажется, съ конца 1840-хъ годовъ требованіе это оставлено въ силѣ только для учениковъ съ плохими аттестатами и для желающихъ поступить въ университетъ не своего округа.

Строгими вступительными экзаменами министръ графъ Уваровъ надѣялся положить начало постепенному очищенію университетовъ отъ пло-

Для полноты разсказа надо однако вернуться назадъ и описать свое путешествіе изъ Нижняго въ Казань и первыя впечатлѣнія, полученныя отъ столицы Казанскаго царства.

Въ настоящее время имѣется очень удобное, быстрое и дешевое сообщеніе по Волгѣ; а страдающіе „водобоязнью“ могутъ достигнуть Казани даже по желѣзной дорогѣ, сдѣлавъ заѣздъ сперва въ Москву, а оттуда черезъ Рязань на Казань, по знаменитой своими безпорядками Московско-Казанской дорогѣ, проложенной вопреки здравому смыслу, безуспѣшно внушавшему, что естественное сообщеніе Москвы съ Казанью лежитъ черезъ Нижній. Такое сообщеніе и существовало издавна въ видѣ почтоваго тракта; но во время навигаціи всѣ предпочитали, разумѣется, ѣздить на пароходахъ.

Путешествіе наше по Волгѣ продолжалось, помнится, около трехъ сутокъ. Спеціально пассажирскихъ пароходовъ въ тѣ времена еще не было, хотя пароходство существовало уже съ конца 30-хъ годовъ. На нѣкоторыхъ пароходахъ были очень хорошія каюты, даже съ нѣкоторой роскошью; но пароходчики смотрѣли на пассажировъ, какъ-бы на нѣкоторый случайный дополнительный грузъ, для заполненія пустыхъ мѣстъ въ корпусахъ пароходовъ, въ сущности предназначавшихся для буксировки баржъ съ товарами. На самые пароходы рѣдко грузилось что-либо кромѣ дровъ для машины, да пассажирскаго багажа. Были, правда, какъ бы случайно каюты и на баржахъ, частію для публики низшаго сорта, частію для пароходной прислуги, которая уступала свои помѣщенія желающимъ проѣхать спокойнѣе, но конечно дешевле „таксы“, безъ подмочки дождемъ, грозящей палубнымъ пассажирамъ.

Путь совершался медленно, даже и хорошими ходоками (какимъ считался, напримѣръ, пароходъ „Орелъ“, на которомъ мы шли въ Казань) изъ-за частыхъ „перекатовъ“, на которыхъ приходилось иногда, смотря по состоянію воды, сидѣть по нѣсколько часовъ. Никакихъ предостерегательныхъ знаковъ и никакого освѣщенія, чѣмъ теперь такъ богата Волга, тогда на ней не существовало.

Если ночь была темная, то изъ опасенія засѣсть гдѣ-нибудь

хихъ студентовъ. Мѣра эта не была бы, пожалуй, лишнею и въ настоящее время, когда гимназіи даютъ университетамъ такую массу юношей-недоучекъ, верхоглядовъ, малоразвитыхъ для усвоенія университетскаго преподаванія. Страшно подумать, какой контингентъ молодежи этого сорта дадутъ университетамъ гимназіи теперь, послѣ гимназическихъ забастовокъ и митинговъ—совсѣмъ выбившихъ изъ колеи гимназическую молодежь, забывшую, какъ и гг. студенты, свое истинное назначеніе учиться и учиться прежде, чѣмъ сдѣлаться политическими дѣятелями.

на мели, пароходы останавливались у пристаней, а то и гдѣ придется, у берега, ночевать, а съ разсвѣтомъ опять трогались въ путь. Были, правда, какіе-то водяные стражи, чины, такъ называемой въ народѣ „водяной миликаціи“ т. е. коммуникаціи, иногда подъѣзжавшіе на лодкѣ къ застрявшему судну—и только. Помогали ли они сколько-нибудь судоходству—дѣло темное. Думается, что по тогдашнимъ обычаямъ содѣйствіеихъ ограничивалось только полученіемъ бакшиша.

Благодаря продолжительности путешествія пароходная публика, скученная на небольшомъ пространствѣ пароходной палубы, volens nolens сближалась, бесѣдовала, играла въ карты, читала, если было что (библіотекъ на пароходахъ не было, да и теперь есть ли—не знаю); нѣкоторые однако предпочитали почаще навѣщать буфетъ, закусывать, чайничать, а то и просто спать большую часть дня, ночь не въ счетъ. Любоваться же видами волжскихъ береговъ скоро надоѣдало, такъ какъ на плесѣ между Нижнимъ и Казанью они довольно однообразны.

Нашъ пароходъ велъ двѣ баржи съ грузомъ, причаленныхъ не сзади, какъ обыкновенно дѣлается, а вплотную съ боковъ парохода; это давало скучающей публикѣ больше мѣста для движенія во время длиннаго путешествія, такъ какъ палубы баржъ, находясь на одномъ уровнѣ съ палубой парохода,—соединялись съ нею сходнями.

Нашъ пароходъ шелъ, какъ я сказалъ, около 3 сутокъ; это было сравнительно скоро; такъ какъ случалось иногда, между прочимъ и мнѣ потомъ, ѣздить чуть ли не цѣлую недѣлю. Эта продолжительность не очень длиннаго пути (разстояніе между Нижнимъ и Казанью сухимъ путемъ считается около 400 верстъ, а водою, кажется, около 700—800) никого однако не ужасала, кромѣ стремящихся скорѣе попасть домой или куда очень было нужно; но мирились съ этой затяжкой, потому что ѣзда на лошадяхъ, то въ облакахъ пыли, то по непролазной грязи слишкомъ утомительна, да при томъ и много дороже. Ѣзда вверхъ по Волгѣ, то есть изъ Казани въ Нижній была конечно еще продолжительнѣе, чѣмъ внизъ по рѣкѣ: на большихъ буксирныхъ пароходахъ требовалось не меньше шести-семи сутокъ, особенно при низкой водѣ, да съ наступленіемъ темныхъ ночей. При этихъ обстоятельствахъ даже пароходы, возившіе почту, ходили по 3—4 сутокъ; знаю это по собственному опыту. Когда появились пароходы общества „Самолетъ“ и стали ходить безъ баржъ, совершая путь между Нижнимъ и Казанью аккуратно въ 30 часовъ, публика была въ восторгѣ отъ быстраго сообщенія: сегодня утромъ выѣхалъ, а завтра въ полдень на мѣстѣ!

Главной причиной медленности движенія были все тѣ же перекаты, что существуютъ и нынѣ, нѣкоторые съ характерными названіями вродѣ: Телячій бродъ, Собачья дыра и др. Разница только въ томъ, что теперь они нѣсколько упорядочены; имѣютъ предостерегательные знаки, освѣщаются по ночамъ, снабжены наблюдающимъ персоналомъ; но все это, кажется, по-прежнему, нисколько не уменьшаетъ трудности ихъ преодолѣванія во время мелководья. Способъ же расчистки перекатовъ, состоящій въ томъ, что песокъ съ одного мѣста перепускается на другое, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ вынимать его изъ воды и удалять его на такія мѣста береговъ, откуда онъ не могъ бы быть снесенъ весеннимъ разливомъ,—способъ, очевидно, не достигающій цѣли облегченія судоходства. Словомъ—это вѣчная Сизифова работа: перекаты не расчищаются, а только постепенно передвигаются ниже; песокъ съ какого-нибудь Телячьго брода оказывается на Собачьей дырѣ и т. д.; а мать-кормилица Волга все больше и больше мелѣетъ—отъ прибавки песку и всякой дряни, доставляемыхъ весенними разливами. Увидѣвъ ее въ пріѣздъ мой въ Нижній въ 1891 году, послѣ почти 20 лѣтняго промежутка времени, я до боли въ сердцѣ былъ пораженъ, увидѣвъ вмѣсто водной шири отъ такъ называемаго откоса до противоположнаго берега съ селомъ Боръ—узкую ленточку воды между песчаныхъ грядъ!

Давнымъ давно не путешествовавъ по Волгѣ, не знаю, какіе способы къ сдвиженію судовъ съ мелей употребляются теперь; но въ тѣ времена, о которыхъ я пишу, употреблялась такъ называемая „свайка“, т. е. заостренное съ нижняго конца бревно, опускаемое съ парохода перпендикулярно въ воду, при чемъ посредствомъ натяженія (конечно попросту—руками) канатовъ, привязанныхъ къ верхнему концу этого бревна, приподнимались носъ или корма парохода, смотря по надобности и—давъ ходъ машинѣ—онъ сдвигался съ мели. Затѣмъ, сдвинувшись, пароходъ опять подчаливалъ отчаленныя баржи и такъ до слѣдующаго препятствія... Случалась и такая непріятность, что, при попыткахъ сдвинуться, въ котлы и цилиндры попадалъ песокъ, и приходилось терять цѣлые часы на очистку машины.

Рано утромъ, котораго числа августа мѣсяца—не помню, пароходъ нашъ доползъ наконецъ до Казани, т. е. не до самой столицы Эдигеева и Сумбекина царства, а до пристани (Бакалда), находящейся въ Адмиралтейской слободѣ, расположенной на самомъ берегу Волги, почти въ 6-ти верстахъ отъ города. Хорошихъ извозчиковъ на пристани въ то время было мало; по крайней мѣрѣ, намъ пришлось

ѣхать въ городъ на татарской телѣжкѣ очень первобытнаго устройства.

Адмиралтейская слобода, какъ, быть можетъ, извѣстно даже изъ нѣкоторыхъ учебниковъ географіи, соединяется съ городомъ дамбою. Но дамба эта имѣла въ тѣ времена такую прекрасную мостовую, что ею пользовались только по крайней необходимости, во время половодья, когда кругомъ города вода, проникающая иногда и въ нижнія улицы города. Въ остальное же время предпочитали ѣздить стороной, полемъ, и тѣмъ охотнѣе, что этотъ путь, будучи удобнѣе дамбы, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно короче.

Имъ и воспользовался нашъ возница татаринъ. Однако и эта „мягкая", какъ онъ увѣрялъ, дорога оказалась довольно тряской. И впослѣдствіи, ѣздя на пристань и обратно, мнѣ приходилось испытывать прелести этого сообщенія, все-таки остававшагося однако лучшимъ въ сравненіи съ дамбой.

Добравшись до города, остановились мы въ гостиницѣ „Лондонъ" на Большой Проломной, считавшейся тогда изъ лучшихъ въ городѣ. Гостиница эта, съ претензіями на роскошь, вродѣ загаженныхъ мухами и закопченыхъ бронзовыхъ люстръ и разныхъ безполезныхъ украшеній, подходила вполнѣ къ типу провинціальныхъ гостиницъ, вообще оправдывающихъ собою замѣчаніе Пушкина объ азіатской роскоши—„азіатская грязь, азіатское свинство".

Какъ большинство нашихъ городовъ, да пожалуй отчасти и чужеземныхъ, Казань производитъ издали болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ въ своихъ внутреннихъ деталяхъ. Но на первый взглядъ она мнѣ даже и внутри показалась прямо столицей въ сравненіи съ Нижнимъ. Правда, живописное положеніе этого послѣдняго, раскинувшагося на горѣ, по горѣ и подъ горою, на протяженіи болѣе трехъ верстъ и имѣющее себѣ соперника только въ расположеніи Кіева,—едва-ли не единственное въ Европѣ; но за то внутренностью своею онъ 50 лѣтъ тому назадъ сильно разрушалъ очарованіе своей внѣшности.

Тоже и Казань: ея положеніе на продолговатомъ холмѣ, переходящемъ въ Арское поле, увѣнчанномъ стѣнами кремля (довольно мизернаго впрочемъ, въ сравненіи съ нижегородскимъ), съ находящимися внутри его—соборомъ, монастыремъ, губернаторскимъ и архіерейскими домами и другими постройками, даже черезчуръ его загромоздившими,—а главное—съ Сумбекиной башней, издали уже привлекающей взоры путешественника своею оригинальною архитектурою, съ блестящимъ золоченымъ яблокомъ на верхушкѣ шпиля—положеніе дѣйствительно довольно красивое издали. И внутрен-

ность города, на первое время, до ближайшаго знакомства съ ея подробностями, показалась мнѣ гораздо болѣе благоустроенною, чѣмъ въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ Нижнемъ. Особенно поражала новичковъ-провинціаловъ, въ томъ числѣ и меня конечно, Воскресенская улица, сплошь, кромѣ тротуаровъ, вымощенная торцами и служившая, за отсутствіемъ порядочныхъ тротуаровъ и благодаря вообще малой ѣздѣ въ провинціальныхъ городахъ, во всю свою ширину мѣстомъ прогулки для публики и студентовъ. Нѣкоторые магазины на этой улицѣ отличались красивой внѣшней отдѣлкой, тоже нривлекавшей вниманіе новичковъ.

Улицу, правда, сильно безобразили обгорѣвшія стѣны длиннаго зданія духовной семинаріи и университетскаго дома, находившагося на углу Воскресенской и переулка, отдѣляющаго университетскія владѣнія отъ зданія полиціи. Домъ этотъ впрочемъ вскорѣ былъ отремонтированъ и сдѣлался ректорскимъ. Но зданіе семинаріи, а въ кремлѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, во все время нашего студенчества сохраняли печальный видъ строеній, сильно пострадавшихъ отъ пожара, безъ крышъ, потолковъ и оконныхъ рамъ, почти что грозя паденіемъ. Это были все еще незаглаженные слѣды пожара 1842 года, на устраненіе которыхъ, вѣроятно, не хватало суммъ или энергіи у подлежащихъ вѣдомствъ. А благодаря этому присутственныя мѣста ютились въ наемныхъ домахъ; гдѣ помѣщалась духовная семинарія—не помню.

Какъ бы то ни было, всетаки если нижегородцы хвалились, что „Нижній городокъ — Москвы уголокъ“, то казанцы были тогда гораздо болѣе въ правѣ примѣнить этотъ отзывъ къ своему городу.

Знакомство мое съ городомъ началось, разумѣется, прогулкой къ университету. Длинное зданіе его, при малой высотѣ, не поражаетъ величественностью, тѣмъ болѣе, что стоитъ въ улицѣ, а не на просторѣ.

Правда, три его портика съ колоннами довольно внушительны; но и только. Болѣе сильное впечатлѣніе храма науки производитъ его обширный вестибюль съ бюстами великихъ людей... А дворъ университета въ наше время еще украшался памятникомъ поэту Державину, помѣщеннымъ тамъ временно „до пріисканія мѣста“, которое и нашлось ему впослѣдствіи передъ зданіемъ театра въ началѣ сквера, въ наше время еще не существовавшаго. Памятникъ стоялъ въ промежуткѣ между двумя зданіями, въ одномъ изъ которыхъ помѣщается библіотека, а въ другомъ физическая и химическая аудиторія съ ихъ кабинетами и лабораторіями. А позади памятника возвышалось красивое, съ куполомъ, зданіе анатомическаго театра, соединявшееся съ этими двумя зданіями полукруглой

колоннадой. Все это въ общемъ, на обширномъ дворѣ университета, производило грандіозное впечатлѣніе. Оно увеличивалось еще высящимся справа отъ зданія библіотеки зданіемъ астрономической обсерваторіи съ ея башнею. За обсерваторіей внизу, на углу университетскаго владѣнія стояло тогда подпертое бревнами зданіе магнитной обсерваторіи, давшее трещины вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ связей, какъ вредящихъ точности магнитныхъ наблюденій и—вслѣдствіе негодности, кажется, пустовавшее.

По мѣрѣ знакомства съ внутренностью зданія университета убѣждаешься, что устроена она не особенно удобно: внизу темный корридоръ во всю длину зданія; во 2-мъ этажѣ, гдѣ помѣщаются аудиторіи,—узкіе корридоры не представляли и въ наше время большихъ удобствъ, а теперь, при обиліи слушателей, вѣроятно, приводятъ въ отчаяніе университетское начальство. Въ нижнемъ этажѣ въ правомъ крылѣ зданія, съ угла, помѣщалась квартира грозы студентовъ инспектора Ланге и его канцелярія, а окнами на дворъ—танцовальный залъ (нынѣ аудиторія), казначейство университета съ желѣзными дверями и стражемъ у нихъ съ саблею наголо (стоитъ ли онъ и понынѣ?),—далѣе студенческая больница и т. д. Въ лѣвой отъ вестибюля половинѣ зданія помѣщались квартиры нѣкоторыхъ служащихъ, комнаты студентовъ-пѣвчихъ и, кажется, столовая казеннокоштныхъ студентовъ. Впрочемъ, многое, вѣроятно, остается и теперь въ томъ же видѣ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ. Оригинально устроенная церковь, какъ разъ надъ главнымъ входомъ, производитъ и теперь конечно, какъ производила въ свое время, внушительное впечатлѣніе таинственности, находясь въ полумракѣ, прорѣзываемомъ свѣтомъ изъ фонаря въ потолкѣ, падающимъ сквозь желтое граненое стекло, да отчасти попадающимъ изъ алтаря. На Пасхѣ, когда публика допускается къ осмотру университетскихъ достопримѣчательностей, въ числѣ ихъ сторожа, въ наше время, показывали ей и „солнце“, освѣщающее церковь.

По величинѣ и нѣкоторому отсутствію казенщины въ характерѣ постройки университетъ былъ замѣчательнѣйшимъ зданіемъ въ городѣ въ то время, что̀ очень странно, такъ какъ посѣщавшіе Казань частые пожары, по справедливому замѣчанію извѣстнаго полковника Скалозуба о Москвѣ, должны бы въ свое время поспособствовать къ украшенью и Казани.

Величественное въ своемъ родѣ зданіе университета нѣсколько страдаетъ отъ сосѣдства зданія полиціи (отдѣляющагося только переулкомъ), увѣнчаннаго, по русскому обычаю, каланчей, безобраз-

нымъ сооруженіемъ, рѣзко отличающимъ наши города отъ городовъ цивилизованныхъ странъ [1]).

Эта близость полиціи къ университету казалась какъ бы предзнаменованіемъ, что со временемъ полиціи не разъ придется стать въ очень близкія отношенія къ университету, благодаря студенческимъ безпорядкамъ, забастовкамъ и прочимъ проявленіямъ пренебреженія къ истинному назначенію студента и увлеченія не своимъ дѣломъ.

Воскресенская улица, несмотря на отсутствіе особенно красивыхъ зданій, привлекала вниманіе пріѣзжихъ провинціаловъ тѣмъ, что всѣ дома на ней каменные и при томъ не прерываются заборами, также впрочемъ, какъ и на Большой Проломной. Но эта послѣдняя— спеціально торговая улица, тогда какъ на Воскресенской находятся только лучшіе магазины, вродѣ столичныхъ. Въ наше время тутъ былъ, между прочимъ, бакалейный магазинъ Санина, долго премировавшій, пока не былъ побитъ помѣстившимся по близости магазиномъ другого Санина, красивѣе устроеннымъ и болѣе снабженнымъ товарами, гдѣ можно было покупать, между прочимъ, чай съ надписью „noir douchist“.

На Воскресенской же находился домъ Акчурина, своеобразной постройки съ надворными галлереями. Въ этомъ домѣ, помимо разныхъ магазиновъ и мастерскихъ, находились студенческія квартиры съ нумерами, въ которыхъ студенческая братія проживала въ перемежку съ особами прекраснаго пола и легкаго поведенія, творя свойственныя безнадзорной молодежи безобразія. Не знаю, часто ли университетская инспекція рѣшалась заглядывать въ эту „лавру“, какъ студенты называли свои „нумера“. Кажется, въ этомъ же домѣ или рядомъ помѣщался нашъ любимый трактиръ „Китай“, съ прекрасными билліардами. Здѣсь нерѣдко коротали студенты свободное время. Словно для ихъ удобства трактиръ имѣлъ два входа, одинъ съ Воскресенской, другой за угломъ. Этимъ послѣднимъ входомъ мы, большею частію, и пользовались, чтобъ не попасть подъ всевидящее око инспектора Ланге, часто гулявшаго по Воскресенской. Въ трактиры студенты ходили, впрочемъ, не только для билліарда,

[1]) Кстати сказать, даже въ Москвѣ доселѣ продолжаетъ безобразить собою Тверскую улицу и площадь передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ, каланча самой казенной постройки, дающая поводъ удивляться, какъ это цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ мирился и мирится съ лицезрѣніемъ этого ужаснаго творенія отечественной архитектуры. Только въ Кіевѣ видѣли мы каланчи довольно красивой архитектуры; но вообще же для чего онѣ, при существованіи телеграфовъ и телефоновъ и электрическихъ пожарныхъ сигналовъ?

но также и поѣсть получше и почитать газетъ, ставшихъ болѣе интересными въ разгаръ Крымской войны. Въ отдаленныхъ комнатахъ нѣкоторыхъ изъ трактировъ низшаго разряда велась азартная игра, при чемъ и безъ того тощіе студенческіе карманы искусно опустошались маркерами и вольноприходящими татарами и другими личностями.

Находящійся въ концѣ Воскресенской, ближе къ Кремлю, обширный гостиный дворъ оказывался сразу нужнымъ студенту-новичку чтобы снабдить себя шпагой и трехуголкой и замшевыми перчатками, — существенными принадлежностями тогдашняго студенческаго костюма. Магазины гостинаго двора, хотя и не отапливаемые зимою, были достаточно снабжены разными товарами, находившими хорошій сбытъ среди мѣстнаго общества и наѣзжавшей „провинціальной“ публики.

Находящаяся у воротъ, ведущихъ въ кремль, Спасская башня, съ военною церковью внутри, не поражая своей шатровой архитектурой, была интересна для жителей Казани тѣмъ, что съ нея раздавался набатъ при всякомъ пожарѣ... Дѣлается ли это и теперь? [1])

Въ кремлѣ, очень застроенномъ казенными зданіями самаго казеннаго типа, сразу обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжающихъ губернаторскій домъ, выстроенный въ нѣсколько восточномъ стилѣ. Стоящій по близости его Благовѣщенскій соборъ не представляетъ ничего особеннаго, но привлекаетъ благочестивыхъ, наравнѣ съ находящимся подальше Спасскимъ монастыремъ,—мощами свв. Гурія а этотъ—Варсонофія, значительно впрочемъ пострадавшимъ отъ знаменитыхъ казанскихъ пожаровъ.

Больше всѣхъ другихъ построекъ въ кремлѣ бросается въ глаза, разумѣется, Сумбекина (Сююнбекина) башня, интересующая какъ

---

[1]) Кстати сказать насъ, хотя бы, напр., жителей Н.-Новгорода, очень удивляли костюмы, въ какихъ казанскіе пожарные выѣзжали на пожары: это были обтертыя солдатскія шинели, съ грязными красными воротниками и солдатскія фуражки безъ козырька. Конечно „не красна изба углами“, и можетъ быть, эти оборванцы пожарные отлично знали свое дѣло; но все какъ-то странно было видѣть ихъ такими оборванцами, привыкши видѣть у себя въ Нижнемъ пожарныхъ въ бушлатахъ, съ мѣдными касками на головахъ. А впрочемъ, на удивленіе публики, и теперь въ Петербургѣ, пожарные, пріѣхавъ на пожаръ, прежде, чѣмъ приступать къ своему дѣлу начинаютъ переодѣваться въ какія-то старыя хламиды; авось-де пожаръ обождетъ, пока они совершатъ свой маскарадъ! Казанскіе пожарные нашего времени поступали разумнѣе, являясь на пожаръ прямо въ лохмотьяхъ и, вѣроятно, не такъ часто предоставляли сгорать живьемъ людямъ и животнымъ, какъ это нерѣдко случается въ послѣдніе годы въ невской столицѣ.

своимъ оригинальнымъ видомъ, такъ и существующими о ней легендами. У насъ, свѣжеиспеченныхъ студентовъ, сейчасъ же явилось желаніе въ нее проникнуть; это было не трудно, такъ какъ входъ не былъ загороженъ; но онъ и первыя ступени каменной лѣстницы, ведущей въ первый этажъ башни, были до того загажены нечистотами, что требовалось не мало храбрости и отсутствія брезгливости, чтобы одолѣть это слишкомъ „естественное“ препятствіе. Однако я съ нѣкоторыми товарищами не разъ отваживались на этотъ подвигъ и лазили до самаго верха башни, не смущаясь даже и тѣмъ, что, начиная со 2-го этажа, лѣстницы были очень непрочныя и ветхія деревянныя, состоявшія частію даже просто изъ доски, съ прорубленными въ ней отверстіями для ногъ. Возможность обрушенія подъ нами полугнилыхъ лѣстницъ не приходила намъ въ голову... Преодолѣвъ трудность подъема, посѣтитель вознаграждается прекраснымъ видомъ на необозримую даль, съ живописно расположенными на ближайшемъ планѣ окрестностей города монастырями — Зилантьевымъ и Кизическимъ. Любуясь видами, невольно забывалось о предстоящемъ небезопасномъ спускѣ внизъ... Въ просвѣтахъ оконъ верхняго этажа башни, служившаго, повидимому, колокольней въ позднѣйшее время, мы, по привычкѣ, свойственной всѣмъ путешественникамъ, хотя уже и не были оными, сдѣлавшись студентами, выцарапали свои имена и фамиліи среди различныхъ, привычныхъ русскому человѣку, надписей, болѣе, чѣмъ игриваго содержанія, украшавшихъ собою стѣны и окна башни.

Людей богомольныхъ привлекалъ (какъ конечно и теперь привлекаетъ) Богородицкій монастырь съ чудотворной иконой Казанской Божіей матери, такъ позорно прозѣванной монахинями въ 1904 году. Онѣ, вѣроятно, поспѣшили уже замѣнить похищенную икону копіей, такъ какъ подлинная, повидимому, дѣйствительно уничтожена похитителями. А если бы она нашлась, то конечно создалась бы о ея возвращеніи легенда, подобная той, которою окружено ея первоначальное появленіе въ Казани.

Икона эта въ мое время пользовалась уваженіемъ даже католиковъ, несмотря на ихъ пренебреженіе въ русской „схизмѣ“; моя хозяйка — полька ѣздила въ монастырь молиться передъ этой иконой наравнѣ съ истыми православными.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Казани обращали на себя вниманіе вновь прибывшихъ: 1) древняя часовня (нынѣ церковь) внутри гостинаго двора, остатокъ, говорятъ, церкви временъ Іоанна Грознаго. Теперь она реставрирована, но тогда представляла собой почти развалину и была кругомъ обстроена лавочками разныхъ торговцевъ. Вообще—особенно любовнаго отношенія къ старинѣ въ Казани, какъ и вездѣ

у насъ на Руси, замѣтно не было: замѣчательнѣйшая изъ церквей города по архитектурѣ и внутренней и внѣшней отдѣлкѣ — соборъ Петра и Павла, напоминающій собою московскую церковь Успенія на Покровкѣ и отчасти нижегородскія церкви Строгоновскую (Рождества Богородицы) и Георгіевскую — стояла въ наше время въ очень запущенномъ видѣ. Въ 1891 г. я видѣлъ ее уже реставрированною, но какъ будто неособенно толково. Въ не менѣе запущенномъ видѣ пребывала и старинная церковь Богоявленія на Большой Проломной, значительно вросшая въ землю. А самая улица Б. Проломная обращаетъ на себя вниманіе новичковъ своимъ бойкимъ торговымъ движеніемъ и множествомъ лавокъ, магазиновъ, трактировъ, мастерскихъ и пр.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учебныя воспоминанія [1]).

Изъ прочихъ крупныхъ сооруженій не могли, конечно, привлечь къ себѣ вниманія даже и захолустныхъ провинціаловъ такія произведенія казенной архитектуры, образцы которыхъ имѣются во всѣхъ губернскихъ городахъ,—какъ-то: зданія: духовной академіи, Родіоновскаго института, военнаго госпиталя, находящіяся на Арскомъ полѣ и тюремный замокъ (по-казански—„казаматъ“) близъ женскаго монастыря. При ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ обращаютъ на себя вниманіе еще нѣкоторыя мечети—въ татарской части города.

Относительно чистоты и внѣшняго порядка Казань въ то время ничѣмъ не отличалась отъ другихъ губернскихъ городовъ. Не припомню даже, были ли въ ней въ достаточномъ числѣ наши русскіе признаки существованія порядка—полицейскія будки?—Вообще же городъ былъ довольно грязенъ; особенно въ осеннее и весеннее время нѣкоторыя улицы были почти непроходимы, какъ напр., Рыбная и Горшечныя; на Рыбной жидкая грязь, стекавшая по наклонной плоскости отъ театра, клиники и изъ Горшечныхъ улицъ, представляла собою подобіе рѣчки изъ липкой глинистой грязи, переправляясь черезъ которую, пѣшеходы легко теряли калоши. А подъемъ съ Рыбной въ Старо-Горшечную по немощеному тогда глинистому спуску представлялъ очень трудную задачу для жителей и посѣтителей тѣхъ мѣстъ, особенно по вечерамъ, при почти полномъ отсутствіи освѣщенія. Возвращаясь однажды вечеромъ домой, я потерялъ тутъ калошу, а начавши искать ее—потерялъ и другую и такимъ образомъ явился домой уже безъ этой обуви, изобрѣтенной галлами для хожденія по ихъ грязной Лютеціи (что нынѣ Парижъ), но все-таки непригодной

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1908 г.

для нѣкоторыхъ изъ нашихъ городовъ, гдѣ иногда полезнѣе употреблять охотничьи сапоги... За ночь калоши мои, вѣроятно, были снесены потокомъ грязи на Рыбную и погибли въ ея пучинахъ. Еще отличались своей грязью улицы Засыпкина, Касаткина и Мокрая, заливаемыя весенними разливами Волги и Казанки, доходящими до самыхъ стѣнъ кремля, когда все пространство вокругъ трехъ четвертей города представляетъ собою сплошное озеро. Тогда изъ этой массы воды виднѣется только дамба, соединяющая городъ съ Адмиралтейской слободой да насыпь-холмикъ, на которомъ стоитъ церковь-памятникъ покоренія Казани. Грязный ручей Булакъ дѣлается въ это время довольно приличной рѣчкой-каналомъ. Одна изъ слободъ Казанскихъ такъ и называется „Мокрой“ [1]).

Перехожу къ университету, его обстановкѣ, профессорамъ и студенчеству съ его бытомъ.

Выборъ факультета. Оканчивая гимназію, а то и раньше, еще въ половинѣ гимназическаго курса, юноша намѣчаетъ себѣ дальнѣйшее поприще—опредѣлиться ли прямо на казенную службу, или пристроиться къ частнымъ занятіямъ, или поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній—спеціальныхъ, или просто въ университетъ. Въ настоящее время всего удобнѣе поступать въ университеты, такъ какъ въ спеціальныя заведенія надо сдавать конкуррентныя испытанія; тогда какъ въ университеты принимаютъ по гимназическимъ аттестатамъ. До 80-хъ годовъ существовала нѣкоторая провѣрка, но потомъ и она отмѣнена.

Въ прежнее время, хотя обязательной всеобщей воинской повинности не было, и привилегированныя сословія вольны были служить или не служить отечеству воинами, но нѣкоторые по окончаніи гимназіи поступали въ военную службу юнкерами, по призванію; другіе, изъ числа неудачниковъ, не имѣя силъ дотянуть до конца курса, убоявшись бездны премудрости, оставляли гимназіи и тоже поступали въ юнкера и затѣмъ—сдавъ экзаменъ на офицера, если это удавалось, дѣлались офицерами. Такъ поступили и нѣкоторые изъ моихъ товарищей: поступили юнкерами и даже успѣли потомъ отличиться подъ Севастополемъ.

---

[1]) Въ этихъ низменныхъ мѣстахъ и вообще за Булакомъ процвѣтали въ изобиліи тѣ увеселительныя заведенія, къ которымъ относится извѣстная пѣсня Казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой».

Этотъ краткій очеркъ внѣшности Казани имѣетъ цѣлью только дать читателю общее представленіе о мѣстности, въ которой каждому студенту приходится пребывать четыре года, и о томъ, что на первый разъ больше обращаетъ на себя вниманіе новоприбывшихъ. Для интересующихся подробностями рекомендую существующія описанія Казани (напр. Пиногина).

Намѣревающіеся поступить въ университетъ, разумѣется, ѣдутъ въ университетскій городъ и поступаютъ на намѣченный еще въ гимназіи факультетъ, смотря по склонности къ извѣстной отрасли наукъ или по тому, какая спеціальность представляется болѣе выгодной въ будущемъ, съ матеріальной стороны.—Въ прежнее время молодые люди изъ разночинцевъ и семинаристовъ (пока этимъ послѣднимъ не было запрещено поступать въ университеты) поступали больше на медицинскій факультетъ; меньшее число поступало на историко-филологическій и физико-математическій факультеты, имѣя въ виду сдѣлаться учителями гимназій. Естественныя науки въ наше время не были еще въ особенномъ почетѣ у молодежи; поворотъ въ ихъ сторону начался приблизительно только съ 60-хъ годовъ.

Значительный процентъ гимназистовъ избиралъ, какъ и нынѣ, факультетъ юридическій, какъ прологъ къ гражданской службѣ; а съ судебною реформой 60-хъ г. стремленіе на этотъ факультетъ усилилось до чрезвычайности, что и вполнѣ понятно въ виду современнаго спроса на юристовъ и возможности, если не удастся попасть на службу по судебному вѣдомству, отдаться адвокатурѣ. Но поступали и поступаютъ на юридическій факультетъ также и потому, что онъ считается самымъ легкимъ, какъ нетребующій той усиленной работы и самодѣятельности, какія нужны для другихъ факультетовъ, гдѣ такъ много обязательныхъ практическихъ занятій, успѣшностью коихъ обусловлено, въ значительной степени, передвиженіе студента изъ курса въ курсъ [1]).

---

[1]) На юридическомъ факультетѣ въ Казани въ мое время только профессоръ Д. И. Мейеръ велъ практическія занятія со студентами гражданскимъ правомъ; въ чемъ они состояли — не знаю; помню только шкафъ съ «дѣлами», стоявшій въ его аудиторіи. Съ уходомъ его въ Петербургъ—дѣло это, кажется, не продолжалось. Позднѣе, уже въ 70-хъ годахъ, вопросъ о привлеченіи студентовъ юристовъ былъ рѣшительно возбужденъ м—вомъ народнаго просвѣщенія и, рѣшенъ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, въ 80-хъ годахъ учрежденіемъ занятій, но только по такъ называемымъ главнымъ предметамъ, каковы: римское право, гражданское, уголовное и исторія русскаго права; все прочее, преподаваемое на юридическомъ факультетѣ, считается второстепеннымъ, маловажнымъ для юриста и если, напр., профессоръ объявляетъ практическія занятія по политической экономіи, финансовому или полицейскому праву, то желающихъ заниматься оказывается очень мало. Мечта студента—благополучно раздѣлаться съ главными предметами; прочіе же имѣютъ значеніе только для нѣкоторыхъ любителей... Очевидна фальшь этого дѣленія наукъ на привилегированныя и непривилегированныя; этимъ порождается небрежное отношеніе студентовъ къ послѣднимъ, какъ будто обществу нужны только законоискусники и казуисты, а въ людяхъ, имѣющихъ порядочныя свѣдѣнія объ условіяхъ народнаго благосостоянія и пр. т. п., вовсе нѣтъ надобности, или какъ

Самый бѣдный числомъ студентовъ былъ тогда вездѣ, какъ и теперь—факультетъ историко-филологическій (съ восточнымъ отдѣленіемъ въ Казани); но и математическій въ Казани не богатъ былъ слушателями. Изъ моихъ товарищей по гимназіи только одинъ поступилъ на математическій факультетъ, да и то по какому-то странному капризу; такъ какъ при его способности писать разсказы и стихи изъ него скорѣе выработался бы беллетристъ, а можетъ быть порядочный филологъ, чѣмъ математикъ. Четверо или пятеро изъ товарищей поступили на медицинскій факультетъ; я и еще двое—на камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Впрочемъ, поступленіе мое на этотъ факультетъ было довольно случайнымъ.

Слывя въ гимназіи за хорошаго математика, я думалъ было поступить на физико-математическій факультетъ. Но потолковавъ объ этомъ съ нѣкоторыми товарищами-студентами, мнѣ очень не совѣтовавшими избирать этотъ факультетъ, въ виду чрезвычайной якобы строгости и придирчивости профессора чистой математики Попова (т. н. „короткаго"), я быстро перемѣнилъ рѣшеніе и, какъ имѣвшій съ дѣтства влеченіе также къ естественнымъ и техническимъ наукамъ, поступилъ на камеральное отдѣленіе, въ число наукъ котораго, на-ряду съ нѣкоторыми изъ юридическихъ, входили—химія, технологія, ботаника, сельское хозяйство. Хотя камеральное отдѣленіе и считалось очень легкимъ, но для студентовъ, желающихъ учиться—было и тутъ надъ чѣмъ поработать.

Подавъ прошеніе, мнѣ пришлось, какъ я объяснялъ уже, сдавать вновь весь гимназическій экзаменъ. Казалось бы, отличный аттестатъ гимназіи долженъ бы былъ избавить юношу отъ лишнихъ хлопотъ; но канцелярское воззрѣніе взяло верхъ, и мнѣ пришлось опять пережить экзаменную тревогу.

Это было тѣмъ болѣе непріятно, что лѣто я провелъ очень добросовѣстно въ ничегонедѣланіи, а тутъ пришлось кое-что подзубрить, особенно изъ исторіи, въ виду строгости экзаменатора, профессора Иванова, о которой было извѣстно во всѣхъ гимназіяхъ Казанскаго округа, куда его посылали (по тогдашнему обычаю) на ревизіи. Но на экзаменъ изъ математики я пришелъ, совсѣмъ не готовясь, понадѣявшись на свою память и на возможность попасть къ профессору Котельникову, экзаменатору болѣе снисходительному, чѣмъ безпощадный Поповъ, отъ котораго меня очень предостерегали знакомые студенты-математики. Но счастливая звѣзда моя привела

будто кончившій юридическій факультетъ столько же способенъ ко всякой должности, насколько доселѣ считались у насъ ко всему годными питомцы военно-учебныхъ заведеній.

меня именно въ его лапы. Онъ продержалъ меня часа полтора, щупая мои познанія по всѣмъ частямъ гимназическаго курса, справлялся даже съ моимъ аттестатомъ и заявилъ мнѣ наконецъ, что хотя я и получилъ золотую медаль, но что у меня нѣтъ математическаго мышленія. Тутъ я мысленно возблагодарилъ товарищей, отговорившихъ меня отъ математическаго факультета съ его мышленіемъ. А надо еще замѣтить, что я гораздо больше всѣхъ моихъ товарищей по гимназіи предавался сему мышленію, по доброй волѣ, безъ заданій занимаясь рѣшеніемъ задачъ и выводами формулъ. У Попова, однако, выручили меня логарифмы, съ которыми я умѣлъ очень хорошо обращаться; онъ смирился и поставилъ мнѣ хорошіе баллы.

Экзамены изъ прочихъ предметовъ сошли очень хорошо,—даже исторія и географія у грознаго Иванова, очень долго промучившаго меня и нѣсколько человѣкъ сибиряковъ, обязанныхъ сдавать экзаменъ, какъ прибывшіе изъ другого округа. Еще, правда, профессоръ богословія, отецъ Владимірскій, экзаменуя изъ церковной исторіи, очень любопытствовалъ узнать отъ меня подробности о ереси пелагіанъ и за неполное знаніе оныхъ поставилъ мнѣ тройку. Предупреждали меня товарищи при экзаменѣ изъ нѣмецкаго языка стараться не попасть къ знаменитому цивилисту Мейеру, который будто бы держался правила никому не ставить высокаго балла потому, что-де „самъ я знаю только на пять, а вы все-таки меньше меня знаете“. Но я думаю, что это была выдумка; чтобъ удостовѣриться, правда ли это, я бы непремѣнно подошелъ экзаменоваться къ Мейеру; но его не оказалось, и попалъ я къ Боллензену, который ограничивался самыми пустяшными вопросами.

Съ окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, поступающіе, узнавъ въ канцеляріи, что приняты, обязаны были какъ можно скорѣе шить себѣ форму и являться въ мундирахъ, при шпагахъ и трехуголкахъ къ административной грозѣ университета — инспектору Ланге, имѣвшему едва-ли не больше значенія и силы въ университетѣ, чѣмъ ректоръ и вся профессорская коллегія. При представленіи передъ его (въ родѣ свиныхъ) грозныя очи Василій Ивановичъ внимательно осматривалъ, все ли на студентѣ по формѣ; объяснялъ, кому и какъ отдавать честь—прикладываніемъ двухъ пальцевъ правой руки къ кокардѣ шляпы; какъ держать сію послѣднюю въ рукѣ, когда она не на головѣ;—при чемъ внушалъ при встрѣчахъ съ губернаторами и университетскимъ начальствомъ отдавать честь, непремѣнно не доходя шести шаговъ до „особы“, если же въ фуражкѣ, то снимать ее, соображаясь съ этимъ разстояніемъ.

Студенческая форма состояла тогда изъ темнозеленаго мундира съ фалдами (съ хвостикомъ, какъ называли въ шутку), съ голубыми обшлагами и воротникомъ, украшеннымъ двумя петлицами изъ серебрянаго (въ столицахъ золотого) галуна. Большинство студентовъ, впрочемъ, вмѣсто петлицъ изъ галуна, носило вышитыя, на что начальство смотрѣло снисходительно, какъ бы не замѣчая такого отступленія отъ формы, въ сознаніи, что шитыя петлицы красивѣе. Вице-мундиромъ служилъ сюртукъ съ голубымъ воротникомъ и такими же кантиками на обшлагахъ. Пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ были бѣлыя (въ столицахъ золоченыя) съ государственнымъ гербомъ тогдашняго гвардейскаго образца (орелъ съ распущенными крыльями). Къ сюртуку тоже полагались шпага и трехуголка; но ношеніе ихъ при сюртукѣ было обязательно только въ театрѣ, на концертахъ, и т. п. На лекціи и всюду ходили безъ шпагъ, въ фуражкахъ, и быть на лекціяхъ застегнутыми на всѣ пуговицы не было обязательно. Въ столицахъ, напротивъ, шпага и шляпа при сюртукѣ были, говорятъ, обязательны даже для слушанія лекцій, что, конечно, было довольно стѣснительно и породило въ Москвѣ пѣсню, въ которой въ числѣ достоинствъ „прямого студента“ отмѣчалось, что онъ „не ходитъ въ трехуголкѣ, застежкой пуговицъ не рветъ, а шпагу ржавую на полкѣ на всякій случай бережетъ“. Насколько трехуголка и шпага способствовали успѣхамъ въ наукахъ—исторія умалчиваетъ. Впрочемъ, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, ношеніе шпаги имѣло нравственную цѣль: оно должно было удерживать студентовъ отъ поступковъ, несогласныхъ съ правилами благовоспитанности и приличія. Насколько достигалось это назначеніе шпагъ въ столицахъ, не знаю; но у насъ, въ Казани, по крайней мѣрѣ въ первое время по поступленіи, студенты дѣйствительно старались быть приличнѣе при шляпѣ и шпагѣ; нѣкоторые сожалѣли даже, что послѣдняя безъ темляка, который придавалъ бы имъ видъ состоящихъ на государственной службѣ. Потомъ этотъ престижъ исчезалъ.

Къ формѣ полагались бѣлыя замшевыя перчатки, которыя, впрочемъ, франты изъ студентовъ замѣняли, особенно для баловъ, бѣлыми лайковыми. Мундиръ со всѣми принадлежностями требовался не только для баловъ и собраній и торжественныхъ случаевъ, но и для обязательнаго, всѣмъ студентамъ православнаго исповѣданія, присутствія въ воскресные и праздничные дни за обѣдней въ университетской церкви, за чѣмъ инспекція слѣдила довольно усердно [1]).

---

[1]) Обязательно было также для всѣхъ православныхъ говѣніе передъ Пасхой и присутствіе на Пасхальной утренѣ и обѣдѣ, послѣ коихъ пред-

При строгомъ Николаевскомъ режимѣ и такомъ его блюстителѣ, какимъ былъ Ланге, нарушеніе установленныхъ правилъ или формальностей легко могло повліять въ худую сторону на судьбу студента. Поэтому мы старались избѣгать встрѣчъ съ этимъ господиномъ, чтобъ не нарваться на какое-либо грубое замѣчаніе Ланге, нисколько не стѣснявшагося дѣлать выговоры студентамъ во всякомъ мѣстѣ и при всякой публикѣ, а пожалуй отправить и въ карцеръ [1]).

Внѣ университета всего чаще приходилось встрѣчаться съ Ланге на Воскресенской, которая, должно быть, была любимымъ мѣстомъ его прогулки. Кстати сказать, она тогда была сплошь вымощена торцами и во всю ширину свою служила какъ бы бульваромъ для гуляющей публики.

Завидѣвъ издали Василія Ивановича на Воскресенской, мы, большею частію, спѣшили свернуть въ боковую улицу, а если были вблизи гостепріимнаго трактира „Китая“, то укрывались въ него. Тутъ всегда можно было найти занятіе: если не хотѣлось ѣсть, играли на билліардѣ, просматривали газеты.

Разстегнутый сюртукъ на улицѣ, недостающая пуговица и вообще всякое нарушеніе формы всегда возбуждали негодованіе Ланге; а неловкій отвѣтъ на его замѣчаніе легко приводилъ въ карцеръ. Особенно же слѣдилъ онъ за своевременнымъ отданіемъ ему чести. По этому поводу былъ со мной такой случай: мнѣ очень занездоровилось въ университетѣ, и я поспѣшилъ домой, взявъ извозчика, такъ какъ жилъ тогда довольно далеко, близъ такъ называемаго „казамата“ (т. е. тюрьмы). Ѣду, закутавшись, никуда не глядя; вдругъ грозно окликаетъ меня грубымъ голосомъ Ланге: я вынужденъ былъ остановиться, сойти съ саней и, вмѣстѣ съ выговоромъ за упущеніе своевременно поклониться,

---

лагалось студентамъ общее розговѣнье въ актовомъ залѣ, съ участіемъ и начальства. Тутъ утомленные стояніемъ въ церкви студенты угощались куличами, пасхами, яйцами, чаемъ и пивомъ. При существованіи казенно-коштныхъ студентовъ устраивать это розговѣнье не было, конечно, затруднительно: имѣлась посуда, существовали повара; а студентовъ было не такъ много, чтобъ разорить университетскаго эконома.

[1]) Какъ, подумайте, измѣнились отношенія! Теперь студентъ освобожденъ отъ необходимости хотя бы изъ вѣжливости кланяться чинамъ инспекціи, такъ какъ инспекція признана уже совсѣмъ ненужной. Знаю случай, бывшій въ Кіевѣ: студентъ очутился въ одной конкѣ съ инспекторомъ и, зная его въ лицо, не счелъ нужнымъ хотя бы головой ему кивнуть. «Я съ нимъ незнакомъ», отвѣчалъ онъ, когда при его же разсказѣ объ этомъ, емунапомнили о вѣжливости, къ которой долженъ бы побуждать хотя бы личный интересъ, при существовавшей доселѣ зависимости студентовъ отъ инспекціи..

*

получилъ приказаніе возвратиться въ университетъ. Кончилось тѣмъ, что я, больной, несмотря на мои объясненія, былъ отведенъ въ карцеръ. Учрежденіе это помѣщалось гдѣ-то вверху, близъ церковнаго чердака; состояло, помнится, изъ двухъ маленькихъ полутемныхъ комнатъ, очень грязныхъ; въ одной изъ нихъ была прежесткая постель, покрытая отвратительно-испачканнымъ байковымъ одѣяломъ, съ такой же чистоты подушкой. Стѣны были, разумѣется, разрисованы и исписаны всякими глупостями, плодами фантазіи и скуки заключенныхъ. Тюремный сторожъ, старикъ, котораго студенты звали Дагоберомъ, привелъ меня на эту вышку, принесъ кружку воды и ломоть чернаго хлѣба и скрылся. Не знаю, гдѣ онъ помѣщался, и была ли возможность дозваться его въ случаѣ надобности. Не полагалось ли вовсе освѣщенія или Дагоберъ не считалъ нужнымъ баловать имъ своихъ кліентовъ,—но, когда стемнѣло, мнѣ ничего не оставалось, какъ лечь и предаться въ тишинѣ одиночества размышленію о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Легъ я, конечно, не раздѣваясь и, съ горя заснулъ, насколько позволяла жесткость ложа, то и дѣло о себѣ напоминавшая. Но вотъ, должно быть, часовъ около 9-ти, является Дагоберъ съ фонаремъ и зоветъ меня къ инспектору. Оказалось, что пріѣхалъ выручать меня мой хозяинъ Н. В. Лавровъ, у котораго я тогда временно жилъ. Къ счастію я, чуя, что „свинья въ манишкѣ“ (какъ звали студенты Ланге), пожалуй, посадитъ меня въ карцеръ, далъ знать Лаврову черезъ товарища о своемъ приключеніи и такимъ образомъ былъ освобожденъ. Тутъ Ланге былъ уже очень любезенъ и отпустилъ меня со словами: „какъ же это вы были такъ неосторожны“, нисколько значитъ не сознавая, что придрался ко мнѣ безъ достаточнаго основанія. Впрочемъ, можетъ быть, немножко и сознавалъ, потому что казался сконфуженнымъ, что ни за что, ни про что засадилъ въ карцеръ студента 3-го курса, и что это стало извѣстно такому крупному въ „губерніи“ лицу, какимъ былъ мой хозяинъ—управляющій палатой государственныхъ имуществъ. Если бы это были какой-нибудь обыкновенный студенческій хозяинъ или обыкновенная хозяйка, то просидѣть бы мнѣ цѣлыя сутки, а то и дольше, такъ какъ, отсылая меня въ карцеръ, Ланге не сказалъ на сколько времени; а простой человѣкъ и не посмѣлъ бы явиться къ такой „особѣ“ съ ходатайствомъ за своего жильца.

Впрочемъ, еще раньше этой исторіи у меня были два не то, что столкновенія съ Ланге, а маленькія приключенія, хотя на замѣчаніе я къ нему попасть не могъ, такъ какъ онъ вообще, кажется, не очень способенъ былъ запоминать физіономіи и фамиліи, хотя мы обязаны были ежемѣсячно представлять ему для подписи свои студенческіе

виды на жительство. Первое мое приключеніе съ нимъ было на первыхъ же порахъ поступленія моего въ университетъ: вошелъ онъ въ аудиторію, гдѣ мы собрались въ ожиданіи профессора; „вы тамъ, что щуритесь"?—раздался гнусавый грубый голосъ Василья Иваныча, когда я по свойству близорукихъ, прищурился, чтобы разглядѣть, кто вошелъ. „Я близорукъ".—„Носите очки, а то начальникъ на васъ смотритъ, а вы щуритесь". Другое приключеніе было въ квартирѣ г. инспектора, когда онъ мнѣ задалъ порядочный нагоняй за то, что, не найдя никого въ его передней, я прошелъ черезъ залу до кабинета, какъ это мы обыкновенно дѣлали въ гимназіи, если была нужда къ инспектору, а доложить было некому. Въ карцеръ я, впрочемъ, тогда не попалъ: В. И. принялъ въ уваженіе, что я неотесанный еще провинціалъ. Были случаи и болѣе милостиваго его отношенія ко мнѣ: однажды мнѣ случилось прійти на урокъ танцевъ [1]); явился и В. И. посмотрѣть за порядкомъ; „И вы здѣсь?"—„Да-съ".—„А вы просили у меня разрѣшенія?"—„Позвольте попросить теперь". Было милостиво позволено.

Послѣ исторіи съ карцеромъ В. И., кажется, помнилъ уже мою физіономію и вообще сталъ любезнѣе; однажды, призвавъ меня, онъ попросилъ привезти ему съ Нижегородской ярмарки фунтъ табаку „кнастеръ" (не знаю, существуетъ ли теперь этотъ табакъ). Задача была трудная, такъ какъ табакъ этотъ привозили на ярмарку, кажется, только по особымъ заказамъ. Но В. И. словно угадалъ, что я могу добыть ему желаемое: кнастеръ привозили на ярмарку въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ для нижегородскаго помѣщика генерала павловскихъ временъ П. Б. Григорьева (дѣдушки писателя П. Д. Боборыкина), а генералъ дарилъ его иногда 2—3 фунта своему постоянному врачу, моему отцу. И вотъ такимъ образомъ я имѣлъ возможность исполнить желаніе Ланге и преподнести ему желаемый фунтъ кнастера; онъ поблагодарилъ, и я думалъ этимъ и кончилось; но нѣсколько времени спустя онъ вручилъ мнѣ $2^1/_2$ р.—стоимость табака.

Не знаю, много ли сдѣлалъ Ланге добра студентамъ въ свое продолжительное инспекторство; вѣроятно, нѣкоторые все-таки поминали его добромъ; вѣдь и у дурныхъ людей бываютъ моменты,

---

[1]) Танцы преподавалъ уморительнаго вида танцмейстеръ Севастьяновъ. Подъ звуки двухъ скрипокъ, совершенно почти заглушавшихся шарканьемъ ногъ танцующихъ по некрашенному, пескомъ вымытому полу. Танцовальный залъ этотъ, находящійся близъ студенческой раздѣвальни, противъ входа въ инспекторскую квартиру, теперь обращенъ въ аудиторію, и полъ его выкрашенъ.

когда они не прочь сдѣлать и что-нибудь хорошее; но большинство студентовъ относилось къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, даже, пожалуй, съ ненавистью. Много онъ перепортилъ имъ крови своею придирчивостью, своимъ грубымъ начальническимъ обращеніемъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ ему, впрочемъ, могли служить, какъ духъ того времени, такъ и предписанія Уваровской инструкціи 1834 г. инспекторамъ университетовъ, напоминающей знаменитую инструкцію мрачной памяти знаменитаго „директора" Казанскаго университета—Магницкаго. Согласно мысли графа Уварова (въ представленіи въ комитетъ министровъ 1833 г.) инспекторъ долженъ былъ „быть душою всѣхъ движеній студентовъ"; насколько Ланге былъ оною—хорошо помнимъ всѣ мы, былые студенты того времени. Но, несомнѣнно, что онъ, согласно мнѣнію того же министра Уварова (изложенному въ докладѣ 1848 г.), смотрѣлъ какъ на „зло—превыше всѣхъ прочихъ—на возможность у студентовъ мысли, что они составляютъ отдѣльное сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права".

Какъ Ланге преслѣдовалъ это „зло" видно, между прочимъ, изъ дѣлавшагося имъ внушенія студентамъ не ходить толпами: „одному, внушалъ онъ, идти позволительно, двоимъ неловко, а трое—составляютъ уже толпу; а хожденіе толпами запрещается".

Припомнимъ еще, что согласно инструкціи 1836 г. неодобрительный отзывъ инспектора о поведеніи студента могъ помѣшать переводу его въ слѣдующій курсъ, награжденію медалью и полученію степени кандидата. Должно быть, составители инструкціи безусловно держались положенія, что „qui proficit in litteris sed deficit in moribus—plus deficit quam proficit" и поэтому одобренное инспекторомъ поведеніе, хотя бы оно сводилось лишь къ лицемѣрію, поставили выше успѣховъ въ наукѣ, совершенно не понимая, что нерѣдко наиболѣе даровитые молодые люди оказываются и наиболѣе строптивыми въ смыслѣ послушанія и очень склонными выходить изъ рамокъ казеннаго „поведенія".—А въ числѣ главныхъ примѣтъ хорошаго поведенія было „строгое и благочестивое исполненіе обрядовъ церкви, къ которой каждый принадлежитъ"; обязательное посѣщеніе студентами православнаго исповѣданія литургій и всенощныхъ въ воскресные и праздничные дни—въ университетской церкви; безпричинное нехожденіе въ церковь, какъ черта нетвердой нравственности, отмѣчалось инспекторомъ въ особой книгѣ и принималось въ соображеніе при переходныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ.

Инспектору студентовъ и его помощникамъ студенты обязаны были „безусловнымъ повиновеніемъ".

Конецъ господства Ланге былъ довольно для него печальный и неожиданный. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ Казанскомъ университетѣ новымъ духомъ; студенты стали держаться „вольнѣе“ и обнаруживать меньше страха передъ фигурой инспектора. А тутъ явился еще и довольно основательный поводъ къ ихъ неудовольствію: зимою 1857 г. случилось избіеніе студентами двухъ офицеровъ, пріѣзжихъ изъ Петербурга (Лобачевскаго и кн. Оболенскаго), оскорбившихъ студентовъ своими о нихъ отзывами. Однимъ изъ руководителей этого студенческаго подвига, а по другимъ разсказамъ—и скандала, которымъ сопровождалась рѣчь попечителя Молоствова, хотѣвшаго напомнить студентамъ о неприличіи ихъ поведенія,—былъ студентъ Умновъ, разжалованный за это въ солдаты. Если вина его не была преувеличена, а дѣйствительно онъ былъ зачинщикомъ, то подлинно можно сказать о немъ „малъ золотникъ, да дорогъ“: это былъ очень юный студентикъ, обладавшій такой маленькой фигурой, что при поступленіи его въ число козеннокоштныхъ, пришлось особо заказать для него шляпу и шпагу по росту. Сколько помню изъ тогдашнихъ разсказовъ (самъ я, занятый писаніемъ диссертаціи на медаль и зубреніемъ къ окончательнымъ экзаменамъ, мало увлекался въ это время студенческими дѣлами), главнымъ виновникомъ строгаго наказанія Умнова былъ Ланге. Глубоко огорченные и взволнованные участью товарища студенты сдѣлали подписку въ его пользу, привлекли въ ней и кое-кого изъ казанскаго общества; а относительно Ланге порѣшили поговорить съ ректоромъ (проф. І. М. Ковалевскимъ). Въ одинъ прекрасный день, собравшись послѣ лекцій въ актовомъ залѣ, они пригласили ректора для бесѣды. Я, нѣсколько опоздавши на эту сходку, шелъ еще по корридору, когда мимо меня быстро прошелъ Ковалевскій, направляясь къ залу, гдѣ и начался шумный говоръ; говорили, должно быть, всѣ разомъ. Вдругъ чуть не бѣгомъ пронесся туда же Ланге; но едва онъ показался въ залѣ, какъ былъ встрѣченъ криками: „вонъ! вонъ!“.. Что было дальше—не знаю, такъ какъ смущенный и испуганный этими криками и общимъ галдѣньемъ я не рѣшился уже войти въ залу, а повернулъ домой. Вскорѣ товарищъ принесъ вѣсть, что Ланге уже не инспекторъ, и что исполненіе должности инспектора поручено профессору Пахману. Такъ что мы, оканчивающіе курсъ, имѣли дѣло уже съ нимъ. Ланге, получивъ вскорѣ отставку, переселился въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

И странное дѣло: этотъ человѣкъ, презираемый и ненавидимый студентами, постоянный предметъ ихъ насмѣшекъ, дѣйствующее лицо въ пѣсенкахъ, о немъ сложенныхъ, и въ анекдотахъ, доказываю-

ющихъ его глупость и самодурство, „свинья въ ермолкѣ“ или въ „манишкѣ“, какъ обыкновенно его называли, остался у насъ, старыхъ студентовъ, больше въ памяти, чѣмъ тѣ лица, которыхъ стоило бы поминать добромъ. Когда на обѣдахъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета заходитъ рѣчь о старыхъ временахъ, личность Василія Ивановича поминается уже непремѣнно, словно въ назиданіе собесѣдникамъ-студентамъ позднѣйшихъ лѣтъ, что вотъ-де не ропщите на свое время, а посмотрите, подъ какимъ режимомъ *мы* жили, когда судьба наша почти вполнѣ зависѣла отъ глупаго и грубаго человѣка, мнившаго себя, и не безъ основанія, по тѣмъ временамъ, вершителемъ студенческихъ судебъ. Припомнимъ, что уставъ 1835 года отдалъ всю дисциплинарную власть надъ студентами, помимо ректора и совѣта, инспектору, даже не выборному, а назначаемому „изъ гражданскихъ или военныхъ чиновъ“ и подчиненному непосредственно попечителю учебнаго округа. Ланге и былъ изъ военныхъ чиновъ, служивъ и въ гражданской службѣ до поступленія въ инспекторы [1]).

---

[1]) Уставъ 1862 г. сдѣлалъ должность инспектора выборною и предоставилъ совѣтамъ университетовъ избирать на нее одного изъ своихъ членовъ, съ званіемъ проректора или изъ сторонникъ чиновниковъ, съ званіемъ инспектора; при чемъ лицо это должно быть непремѣнно изъ окончившихъ университетскій курсъ, дѣйствовать же на основаніи инструкціи, даваемой совѣтомъ. Въ экстренныхъ случаяхъ проректоръ или инспекторъ могъ распоряжаться только съ разрѣшенія ректора, который потомъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія совѣта. Позднѣе, мало по малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, съ перемѣною взглядовъ правительства, порядокъ этотъ измѣнился: права инспектора были значительно расширены, по образцу устава 1835 г. А уставъ 1884 года сдѣлалъ его опять непосредственно подчиненнымъ попечителю, который de facto его и назначаетъ, представляя намѣченное лицо на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, который, разумѣется, никогда не усумнится въ правильности рекомендаціи попечителя. Хотя далѣе въ уставѣ сказано, что инспекторъ подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ ректору и исполняетъ его законныя (sic!) требованія, дѣйствуя при томъ по инструкціи, данной министромъ народнаго просвѣщенія (не совѣтомъ уже!), но эта его подчиненность ректору почти мнимая: въ случаѣ несогласія съ ректоромъ онъ всегда можетъ укрыться подъ эгиду своего непосредственнаго начальника—попечителя и даже, пожалуй, обвинить ректора въ незаконности его требованій. Стоитъ добавить еще, что въ уставѣ 1884 г. ни слова не сказано, изъ какихъ лицъ долженъ быть назначаемъ инспекторъ, и слѣдуетъ ли ему имѣть университетское или вообще какое бы то ни было образованіе. Уставъ полагается, повидимому, на сообразительность попечителей, предполагая, что они не рѣшатся представлять на должности инспекторовъ людей безъ образованія или какихъ-нибудь проходимцевъ...

Теперь, какъ извѣстно, инспекція совсѣмъ упразднена; но она возродилась въ лицѣ проректора съ его штатомъ.

Насколько въ настоящее время студенты вообще довольны этой реформой, сказать затрудняюсь; но уничтоженіе инспекціи входило въ число ихъ „требованій“ и знаю, что „субики“, какъ они называли субъ-инспекторовъ, далеко не пользовались ихъ расположеніемъ, а въ случаѣ появленія на сходкахъ подвергались иногда и насильственнымъ дѣйствіямъ вродѣ грубо-выражаемыхъ приглашеній убираться, выталкиванія, а то и бросанія въ нихъ картофелемъ и т. д.

Въ наше время въ Казани, не питая къ нимъ нѣжныхъ чувствъ, студенты относились къ нимъ вообще прилично: Иванъ Ивановичъ Ивановъ пользовался даже нѣкоторымъ расположеніемъ; другой субъ-инспекторъ, придирчивый Зоммеръ, былъ нерѣдко предметомъ насмѣшекъ, какъ и 3-й г. Фишеръ; а поступившій, кажется, вмѣсто этого послѣдняго, новый субъ-инспекторъ г. Ситновъ считался почему-то совсѣмъ глупымъ. Надъ ними посмѣивались; но тѣмъ не менѣе—чувство порядочности и дисциплины заставляло видѣть въ этихъ личностяхъ все-таки делегатовъ начальства; поэтому рѣзкія столкновенія съ ними были довольно рѣдки.

Въ недавнее время студенты, не безъ сочувствія даже нѣкоторыхъ изъ профессоровъ и, какъ говорятъ, университетскихъ совѣтовъ, потребовали и достигли полнаго уничтоженія инспекціи, т. е. всякаго надзора за благочиніемъ въ университетахъ, который все-таки однако пришлось *кое-кому поручить*. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ нашемъ Петербургскомъ устраненіе надзора въ настоящую печальную для университетской жизни эпоху имѣло послѣдствіемъ исчезновеніе всякаго уваженія къ храму науки.

Впрочемъ, можно ли о какихъ-нибудь приличіяхъ помнить, когда у студента есть болѣе важныя заботы, благо онъ мнитъ себя призваннымъ и компетентнымъ рѣшать важные общественные и другіе вопросы помимо всякой науки!

Не то было въ наше время: о „матерьяхъ важныхъ“ студенты хотя и разсуждали иногда, но это не мѣшало имъ дѣлать свое студенческое дѣло. А если бы они пустились нарушать университетскія правила или требованія дисциплины, то у инспектора было вдоволь власти, чтобъ пресѣчь это зло, считавшееся тогда чуть не уголовнымъ преступленіемъ.

„Правила“ же строго запрещали студентамъ всякаго рода мночисленныя собранія и сходбища, а равно „всякія азартныя игры“.

Итакъ, инспекторъ съ его помощниками, по одному на факуль-

теты, были тѣми лицами, съ которыми студентамъ наичаще приходилось имѣть дѣло. Они въ студенческой жизни подлинно faisaient la pluie et le beau temps, какъ говоритъ французская поговорка.

Съ прочимъ начальствомъ—ректоромъ, деканами и попечителемъ округа студенты мало имѣли соприкосновенія. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ ректоромъ Симоновымъ только однажды, при подачѣ прошенія о зачисленіи въ студенты; а къ декану юридическаго факультета, которымъ сначала при мнѣ былъ проф. Д. И. Мейеръ, а потомъ Н. А. Ивановъ, не пришлось даже ни разу обратиться—какъ и къ преемнику Симонова—новому ректору Ковалевскому. Но не всѣ студенты, конечно, были въ такомъ счастливомъ положеніи, какъ я, не дававшемъ случая обращаться къ этимъ лицамъ съ какими-либо заявленіями или просьбами. Довольно многіе, вѣроятно, обращались съ ходатайствами о какихъ-либо льготахъ, объ освобожденіи отъ платы, о пособіяхъ, о разрѣшеніи обѣдать съ казенными студентами и т. д.; а то по поводу экзаменныхъ неудачъ или, наконецъ, по чисто личнымъ дѣламъ. По части пособій, стипендій и льготъ, требовалось, кажется, обращаться прежде всего къ инспектору.

Въ новый годъ и первый день Пасхи нѣкоторые изъ насъ расписывались у ректора въ сѣняхъ его квартиры и у инспектора, на поздравительномъ листѣ. Нѣкоторые поздравляли также любимыхъ профессоровъ. Поздравляли ли деканов, не знаю; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не пришло объ этомъ въ голову.

Попечитель генералъ В. П. Молоствовъ и его помощникъ, знаменитый математикъ Н. И. Лобачевскій (тогда уже слѣпой), являлись въ университетъ только въ экстренныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Помню, между прочимъ, что Лобачевскій присутствовалъ при приводѣ студентовъ къ присягѣ по случаю воцаренія Императора Александра II. А Молоствовъ, въ наше пребываніе въ университетѣ, только разъ попытался бесѣдовать со студентами, да и то очень неудачно. Всѣ студенты были приглашены въ актовый залъ для выслушанія увѣщанія попечителя по случаю вышеупомянутыхъ и прочихъ безобразій, участившихся съ ослабленіемъ суроваго николаевскаго режима. Студенты, по какому-то странному недоразумѣнію, считавшіе этого высокообразованнаго и добраго человѣка за какого-то армейскаго бурбона, приняли его слова чуть не со смѣхомъ въ лицо и вообще такъ сконфузили бѣднаго старика своимъ поведеніемъ во время его рѣчи, что онъ, говорятъ, чуть не плакалъ отъ огорченія. По окончаніи же рѣчи нѣкоторые кричали „ура“, другіе „дуракъ“! Все это было, конечно, глупое и непростительное школьничество, совершенно неприличное студентамъ, мало-

мальски себя уважающимъ и сознающимъ чувство приличія. Происходило это неуваженіе къ себѣ и къ начальству, конечно, вслѣдствіе всегдашняго недостатка, присущаго нашей учащейся молодежи,— слабаго нравственнаго развитія, отсутствія правильнаго воспитанія въ средней школѣ, а съ нимъ и благовоспитанности, свойственной образованному человѣку.

Перейду теперь къ обзору предметовъ, преподававшихся полстолѣтія тому назадъ на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета и, въ частности, на камеральномъ его отдѣленіи. Постараюсь дать и посильную характеристику преподавательскаго персонала.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учебныя воспоминанія [1]).

Юридическій факультетъ, какъ выше сказано, имѣлъ два разряда (или отдѣленія): юридическій и камеральный.

Въ росписаніи предметовъ юридическаго отдѣленія значились слѣдующіе, со слѣдующими преподавателями (1853—1854 г.г.):

1) Энциклопедія законовѣдѣнія и россійскіе государственные законы—проф. Пахманъ, нѣкоторое время проф. Осокинъ. Раньше читалъ проф. Станиславскій, который въ 1853 г. ушелъ въ Харьковъ, а потомъ, въ 1869 г., вернулся въ Казань.

2) Римское законодательство и его исторія—проф. Камбекъ.

3) Общенародное право и дипломація—Пахманъ.

4) Исторія русскаго права — онъ же „по собственнымъ запискамъ".

5) Россійскіе гражданскіе законы и судопроизводство—проф. Мейеръ, а по уходѣ его въ Петербургъ—законы—Пахманъ, судопроизводство—адъюнктъ Соколовъ.

6) 3-му курсу юридическаго разряда, и 2-му камеральнаго—Россійскіе уголовные законы по памятникамъ древняго русскаго уголовнаго законодательства и „Уложенію о наказаніяхъ" — проф. Фогель; онъ же 4-му курсу юристовъ и камералистовъ — полицейскіе законы по „Своду законовъ".

7) Законы государственнаго благоустройства и благочинія — 3-му к. юристовъ и камералистовъ по „Своду законовъ" и „сочиненію Рождественскаго" — Пахманъ, а потомъ, съ переходомъ его на гражданское право,—Осокинъ.

[1]) См. „Русск. Стар.", августъ 1908 г.

8) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народнаго просвѣщенія“: 3-му курсу обоихъ разрядовъ законы о государственныхъ повинностяхъ, имуществахъ и промыслахъ, вмѣстѣ съ исторіей; 4-му курсу—русское дѣйствующее законодательство о податяхъ съ его исторіей и обзоромъ средствъ къ удовлетворенію чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей—проф. Осокинъ.

9) Каноническое право православной церкви — юристамъ 4-го курса—протоіерей Владимірскій, по „программѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ“.

„Свобода преподаванія“, какъ видно изъ этого росписанія, была не очень широка: читалось то по Своду законовъ, то по утвержденнымъ начальствомъ программамъ, то по сочиненіямъ въ родѣ книги Рождественскаго, состоящей изъ буквальной перепечатки статей Свода законовъ, только безъ нумерации.

Камеральные факультеты или камеральныя отдѣленія юридическихъ факультетовъ появились, какъ извѣстно, въ 17—18 ст., въ Швеціи и Германіи. Цѣлью ихъ учрежденія было приготовленіе для государства людей, знающихъ науки, нужныя для камеральной службы, проще сказать, для службы гл. обр., по вѣдомству финансоваго управленія. А такъ какъ главными источниками государственныхъ финансовъ того времени были государственныя имущества и казенныя промышленныя предпріятія, то въ кругъ камеральнаго образованія и вошли тѣ науки, знаніе которыхъ нужно для извлеченія доходовъ отъ государственныхъ земель, лѣсовъ, горныхъ и др. промысловъ, принадлежащихъ казнѣ. А какъ при веденіи хозяйственныхъ операцій встрѣчается надобность и въ нѣкоторыхъ юридическихъ познаніяхъ, равно и въ знакомствѣ съ общимъ строемъ государства и его управленія, то въ составъ камеральныхъ наукъ были введены и юридическія науки, но въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ для юристовъ чистой воды.

Въ Казанскомъ университетѣ, съ учрежденіемъ здѣсь камеральнаго отдѣленія (въ 1844 г.), преподавались на немъ слѣдующіе предметы:

1) Публичное россійское правовѣдѣніе, государственныя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ; 2) уголовные законы; 3) гражданскіе законы, какъ предметъ дополнительный; 4) политическая экономія и статистика; 5) законы государственнаго благоустройства и благочинія; 6) законы о государственныхъ податяхъ и повинностяхъ (первоначально подъ именемъ „камеральнаго права“); 7) химія неорганическая, органическая и аналитическая; 8) технологія; 9) ботаника и сельское хозяйство.

Въ другомъ, болѣе подробномъ, позднѣйшемъ оффиціальномъ перечисленіи предметовъ камеральнаго отдѣленія, значатся слѣдующіе—съ слѣдующими преподавателями:

1) Россійскіе государственные законы — по Своду законовъ — 3-му курсу, проф. Пахманъ; 2)—а) 3-му курсу камералистовъ съ первымъ к. юристовъ и общей словесности: политическая экономія, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народнаго просвѣщенія"; b) 3-му курсу юристовъ и камералистовъ и 2-му общей словесности — общая сравнительная статистика европейскихъ государствъ и хозяйственная статистика Россіи „по утвержденной м-вомъ программѣ"—проф. Бабстъ; 3) ботаника и сельское хозяйство: 1-му курсу камералистовъ ботаника въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, по Декандолю и Бишофу; 2-му курсу—общее земледѣліе; 3-му курсу—полеводство и садоводство по Бабсту,—кандидатъ Пелль; 4) химія: 1-му к. камералистовъ совмѣстно съ 1-мъ курсомъ медиковъ: неорганическая химія по Отто и Гросму; 2-му курсу органическая химія по Леману и Левичу; 3-му курсу—аналитическая химія (въ этомъ оффиціальномъ перечнѣ неупомянутая)—проф. Бутлеровъ; 5) технологія—камералистамъ 2, 3 и 4-го курсовъ, по Дюма и словарю Лабулэ, — проф. Киттары.

Въ этомъ оффиціальномъ спискѣ предметовъ камеральнаго отдѣленія не упомянуты почему-то: на 3 и 4 курсахъ уголовное право и полицейскіе законы, гражданское право и судопроизводство, на 1 и 2 курсахъ—русская исторія, на 1 курсѣ упражненія во французскомъ языкѣ и въ русскихъ сочиненіяхъ.

Съ 1855—56 учебнаго года введено было преподаваніе камералистамъ на 1 курсѣ очень полезныхъ для нихъ предметовъ—зоологіи и минералогіи и проектировано преподаваніе англійскаго языка и архитектуры.

Всѣмъ студентамъ университета преподавались необязательно „свободныя художества": рисованіе и живопись (препод. Раковичъ), музыка (Мукъ) и танцованіе (Севастьяновъ). Обязательнымъ предметомъ для всѣхъ православныхъ былъ, конечно, законъ Божій—собственно богословіе дагматическое и нравственное и церковная исторія, читавшаяся по „программѣ, утвержденной Синодомъ".

Съ богословія мы и начнемъ нашъ обзоръ предметовъ, намъ преподававшихся.

Этотъ предметъ читалъ протоіерей-настоятель университетской церкви, Александръ Поликарповичъ Владимірскій — преподаватель серьезный и требовательный. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ,

дѣлавшихъ репетиціи передъ святками. Однако экзаменъ изъ его предмета сдавать было очень легко. Экзаменъ этотъ производился съ большой торжественностью, въ присутствіи высшаго начальства, при участіи архіерея и архимандритовъ. Экзаменаторы эти были очень снисходительными, даже если кто изъ экзаменующихся и очень зарапортовывался. Но сіе послѣднее случалось съ экзаменующимися не часто. благодаря тому, что для подготовленія къ этому экзамену примѣнялся экономическій принципъ раздѣленія труда: большинство студентовъ готовили, каждый, только по одному билету, и только добросовѣстные пробѣгали весь курсъ. На экзаменѣ же дѣлалось такъ: студентъ, съ спрятаннымъ въ рукавъ мундира или иначе „своимъ“ билетомъ подходилъ къ столу экзаменаторовъ, бралъ билетъ и моментально замѣнялъ его своимъ; для удобства подмѣна можно было нѣсколько отодвинуться за отвѣчающаго товарища или полѣзть за платкомъ въ карманъ... Можетъ быть, духовныя особы и замѣчали иногда происходящее, но совѣстились обличить; а зналъ ли объ этомъ фортелѣ самъ профессоръ—утверждать не могу; но думаю, что если бы достовѣрно зналъ, то, какъ человѣкъ добросовѣстный, постарался бы искоренить это зло. Вѣроятно, что онъ только подозрѣвалъ о его существованіи и потому весьма основательно пробиралъ тѣхъ изъ студентовъ, которымъ приходилось экзаменоваться у него самого.

Замѣчу кстати, что тогда на экзаменахъ не давалось такъ много времени для обдумыванія билетовъ, какъ это дѣлается теперь, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ иногда 2—3 человѣка разомъ берутъ билеты и садятся въ сторонѣ для обдумыванія, пока отвѣчаетъ предыдущій. Обдумываніе это производится нерѣдко при помощи конспектовъ или же программъ, на которыхъ бисернымъ почеркомъ выписано содержаніе каждаго билета, а то и съ помощью учебниковъ, скрытно читаемыхъ, сидя за партой. Не совѣстятся дѣлать это даже и на такъ называемыхъ государственныхъ испытаніяхъ... Въ наше время „обдумывали“, стоя передъ самымъ столомъ экзаменатора, пока отвѣчалъ товарищъ, такъ что пользованіе „пособіемъ“ тутъ было уже рѣшительно невозможно; приходилось или являться во всеоружіи знанія и памяти или прибѣгать къ гнуснымъ уловкамъ съ билетами, въ родѣ только-что описанной и т. п. Добросовѣстнымъ студентамъ уловки эти, конечно, претили, но общее теченіе и нежеланіе казаться выскочкой увлекали и нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Продѣлывались и другія штуки: такъ, напримѣръ, если профессоръ поручалъ изготовленіе билетовъ кому либо изъ слушателей, то выставлялись условные значки на оборотной сторонѣ билетовъ, или дѣ-

лались билеты—часть съ гладкообрѣзанными краями, часть съ рваными—и распредѣлялись между экзаменующимися по соглашенію, кому брать тѣ, кому другіе. На окончательномъ экзаменѣ, изъ технологіи, помню, былъ примѣненъ такой способъ: билеты—продолговатые—были сдѣланы выпуклыми—часть вдоль, часть поперекъ, т. е. одни съ широкаго, а другіе съ болѣе узкаго борта, съ тѣмъ чтобы продолговато-выпуклыхъ (или наоборотъ не помню) вовсе не готовить и не брать.

Всѣ подобныя ухищренія были, однако, не въ прокъ тѣмъ изъ близорукихъ, которые не носили очковъ; наклоняться къ столу, чтобы выбирать билетъ съ признакомъ, или избѣжать его, было неудобно и приходилось полагаться на свое счастье. Мнѣ, какъ таковому, несмотря на вышеупомянутое внушеніе Ланге, очковъ не носившему, приходилось, разумѣется, готовить весь курсъ каждаго предмета, да и совѣсть претила идти на обманъ. За это или за другую какую „добродѣтель", не знаю, судьба иногда не отказывалась меня и побаловать. Такъ, на этомъ самомъ экзаменѣ изъ технологіи мнѣ, не желавшему руководствоваться „признаками", достался билетъ о „стеклодѣліи", считавшійся наитруднѣйшимъ; а я, готовясь ночью къ экзамену, такъ заинтересовался стеклодѣліемъ, что прочелъ о немъ съ большимъ вниманіемъ и потому, къ удивленію товарищей, пораженныхъ моей неудачей съ билетомъ, отвѣтилъ великолѣпно и привелъ въ удивленіе профессора, если не знавшаго, то, вѣроятно, подозрѣвавшаго, что съ его экзаменомъ устроенъ какой-то фокусъ: товарищамъ моимъ попадались все легкіе билеты; только мнѣ попался трудный.

Злоупотребленія съ билетами (кромѣ богословія, гдѣ прямо происходилъ подмѣнъ билетовъ) были возможны, вслѣдствіе снисходительности профессоровъ, предоставлявшихъ студентамъ самимъ заготовлять билеты; студентъ, болѣе извѣстный профессору, предлагалъ свои услуги избавить его отъ лишняго труда, и дѣло въ шляпѣ. Изготовивши же билеты съ условными „признаками", вручалъ ихъ профессору, который „ничесо же сумняся" и приносилъ ихъ на экзаменъ. Впрочемъ многіе изъ профессоровъ имѣли свои билеты.

Припоминая давно прошедшее и свою профессорскую практику, невольно удивляешься, какъ рѣдко наши тогдашніе профессора предлагали экзаменующимся вопросы внѣ содержанія билета или, какъ студенты выражаются, „проходили по всему курсу". Вѣдь въ тѣ времена, при десяткѣ-другомъ экзаменующихся такъ легко было это дѣлать!

На первомъ курсѣ предлагались еще камералистамъ и отчасти студентамъ другихъ факультетовъ—упражненія во французскомъ языкѣ и въ сочиненіяхъ на русскомъ. Упражненія эти, какъ и рус-

ская исторія, введены были въ число предметовъ обязательныхъ для первокурсниковъ юридическаго факультета, вѣроятно въ виду той скудости познаній въ отечественной исторіи и упомянутыхъ языкахъ, какую обнаруживали поступавшіе въ университетъ изъ гимназій и семинарій. Но не лучше были ихъ познанія и во всеобщей исторіи и въ нѣмецкомъ языкѣ; такъ что для пополненія гимназическихъ quasi-познаній слѣдовало бы предложить и эти предметы студентамъ первыхъ курсовъ, но не худо бы даже и въ настоящее время, позаняться студентамъ этими предметами.

Дѣйствительно, хотя французскій и нѣмецкій языки преподавались обязательно въ тогдашнихъ гимназіяхъ въ теченіе всего 7-милѣтняго курса, но успѣхи учениковъ, не имѣвшихъ подмоги дома, были очень незавидны, оттого ли, что учителя были плохи, или оттого, что на экзаменахъ и въ аттестатахъ новымъ языкамъ не придавалось большого значенія,—Богъ вѣсть. Это печальное положеніе иностранныхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ давало, не безъ основанія, поводъ В. И. Далю утверждать, что примѣра не было, чтобы въ русской гимназіи кто-либо научился французскому или нѣмецкому языку. Но не лучше было и съ русскимъ языкомъ: долбили грамматику, риторику, исторію словесности (не дальше Гоголя); а грамотно и безъ крупныхъ ошибокъ въ грамматикѣ излагать свои скудныя мысли большинство гимназистовъ не научалось. Такъ что и въ отношеніи русскаго языка Казанскій университетъ имѣлъ полное основаніе предложить студентамъ поупражняться въ изложеніи своихъ мыслей.

Что же касается до всеобщей исторіи, то въ гимназіяхъ тѣхъ временъ она преподавалась по довольно подробнымъ учебникамъ Смарагдова, неизвѣстно за что впослѣдствіи преданнымъ осмѣянію и замѣненнымъ, кажется, всюду учебникомъ Иловайскаго, достаточно краткимъ для того, чтобы въ памяти учащихся не осталось никакого представленія о связи историческихъ событій. Смарагдовъ все-таки давалъ больше; не его вина, что учились вообще плохо. Русская же исторія проходилась тогда въ послѣднемъ — седьмомъ классѣ по очень краткому и крайне тяжелымъ языкомъ написанному учебнику Устрялова. Пополнять въ университетѣ скудныя свѣдѣнія, даваемыя этимъ учебникомъ, было вовсе не лишнее.

Французскимъ языкомъ занимался въ Казани лекторъ de Plagny съ 5 и 2-мъ курсами историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ и камеральнаго разряда. Занятія эти состояли, какъ сказано, въ отчетѣ за 1853—54 учебный годъ, въ переводахъ съ французскаго на русскій изъ хрестоматіи Noel'я и Chapsal'я, и съ русскаго на французскій изъ хрестоматіи Галахова, съ объясненіями

синонимовъ и идіотизмовъ французскаго языка. Посѣщались эти упражненія и объясненія очень лѣниво; видимо, студенты не сознавали пользы этой практики въ языкѣ для своихъ научныхъ занятій. Заходили же въ аудиторію де-Пляньи больше для того, чтобы просить его подписывать библіотечные требовательные бланки, такъ какъ для полученія книгъ изъ университетской библіотеки требовалось, чтобы бланкъ былъ снабженъ ручательствомъ профессора. Такъ какъ не всѣ профессора подписывали охотно и не спрашивая, какую книгу мы хотимъ взять, то мы и обращались больше къ тѣмъ, которые охотнѣе подписывали. Случалось, конечно, что подписи эти и поддѣлывались, безъ злаго умысла, конечно, чтобы поскорѣе получить нужную книгу, раньше чѣмъ удастся поймать профессора.

Де-Пляньи былъ добрѣйшій старецъ, патріархальнаго вида, оставшійся въ Россіи, какъ говорили, обломокъ Наполеоновской арміи, въ которой онъ будто-бы состоялъ барабанщикомъ [1]).

Русскимъ языкомъ, собственно упражненіями въ сочиненіяхъ, занимался съ 1-мъ и 2-мъ курсами обоихъ разрядовъ юридическаго факультета и общей словесности, только что кончившій въ 1853 г. курсъ кандидатъ историко-филологическаго факультета Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій — симпатичнѣйшая личность. Много лѣтъ спустя, кажется въ 1876 г., я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, уже какъ съ завѣдующимъ колоніею малолѣтнихъ преступниковъ.

Къ упражненіямъ этимъ студенты относились не лучше, чѣмъ къ французскимъ, можетъ быть и потому, что и тутъ, какъ тамъ, не предстояло повѣрки успѣховъ—экзаменами.

Русскую исторію читалъ профессоръ Николай Алексѣевичъ Ивановъ; читалъ онъ намъ на первомъ курсѣ пропедевтику русской исторіи, на второмъ—эпоху Петра Великаго. Посѣщали его лекціи частью съ охотою, какъ хорошаго лектора, частью — страха ради, какъ строгаго экзаменатора. Своимъ ораторскимъ искусствомъ и зычнымъ голосомъ онъ, пожалуй, даже злоупотреблялъ, часто впадая въ напускной паѳосъ. Голосъ у него былъ какой-то странный — замогильный, какъ называли нѣкоторые; но дикція была хорошая, выразительная. Читалъ онъ громко, округленными фразами, нѣсколько напоминая своей торжественностью и излишнимъ паѳосомъ того гоголевскаго учителя, который изъ-за Александра

---

[1]) Въ отчетѣ за 1853—54 г. упомянуто, что онъ «написалъ» Chrestomatie des sciences juridiques. Книги этой мы однако не видали, и онъ намъ о ней не говорилъ.

Македонскаго казенные стулья ломалъ. Хотя эта напыщенность лекцій Иванова и его ультрапатріотическое направленіе не очень нравились студентамъ, однако аудиторія его была почти всегда полна, а читалъ онъ въ самой большой.

Онъ былъ не очень аккуратенъ и нерѣдко пропускалъ лекціи и, хотя пропуски эти не очень огорчали слушателей (по школьнической склонности къ праздношатанію), однако профессоръ всегда считалъ нужнымъ извиняться передъ аудиторіей, ссылаясь то на множество факультетскихъ дѣлъ, лежавшихъ на немъ, какъ деканѣ, то на нездоровье. Главною причиною этого нездоровья, какъ всѣмъ намъ было извѣстно, была выпивка, къ которой питалъ склонность,—что грѣха таить,- не одинъ онъ изъ тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ [1]).

На экзаменѣ Ивановъ былъ очень требователенъ: срѣзаться у него было очень легко; плохіе отвѣты сильно его раздражали: онъ краснѣлъ и пилъ воду стаканъ за стаканомъ, все время ходя взадъ и впередъ по залѣ. Если отвѣчающій, сбившись, успѣвалъ поправиться, профессоръ обыкновенно приговаривалъ: „это дѣло десятое“. Несмотря на вообще небольшое тогда число студентовъ, экзаменъ у Иванова тянулся цѣлый день, съ утра до глубокой ночи [2]).

Несмотря на свою суровую личность, Ивановъ былъ очень вѣж-

---

[1]) Въ числѣ таковыхъ грѣшниковъ называли особенно Попова—математика, Корнуха-Троцкаго, Бабста, Осокина, даже Мейера, его друга и нѣк. другихъ.

Въ стихотворной характеристикѣ профессоровъ объ Ивановѣ значилось:

Нашъ деканъ Ивановъ,
Тянетъ сиволдай,
Выпьетъ хоть пять жбановъ,
Только подавай.

[2]) Ивановъ былъ также грозой гимназій, когда его посылали, по существовавшимъ тогда правиламъ, на ревизію. Разсказывали, что онъ приводилъ въ трепетъ и гимназическія начальства, и учителей, и гимназистовъ, даже въ Нижегородской гимназіи, близкой ему, какъ ея ученику, нижегородскому уроженцу. При пріѣздахъ своихъ въ Нижній онъ обыкновенно не забывалъ навѣстить свою мать, вдову мелкаго чиновника илидьячка, жившую невдалекѣ отъ города при считаемомъ святынею «Барановомъ ключѣ».

Н. А. Ивановъ, какъ значится въ біографическомъ словарѣ, изданномъ по случаю столѣтія Казанскаго университета, былъ авторомъ нѣсколькихъ историческихъ работъ и, между прочимъ, участвовалъ въ составленіи книги, изданной подъ своимъ именемъ—извѣстнымъ Ѳаддеемъ Булгаринымъ въ 30-хъ годахъ: «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Изданіе это не было доведено до конца.

ливъ къ студентамъ; на поклоны наши при встрѣчахъ онъ всегда любезно раскланивался, приговаривая: „здравствуйте, господинъ студентъ“.

Я засталъ Иванова уже въ концѣ его профессорства въ Казани, когда, какъ говорили, онъ уже не стоялъ на прежней высотѣ научнаго пониманія и исторической критики. Въ 1856 г. онъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ въ 30-хъ годахъ готовился къ профессорскому званію въ такъ наз. „профессорскомъ институтѣ“. Въ 1859 г. онъ перешелъ изъ Казани въ Митавскую гимназію учителемъ, а въ 1869 г. былъ приглашенъ на каѳедру въ Дерптскій университетъ. Въ Дерптѣ онъ и умеръ 30 марта 1869 г. на 56-мъ году жизни.

Преемникомъ его въ Казани былъ совершенно юный адъюнктъ Степанъ Васильевичъ Ешевскій,—ученый совсѣмъ другого пошиба, ученикъ Грановскаго и Кудрявцева. Съ появленіемъ его на кафедрѣ совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло въ бывшей Ивановской аудиторіи. Посѣщать ее стали массами уже не страха и не ораторскаго искусства ради (Ешевскій былъ нѣсколько косноязыченъ и по слабости легкихъ громко говорить не могъ), а ради того новаго направленія въ изученіи исторіи, представителемъ котораго оказался Ешевскій. Не обладая ни видною фигурою Иванова, ни ясной дикціей, ни громкимъ голосомъ,—словомъ, ни однимъ изъ внѣшнихъ качествъ хорошаго лектора, онъ привлекалъ слушателей содержательностью своихъ лекцій, массою сообщаемыхъ интересныхъ фактовъ, даже вполнѣ интимнаго характера, и мастерскими характеристиками дѣятелей послѣ-петровской эпохи, о которой онъ тогда читалъ.

Казань не была ему симпатична; онъ стремился въ Москву, куда и перешелъ въ 1857 г. учителемъ 3-го разряда въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ, успѣвъ впрочемъ жениться въ Казани на сестрѣ профессора Н. П. Вагнера. Профессоромъ же Московскаго университета онъ сдѣлался въ 1858 г., а въ 1865 г. скончался, слишкомъ рано (35 лѣтъ) для науки, потерявшей въ немъ крупную силу. Несмотря на раннюю кончину, Ешевскій оставилъ довольно много монографическихъ работъ [1]).

---

[1]) Младшій братъ С. В. Ешевскаго Василій былъ моимъ товарищемъ по нижегородской гимназіи. А сестра ихъ Елизавета Васильевна († янв. 1908) была замужемъ за профессоромъ Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ († янв. 1907). Бракъ этотъ былъ романическій, съ похищеніемъ невѣсты изъ строгаго родительскаго дома. Знавшіе Константина Николаевича въ позднѣйшіе годы едва-ли могутъ себѣ представить возможность такого подвига съ его стороны; а между тѣмъ это достовѣрный фактъ.

Перехожу къ основнымъ и прочимъ предметамъ нашего камеральнаго разряда. 1) Государственные законы (не право государственное, ибо слово „право“ тогда не пользовалось хорошей репутаціей въ „высшихъ сферахъ“) [1]) или, какъ подробнѣе значилось въ спискѣ преподаваемыхъ предметовъ, „публичное россійское правовѣдѣніе, государственныя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ“ читалъ намъ замѣнившій ушедшаго въ 1853 г. въ Харьковскій университетъ профессора Станиславскаго, молодой симпатичный профессоръ Семенъ Викентьевичъ Пахманъ (нынѣ сенаторъ). Въ Казань С. В. перешелъ въ 1852 г. изъ Одесскаго Ришельевскаго лицея, гдѣ онъ состоялъ съ 1848 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія. За неимѣніемъ же въ Казани каѳедры исторіи права ему поручена была вакантная каѳедра законовъ государственнаго благоустройства и благочинія (т. е. полицейскаго права); съ уходомъ же профессора Станиславскаго ему пришлось преподавать и государственное право. Что касается до характера преподаванія этого предмета, то надо замѣтить, что при тогдашнемъ государственномъ режимѣ, много распространяться о государственныхъ теоріяхъ и т. п. скользкихъ предметахъ не очень-то было удобно, да и прямо не позволялось. А поэтому преподаваніе ограничивалось лишь изложеніемъ нашихъ государственныхъ законовъ (т. е. 1-го тома Свода законовъ), съ кое-какими поясненіями. Курсъ, такимъ образомъ, былъ очень кратокъ; для приготовленія же къ экзамену мы пользовались просто на просто гимназическими учебниками законовѣдѣнія, кто учебникомъ Рождественскаго, кто Проскурякова, состоявшими, особенно первый, изъ сплошной перепечатки статей Свода законовъ, только (какъ выше сказано) безъ ихъ нумераціи и безъ указанія источниковъ. Одновременно съ полицейскимъ правомъ приходилось С. В. Пахману читать и международное право и исторію русскаго права. Перейдя за-

[1]) Впрочемъ еще въ концѣ 1820-хъ годовъ читалось въ Казани «право естественное», но въ «обличительномъ смыслѣ». И прочіе предметы правъ, какъ докладывалъ правительству тогдашій ректоръ Фуксъ, преподавались въ Казанскомъ университетѣ, съ «такими отъ прочихъ университетовъ отмѣтками»: «вся теоретическая часть, все, что не можетъ быть изъ правъ древнѣйшихъ народовъ и даже римскаго приложено къ россійскому законодательству» проходилось «кратко, не теряя времени ни на тщетныя умозрѣнія теоріи правъ, ни на познанія, безполезныя для русскаго, употребляя какъ можно болѣе времени на изученіе законодательства и судопроизводства отечественнаго“ (См. рѣчь Е. П. Янишевскаго о Лобачевскомъ, 1868 г.). Отчасти въ этомъ духѣ читались нѣкоторыя изъ юридическихъ наукъ и въ мое пребываніе въ Казанскомъ университетѣ, можетъ быть по традиціи, а можетъ быть и страха ради.

тѣмъ въ 1856 г. (съ уходомъ профессора Д. И. Мейера въ Петербургскій университетъ) на свой любимый предметъ—гражданское право, профессоръ Пахманъ окончательно отдался ему. На этой каѳедрѣ Семенъ Викентьевичъ былъ, какъ рыба въ водѣ; тутъ вполнѣ проявились и его блестящій лекторскій талантъ, и основательное знаніе предмета, и умѣніе поддерживать вниманіе слушателей во-время разсказаннымъ анекдотомъ или остроумной цитатой. Странно только то, что онъ не попалъ въ стихотворную характеристику профессоровъ Казанскаго университета [1]).

Небогатъ былъ учеными силами въ наше время Казанскій университетъ; нѣкоторымъ профессорамъ приходилось быть то совмѣстителями, разбрасывая свои силы одновременно на нѣсколько каѳедръ, то и совсѣмъ переходить временно съ своей каѳедры на другую. Такъ случалось впрочемъ и въ позднѣйшее время: напр., профессору римскаго права Н. А. Кремлеву приходилось въ разное время читать студентамъ и уголовное право съ судопроизводствомъ, и политическую экономію; профессоръ государственнаго права Н. К. Нелидовъ читалъ также энциклопедію, и исторію философіи права, и исторію иностранныхъ законодательствъ; А. В. Соколовъ читалъ въ разное время римское право и его исторію, энциклопедію, русское государственное право, гражданское право и судопроизводство, также—уголовное, и велъ еще практическія занятія по уголовной и гражданской юридической практикѣ.

Такія совмѣстительства и перескакиваніе съ одной каѳедры на другую были возможны для профессоровъ прежней формаціи благодаря тому, что для пріобрѣтенія ученыхъ степеней тогда требовалось знаніе бо́льшаго числа предметовъ, чѣмъ это установлено правилами 1864 г., очень съузившими требованія, что очень облегчило полученіе степеней, но едва-ли принесло пользу дѣлу, какъ мало принесутъ пользы, конечно, и нынѣ проектируемыя правила, еще болѣе облегчающія пріобрѣтеніе профессорскаго званія.

Политическую экономію и статистику читалъ молодой профессоръ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ. Изъ учителей исторіи въ Московскомъ сиротскомъ домѣ онъ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ въ 1851 г. Обладая основательной исторической подготовкой, читалъ онъ хорошо, иногда довольно смѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, критикуя то-другое; но разумѣется въ большія подробности какихъ-либо „сомнительныхъ“ ученій онъ вдаваться не могъ, такъ какъ политическая экономія читалась по „установленной“

[1]) Впослѣдствіи мнѣ привелось быть изъ ученика сослуживцемъ С. В. Пахмана въ С.-Петербургскомъ университетѣ (1867—1876).

программѣ, состоя, кажется, на-ряду съ философіей, изъ всѣхъ наукъ на наихудшемъ счету у правительства, всегда у насъ боявшагося „разрушительныхъ“ ученій, всегда однако бравшихъ свое въ нашемъ обществѣ, несмотря на запреты.

Вслѣдствіе „установленной“ программы, курсъ политической экономіи былъ, какъ выражались студенты, короче воробьинаго носа. И курсъ статистики былъ тоже не обширенъ. Кромѣ того И. К. читалъ намъ еще о государственномъ кредитѣ. Говорятъ, что, перейдя въ Москву, въ 1857 г., онъ сталъ читать болѣе подробно, что отчасти видно и изъ напечатаннаго имъ начала курса политической экономіи, къ сожалѣнію не пошедшаго дальше 1-го выпуска.

Въ предпослѣдній (1855) годъ его пребыванія въ Казанскомъ университетѣ много надѣлала шуму его актовая рѣчь „о нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“. Нѣкоторыя мѣста и выраженія въ этой рѣчи, прекрасно написанной, казались необычайно смѣлыми для того времени, когда и наука, и общество только еще начинали, не безъ робости, дышать смѣлѣе съ перемѣной царствованія.

Бабстъ былъ человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, очень начитанный, охотно бесѣдовавшій съ обращавшимися къ нему студентами и вообще добрѣйшей души человѣкъ [1]).

Въ Москвѣ онъ впослѣдствіи пустился въ коммерческія предпріятія, кажется, съ извѣстнымъ Чижовымъ; потомъ былъ директоромъ купеческаго банка. Я видѣлся съ нимъ послѣ университета только разъ въ Москвѣ въ концѣ 1857 г. проѣздомъ изъ Нижняго въ Петербургъ, при чемъ онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ извѣстному статистику, своему знакомому по Казани, А. И. Артемьеву. Но желанію моему сдѣлаться статистикомъ не суждено было исполниться... Еще разъ я видѣлъ Бабста мелькомъ на одномъ изъ безобразовскихъ экономическихъ обѣдовъ у Донона. Умеръ онъ въ 1881 году въ своемъ подмосковскомъ имѣніи, на 58-мъ году жизни [2]).

---

[1]) Не даромъ въ вышеупомянутой характеристикѣ профессоровъ о немъ поется:

Бабстъ Иванъ Кондратьевъ
Славный человѣкъ:
Любитъ насъ, какъ братьевъ;
Жить бы ему вѣкъ!

[2]) Имъ написано нѣсколько историческихъ и экономическихъ работъ; а докторская его диссертація „Джонъ Ло или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства“, (1852 г.) весьма замѣчательная монографія по тогдашнему состоянію исторической и экономической литературы.

„Законы о податяхъ и повинностяхъ“, т. е. финансовую науку и финансовое право читалъ профессоръ Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ. Какъ большинство тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ, это былъ серьезный ученый, хорошо знавшій свой предметъ и обладавшій, какъ всѣ профессора—юристы стараго поколѣнія, широкимъ юридическимъ образованіемъ, дававшимъ возможность имъ читать не одинъ свой спеціальный предметъ, но и другіе, даже не очень къ нему близкіе. Осокинъ—совоспитанникъ Д. И. Мейера по Главному Педагогическому Институту, штудировалъ вмѣстѣ съ нимъ за границей въ 1840—44 годахъ (откуда привезъ себѣ, кажется, и жену-нѣмку) и почти одновременно съ нимъ получилъ званіе профессора [1]).

Недостатокъ Осокина, какъ профессора, былъ тотъ, что онъ не обладалъ ни даромъ краснорѣчія, ни искусствомъ заинтересовывать слушателей, почему и не пользовался особымъ расположеніемъ студентовъ, хотя всегда былъ къ нимъ добръ и внимателенъ, и съ полной любезностью давалъ указанія и совѣты къ нему обращавшимся. Неумѣніе красно выражаться и неясность дикціи дѣлали то, что лекціи его посѣщались неохотно; иногда устанавливалась даже очередь, кому пойти на „финансовое право“. Если къ неясности произношенія прибавить еще очень несильный голосъ профессора, то отсутствіе у него полной аудиторіи („все равно немного услышишь“) станетъ еще болѣе понятнымъ [2]).

Не мало пугала студентовъ и обширность курсовъ, читавшихся Осокинымъ, осложненныхъ массою подробностей, историческихъ и сравнительныхъ очерковъ. Исторію онъ особенно выдвигалъ въ своихъ лекціяхъ, вѣроятно подъ вліяніемъ историческаго направленія въ разработкѣ политической экономіи и финансовой науки,

---

[1]) И какая странная игра случая! Конечно, ни Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ, вологодскій уроженецъ, въ позднѣйшее время, ни профессоръ исторіи, его однофамилецъ, Николай Алексѣевичъ, уроженецъ Петербургскій, получая назначеніе въ Казань, не ожидали встрѣтить здѣсь тоже однофамильцевъ среди мѣстной аристократіи.

[2]) Вышеописанныя внѣшнія качества Осокина, какъ профессора, и отмѣчены въ стихотворныхъ характеристикахъ профессоровъ слѣдующимъ юмористическимъ четверостишіемъ:

Осокинъ Евграша
Говоритъ мастакъ:
Во рту словно каша,
А въ глазахъ столбнякъ!

Послѣдній стихъ объясняется тѣмъ, что взглядъ у Осокина былъ дѣйствительно какой-то странный, малоподвижный, словно робкій.

основаніе которому было положено извѣстнымъ лейпцигскимъ профессоромъ Рошеромъ въ 1840-хъ годахъ [1]).

Не очень старательно посѣщая лекціи Осокина студенты, разумѣется, мало себѣ и усваивали, такъ что къ экзамену приходилось готовиться на „авось, кривая вывезетъ“,—пользуясь записками, когда-то и кѣмъ-то составленными, едва-ли просмотрѣнными профессоромъ, частію же его печатными работами. Очень не по нутру была слушателямъ Осокина и обширность его курсовъ, какъ финансоваго права, такъ и временно читавшагося имъ полицейскаго, тѣмъ болѣе, что онъ слылъ за очень требовательнаго экзаменатора. Ввести же его въ заблужденіе однимъ изъ выше описанныхъ ухищреній съ билетами не было возможности, такъ какъ билеты для экзамена онъ приносилъ свои. Поэтому, „сдать финансовое право“, говорили студенты,—„перейти Рубиконъ“; однако профессоръ, большею частію, относился къ отвѣчающимъ снисходительно, если они не слишкомъ уже завирались и не обнаруживали слишкомъ ясно отсутствія познаній. Но для этого и самымъ лѣнивымъ приходилось готовиться серьезно; и вотъ зубрили изъ всѣхъ силъ, бѣгая другъ къ другу за тетрадками лекцій, которыхъ чуть-ли не единственный полный экземпляръ съ добавленіями изъ другихъ, разрозненныхъ, находился въ то время въ моемъ обладаніи; имъ-то и пользовались мои товарищи, главнымъ образомъ, передавая другъ другу отдѣльныя тетради. Вѣдь надо было быть въ состояніи хоть малость отвѣтить толково на каждый билетъ!

По окончаніи мною курса мой экземпляръ остался у кого-то на пользу послѣдующихъ поколѣній слушателей Е. Г. Осокина. Имъ это, конечно, было на руку; но я потомъ очень жалѣлъ, что не сохра-

[1]) Историческія изслѣдованія и интересовали Осокина преимущественно. Такой характеръ носитъ уже магистерская его диссертація: «Историко-критическое изслѣдованіе пауперизма“ (1846 г.). Его докторская диссертація «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи» (1850 г.)—есть уже чисто-историческое изслѣдованіе. По поводу разбора этой книги профессоромъ Бѣляевымъ Осокинъ написалъ возраженіе, представляющее собою тоже экскурсію въ область исторіи. «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права (Юридич. Сборникъ Мейера, 1855). Въ сочиненіи «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи» (1856, напеч. въ Сборникѣ статей въ память 50 лѣтія Казанскаго университета и отдѣльно) исторической части отведено значительно больше мѣста, чѣмъ теоретической. Есть и еще работа Осокина—тоже историческая. „Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ». (Уч. зап. Каз. унив. 1852), составляющая извлеченіе изъ книги извѣстнаго Böckh'a. Темы для студенческихъ сочиненій Осокинъ предлагалъ обыкновенно историческаго характера. Я наприм. получилъ у него золотую медаль за «Историческій обзоръ мѣръ русскаго правительства касательно внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ».

нилъ этого солиднаго и обширнаго трактата о предметѣ, котораго самъ потомъ сдѣлался преподавателемъ [1]).

Преподаваніе полицейскаго права Осокинымъ отличалось тѣми же достоинствами и недостатками, что и финансоваго. Можетъ быть и не по душѣ было Евграфу Григорьевичу возиться съ обработкой еще этого обширнаго курса, но и къ нему онъ относился столь же добросовѣстно, какъ къ своему основному предмету. Его курсъ полицейскаго права былъ тоже очень подробенъ и съ обширными историческими справками. Этотъ курсъ сохранился у меня случайно; но написанъ онъ такими почерками, что можно сказать, только отсутствіе печатныхъ руководствъ могло заставлять студентовъ преодолѣвать подобныя каллиграфическія трудности (лишь бы не срѣзаться на экзаменѣ), уснащенныя при томъ искаженіями переписчиковъ.

Приводя въ порядокъ доставшіяся отъ кончающихъ товарищей записки, я, по мѣрѣ силъ, пополнялъ ихъ собственными записями лекцій и дополненіями изъ другихъ экземпляровъ, въ чемъ усердно сотрудничалъ товарищъ мой (впослѣдствіи членъ Кіевской судебной палаты) М. В. Суринъ († 1903).

До назначенія Осокина въ Казанскій университетъ въ 1845 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ „законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ“, — финансовое право тамъ еще не читалось. Было оно, правда, поручено, „въ видѣ опыта“, кандидату правъ Бржозовскому, но курсъ его такъ и не состоялся за выбытіемъ Бржозовскаго на родину, въ Западный край. Осокину же пришлось сразу работать по двумъ каѳедрамъ — своей—финансовъ, и по каѳедрѣ полицейскаго права, за уходомъ проф. Сергѣева. Потомъ въ 1849—51 гг. онъ преподавалъ политическую экономію и статистику; 1851—52 и 1855—56 гг. — полицейское право; въ 1853—55 гг.—россійскіе государственные законы. Потомъ, за переходомъ проф. Иванова въ Дерптъ, Осокинъ былъ деканомъ юридическаго факультета; затѣмъ, съ 1863 года до кончины своей въ 1880 году (на 61 году жизни), дважды ректоромъ университета,

[1]) Вообще не къ чести прежнихъ, да и нынѣшнихъ студентовъ надо замѣтить, о нерасположеніи ихъ къ записыванію и обработкѣ лекцій. При существованіи печатныхъ учебниковъ это, конечно, еще извинительно; но и въ учебникахъ не всегда имѣется все то, что сообщается на лекціяхъ, не говоря уже о новыхъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ или перемѣнахъ въ воззрѣніяхъ преподавателей, совершившихся послѣ изданія ими учебниковъ. Во время моего студенчества печатныхъ руководствъ для большинства наукъ не существовало. Профессора указывали слушателямъ на иностранныя руководства; но многіе ли изъ изучавшихъ иностранные языки въ нашихъ гимназіяхъ способны читать на этихъ языкахъ?

въ 4-лѣтнимъ промежуткомъ. Съ Казанью онъ совсѣмъ сжился, обзавелся собственнымъ немудренымъ домикомъ и, повидимому, совсѣмъ не мечталъ о какомъ-нибудь другомъ университетѣ, какъ другъ и товарищъ его Д. И. Мейеръ, прямо на пагубу свою, при своемъ плохомъ здоровьѣ, перешедшій въ Петербургскій университетъ и умершій черезъ мѣсяцъ по полученіи здѣсь каѳедры.

Въ отчетѣ университета за 1880 годъ сказано объ Евграфѣ Григорьевичѣ такъ: „По общему отзыву онъ былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-преподавателей, собственно по исторіи финансовъ". Отъ себя могу прибавить, что и теорія у него была хорошо разработана. Далѣе: „громадное количество юристовъ и камералистовъ, учениковъ его, доселѣ вспоминаютъ съ признательностью и особымъ уваженіемъ имя покойнаго профессора, его даръ изложенія предмета, всегда сообщаемаго аудиторіи съ замѣчательною полностью. Всегда до крайности вѣжливый, тихій, почти робкій передъ аудиторіей, Е. Г. былъ особенно требователенъ на экзаменахъ".

Оригиналенъ онъ былъ и въ домашней жизни: мнѣ и другимъ, писавшимъ у него кандидатскія сочиненія, приходилось нерѣдко бывать у него для полученія совѣтовъ и указаній. На звонокъ онъ почти всегда самъ отстегивалъ крючекъ двери и затѣмъ поспѣшно убѣгалъ въ кабинетъ, откуда и выходилъ уже, какъ ни въ чемъ не бывало, къ намъ, обыкновенно въ пестромъ татарскомъ халатѣ. Замѣтивъ такую повадку профессора, мы, чтобы не конфузить его немедленнымъ появленіемъ въ передней, оставались на минуту въ сѣняхъ за дверью, чтобы дать ему время убѣжать въ кабинетъ. Принималъ онъ студентовъ всегда радушно, охотно бесѣдуя и давая желаемыя указанія [1]).

Перехожу къ прочимъ главнымъ предметамъ камеральнаго отдѣленія.

---

[1]) Лично я обязанъ Осокину устройствомъ моей профессорской карьеры: когда министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ задумалъ въ началѣ 1860-хъ годовъ командировать за границу молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, я напомнилъ Евграфу Григорьевичу о себѣ, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ обо мнѣ представленіе, имѣя въ виду, что я кончилъ университетъ кандидатомъ, съ золотою медалью на тему по финансовому праву. Во время пребыванія моего за границей въ 1862—65 гг. мы обмѣнивались съ нимъ иногда письмами. Но увидѣть мнѣ его послѣ университета пришлось только разъ, въ концѣ 1866 г., когда онъ, какъ ректоръ, былъ вызванъ въ Петербургъ въ комиссію по пересмотру правилъ для университетскихъ слушателей (правила 26 мая 1867 г.). Я тогда приглашалъ его на мой диспутъ, «pro venia legendi», но онъ былъ нездоровъ и не явился «пробрать» своего ученика. Въ 1876 г онъ участвовалъ въ комиссіи по пересмотру университетскаго устава, но въ этотъ разъ мнѣ не пришлось его видѣть. Кажется, что комиссія эта засѣдала лѣтомъ, когда меня не было въ столицѣ.

Ботанику, „примѣненную къ сельскому хозяйству“, т. е, „общія начала и систему ботаники, съ обзоромъ сельскохозяйственныхъ и огородныхъ растеній, а также и вредныхъ“, читалъ первому курсу камералистовъ, а въ слѣдующихъ курсахъ — сельское хозяйство, садоводство и лѣсоводство — кандидатъ Петръ Андреевичъ Пелль. Хотя ему тогда не было еще 50 лѣтъ, но онъ казался значительно старше. Это былъ сѣдоватый, высокаго роста блондинъ—оригинальная фигура и оригинальный преподаватель. По общему отзыву это былъ очень знающій ученый и до мозга костей преданный наукѣ; разсказывали, что за своими занятіями онъ иногда забывалъ даже объ обѣдѣ. Читалъ онъ ясно и толково, постоянно приправляя свои объясненія жестикулированіемъ своихъ длинныхъ пальцевъ. Аудиторія его съ нѣкоторыми другими помѣщалась въ лѣвой половинѣ университетскаго зданія, въ бель-этажѣ (какъ впрочемъ и всѣ общія аудиторіи), въ одномъ корридорѣ съ спальнями казенно-коштныхъ студентовъ [1]).

Посреди комнаты, служившей намъ здѣсь сборной, первой отъ входа въ этотъ этажъ съ боковой лѣстницы, стояли два огромныхъ умывальника красной мѣди, около которыхъ мы и блуждали въ ожиданіи лекціи Пелля, по-школьнически оттягивая ея начало, хотя профессоръ обыкновенно уже находился въ аудиторіи. Нерѣдко его терпѣніе лопалось, и онъ выходилъ изъ аудиторіи будто затѣмъ, чтобы велѣть служителю принести мѣлу; но это было намъ тонкимъ намекомъ, что пора на лекцію. Прямо же онъ никогда не обращался съ приглашеніемъ.

Странно было въ преподаваніи этого знающаго и усерднаго лектора то, что онъ ни разу не счелъ нужнымъ сводить насъ въ ботаническій садъ (въ который, увы, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, такъ и не собрались заглянуть), чтобы показать разныя растенія въ ихъ естественномъ, а не высушенномъ видѣ, чѣмъ онъ ограничивался, пользуясь гербаріумомъ, находившимся въ двухъ шкафикахъ тутъ же въ аудиторіи. Не возилъ онъ насъ и на учебную земледѣльческую ферму министерства государственныхъ имуществъ, находившуюся невдалекѣ отъ города. Весьма возможно, впрочемъ, что тому и другому путешествію, а особенно на ферму, препятствовала трудность сообщенія, въ виду осенней и весенней грязи, царившей не только на подгородныхъ дорогахъ, гдѣ она прямо засасывала лошадей и экипажи, но и на пути къ озеру Кабану, на берегу котораго находится ботаническій садъ университета.

[1]) Днемъ студенты эти, въ свободное отъ лекцій время, пребывали въ комнатахъ третьяго этажа, выходящаго окнами на университетскій дворъ, а спать спускались въ бель-этажъ.

Лѣтомъ же студенты отсутствовали, а зимою тамъ мало чего было смотрѣть.

Для преподаванія сельскаго хозяйства не было ни почвенныхъ картъ, ни образцовъ почвъ; были, кажется, только модели нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій; но и тутъ профессоръ больше ограничивался ихъ описаніями и черченіемъ на доскѣ. Правда, что бюджетъ университета былъ тогда такъ скроменъ, что на пріобрѣтеніе всего необходимаго для нагляднаго преподаванія, вѣроятно, не имѣлось средствъ.

Тѣмъ не менѣе студенты, имѣвшіе хорошіе баллы по ботаникѣ и сельскому хозяйству, получали особыя свидѣтельства объ успѣшномъ изученіи агрономіи, дававшія какія-то преимущества въ службѣ по вѣдомству м-ва гос. имуществъ. Такое свидѣтельство получилъ и я, но воспользоваться имъ мнѣ не пришлось.

При ограниченности средствъ къ преподаванію Пелль дѣлалъ, что могъ, повидимому. Преподавалъ онъ толково и былъ снисходительнымъ экзаменаторомъ, который, конечно, ни одному студенту не испортилъ аттестата. Умеръ онъ въ отставкѣ, въ Петербургѣ, въ 1861 г.

Съ 1854—55 учебнаго года введено было на 1-мъ курсѣ камеральнаго разряда еще преподаваніе минералогіи и зоологіи, какъ пособіе для изученія сельскаго хозяйства, технологіи и химіи, съ порученіемъ этихъ предметовъ адъюнкту Н. П. Вагнеру (тогда носившему у студентовъ кличку „пискунъ“; впослѣдствіи столь извѣстному профессору Петербургскаго университета, спириту, „Коту мурлыкѣ“). Намъ слушать эти предметы уже не пришлось. Съ уходомъ Пелля Н. П. Вагнеру была поручена и ботаника. По настоянію Вагнера, вѣроятно, назначены были наконецъ особые часы для практическихъ занятій камералистовъ ботаникою; а за библіотекою отведено было мѣсто „для воспитанія растеній, замѣчательныхъ въ сельско-хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ“, какъ значится въ отчетѣ за 1855—56 г. Но еще въ 1857 г., при окончаніи нами курса, мѣсто это оставалось поросшимъ „травой забвенья“, какъ поетъ Русланъ, т. е. репейникомъ и крапивой [1]).

Химію читалъ намъ очень молодой (р. 1829 г.), впослѣдствіи знаменитый творецъ русской химической школы, адъюнктъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ. Аудиторія и лабораторія его помѣщались, какъ и понынѣ, конечно, помѣщаются, въ нижнемъ этажѣ находящагося на университетскомъ дворѣ особаго знанія, въ верх-

[1]) Въ 1856 г. было проектировано еще ввести для камералистовъ преподаваніе англійскаго языка и архитектуры. Состоялось ли это—не знаю. Но раньше того англійскимъ языкомъ нѣкоторые изъ насъ занимались у лектора Бересфорда добровольно.

немъ этажѣ котораго помѣщаются физическіе—кабинетъ и аудиторія. Позади химической аудиторіи было помѣщеніе для химическихъ снарядовъ и матеріаловъ и лабораторія, тогда очень тѣсная; тутъ же была и квартира лаборанта Грахе, да отдѣльная комната для студента-метеоролога, обязаннаго нѣсколько разъ въ день подниматься въ будку на крышѣ зданія, въ которой помѣщались инструменты для наблюденій, и записывать направленіе вѣтра, количество осадковъ и прочее, что у метеорологовъ полагается отмѣчать. Кстати скажу, что такъ какъ студентъ этотъ не всегда же могъ быть на лицо въ требуемые часы, да при томъ не отличался трезвостью, то и записи эти дѣлались иногда наобумъ, приблизительно, а то подъ вліяніемъ Бахуса, можетъ быть и совсѣмъ расходились съ дѣйствительностью.

Мы слушали химію вмѣстѣ съ математиками и медиками, такъ что иногда народу набиралось очень много. На первомъ курсѣ читалась химія неорганическая, на 2-мъ органическая, на 3-мъ аналитическая. Читалъ Бутлеровъ очень бойко, вразумительно, большею частію удачно поясняя свои сообщенія опытами, при помощи лаборанта Грахе (впослѣдствіи, съ 1860 г., ставшаго адъюнктомъ по химіи). Читалъ А. М. настолько внятно, что была полная возможность записывать его лекціи, что́ нѣкоторые и дѣлали. Но большинство для экзамена пользовалось существующими руководствами—для неорганической химіи Гесса и Реньо. Для аналитической существовало руководство, довольно безграмотно переведенное съ чьего-то французскаго учебника, которое приходилось пополнять собственными записями; а для химіи органической печатной книжки вовсе не было; записанныя мною лекціи восполняли моимъ товарищамъ этотъ дефектъ, переходя изъ рукъ въ руки во время экзаменовъ.

Химія тогда была гораздо проще и менѣе сложна, чѣмъ теперь, особенно органическая, страшно подвинувшаяся впередъ за послѣднія 40—45 л. и обогатившаяся множествомъ 4-хъ и 5-ти этажныхъ названій разныхъ новыхъ соединеній и массою новыхъ формулъ, въ которыхъ мнѣ теперь уже и не разобраться, хотя въ тѣ времена, о которыхъ пишу, я изучалъ эту науку довольно основательно.

Лекціи химіи доставляли намъ не мало удовольствія. Благодаря прекрасной манерѣ изложенія, передъ нами болѣе и болѣе поднималась завѣса, скрывавшая тайны природы въ этой области знанія. Не симпатична была, правда, химія аналитическая, такъ какъ тутъ приходилось заучивать на память, чѣмъ, что, въ какомъ количествѣ и какими количествами разлагается, и что изъ этого получается...

Извѣстно, что такъ называемыя тайны природы интригуютъ умъ уже въ очень раннемъ возрастѣ; уже малолѣтній ребенокъ ломаетъ

игрушку, чтобъ узнать, отчего она пищитъ или вообще, какъ она сдѣлана,—производитъ своего рода анализъ... Физическіе и химическіе и т. п. опыты всегда находятъ не мало интересующихся не только между юнцами и юницами, но и между людьми всѣхъ возрастовъ и положеній. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что камералисты интересовались химіей и технологіей нерѣдко больше, чѣмъ предлагаемыми имъ науками юридическими. Особенно увлекались химіей первокурсники; нѣкоторые занимались даже въ лабораторіи, портя иногда работы самого А. М. Бутлерова. Мой землякъ и товарищъ по гимназіи и отчасти по университету, нынѣ извѣстный писатель П. Д. Боборыкинъ въ первое время такъ предался химіи, что даже перевелъ на русскій и издалъ „органическую химію“ Лемана, а потомъ, желая совсѣмъ посвятить себя этой наукѣ, перешелъ, по совѣту Бутлерова, въ Дерптъ, чтобы изучить ее спеціально подъ руководствомъ знаменитаго проф. Клауса, перешедшаго изъ Казанскаго университета въ Дерптскій въ 1852 г. [1])

Бутлеровъ былъ очень симпатичный, доступный профессоръ и непридирчивый экзаменаторъ. Такимъ же онъ оказался и въ Петербургскомъ университетѣ, въ который перешелъ въ 1868 г., по предложенію Д. И. Менделѣева. Умеръ онъ въ 1886 г. въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи отъ случайной закупорки какой-то артеріи или вены, слишкомъ рано для своихъ лѣтъ и для науки, въ которой онъ былъ такимъ выдающимся работникомъ, создавшимъ свою „бутлеровскую“ школу въ химіи. Петербургскій университетъ почтилъ его память особымъ торжественнымъ собраніемъ, на которое было приглашено и его семейство.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, жизненная карьера П. Д. Боборыкина сложилась совсѣмъ иначе: пробывъ Дерптѣ на физико-математическомъ и (кажется, одновременно) медицинскомъ факультетахъ около пяти лѣтъ, онъ сдалъ въ 1861 году, въ временно закрытомъ тогда Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на кандита юридическихъ наукъ и, вскорѣ затѣмъ, окончательно отдался литературѣ; сначала былъ сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія», потомъ ея редакторомъ-издателемъ, а когда дѣло это разстроилось, сдѣлался усерднѣйшимъ поставщикомъ романовъ, повѣстей и драматическихъ произведеній въ толстые журналы, корреспонденцій и статей въ газетѣ, словомъ «талантливымъ беллетристомъ» и наконецъ сопричисленъ къ Академіи Наукъ. Для казанцевъ пребываніе его въ Дерптѣ сказалось обширнымъ письмомъ къ одному изъ товарищей, въ которомъ П. Д. давалъ разныя наставленія и между прочимъ очень одобрялъ ихъ желаніе просить объ отмѣнѣ переводныхъ экзаменовъ. Послѣднее, кажется, особенно всѣмъ понравилось, какъ избавленіе отъ ежегодной зубрежки. Письмо ходило по рукамъ и, кажется, даже списывалось.

Учебныя воспоминанія [1]).

Нѣкоторые изъ студентовъ очень интересовались также технологіей, наукой еще больше, чѣмъ химія, съ ея труднозапоминаемыми названіями, представляющею интересъ для пытливаго юнаго ума, стремящагося знать, что изъ чего, какъ и для чего дѣлается.

Преподавалъ технологію симпатичнѣйшій профессоръ Модестъ Яковлевичъ Киттары, стараясь при томъ привлекать студентовъ для практическихъ занятій въ свою скудную лабораторію. И дѣйствительно—нѣкоторые занимались, но едва-ли съ тѣмъ успѣхомъ, какъ повѣствовалось въ университетскихъ отчетахъ. Для поощренія занимающихся М. Я. печаталъ сообщенія о ихъ работахъ въ редактировавшихся имъ запискахъ Казанскаго Общества сельскаго хозяйства.

Хотя эти „технологи“, пожалуй, чаще мѣшали работамъ самаго профессора (какъ это было и съ любителями химіи у Бутлерова), чѣмъ достигали какихъ-либо практическихъ цѣлей (если не считать таковыми—стараніе заручиться расположеніемъ профессора), тѣмъ не менѣе между ними оказывались даже изобрѣтатели. Такъ напр., въ „Запискахъ“—профессоръ сообщалъ, между прочимъ, объ изобрѣтеніи нашимъ товарищемъ В. В. Эннатскимъ какой-то „салорѣзки“ для нуждъ свѣчного и мыльнаго производствъ [2]).

Киттары былъ очень знающій профессоръ; по лекціямъ его видно было, что онъ въ своемъ предметѣ какъ рыба въ водѣ; много

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1908 г.

[2]) Этотъ Вас. Вас. Эннатскій, считавшійся у насъ не особенно способнымъ, до нѣкоторой степени чудакомъ, надо думать—отецъ того чудака г. Эннатскаго, который въ 70-хъ или 80-хъ г.г. путешествовалъ—изъ Саратова или Самары «на тройкѣ» въ Парижъ.

интересовался онъ мѣстной казанской промышленностью; посѣщалъ мѣстные заводы и, конечно, не безъ противодѣйствія ихъ владѣльцевъ, давая указанія для улучшенія производства, остававшіяся, вѣроятно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ [1]).

Обстановка для практическихъ занятій студентовъ химіей и технологіей была весьма скудная. Поэтому нѣкоторой ироніей кажутся хвалебные отзывы университетскихъ отчетовъ объ особенныхъ успѣхахъ и усердіи гг. камералистовъ. Не отрицая усердія, нельзя было однако не признать, что арена для его примѣненія была очень неудобная. Однако напр. въ отчетѣ за 1855—56 г. сообщалось, въ доказательство, что камералисты очень усердно занимаются теоріей и практикой, что „несмотря на краткій срокъ существованія камеральнаго отдѣленія (учр. въ 1844 г.) оно произвело уже двухъ магистровъ технологіи (Фирстова и Чугунова) и приступило къ экзамену третьяго (Степанова), при чемъ особенно отмѣчалось, что ученыя изслѣдованія „сихъ молодыхъ дѣятелей, равно и курсовыя сочиненія студентовъ, касаются исключительно мѣстныхъ техническихъ производствъ“. Этимъ составитель отчета хотѣлъ, конечно, оттѣнить пользу камеральнаго отдѣленія для Приволжскаго края. Далѣе пояснялось, что „студенты опытно знакомятся съ мѣстными производствами, раскрывая ихъ недостатки и указывая на возможныя улучшенія,“... что „Казанское Экономическое Общество и учебная земледѣльческая ферма М-ва государственныхъ имуществъ постоянно предлагаютъ свое содѣйствіе“.., что общество это, заботясь, чтобы камералисты пріобрѣтали практическій навыкъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, приглашало своихъ членовъ брать камералистовъ на лѣтнюю рабочую пору въ свои имѣнія и печатало ихъ письменныя попытки въ своихъ запискахъ.., что „такую же готовность споспѣшествовать практическимъ трудамъ студентовъ оказывала и учебная ферма“. Впрочемъ ни мнѣ, ни, сколько помню, моимъ товарищамъ приглашеній поучиться сельскому хозяйству „въ лѣтнюю рабочую пору“ дѣлаемо не было. Хорошо помню только, что со сдачею экзаменовъ всѣ стремились какъ можно скорѣе уѣзжать домой. А кто имѣлъ касательство къ сельскому хозяйству, баричи-помѣщичьи дѣти (особенно любившіе камеральное

[1]) Не безъ грусти разсказывалъ онъ намъ, напримѣръ, что на его совѣтъ ввести нѣкоторое улучшеніе въ свѣчносальномъ производствѣ, вслѣдствіе котораго свѣчи стали бы яснѣе и дольше горѣть—заводчикъ отвѣчалъ ему: «что же намъ-то будетъ хорошаго? Чѣмъ скорѣе свѣчи сгораютъ, тѣмъ больше нашъ сбытъ». Не мало интересныхъ замѣчаній сообщилъ онъ въ въ своей актовой рѣчи 1857 г. о нашей промышленности. («Очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской мануфактурной промышленности»).

отдѣленіе за его „легкость“, никакъ не за интересныя науки), то они, забравшись въ свои деревни, больше интересовались, конечно, лошадьми, собаками, да охотой за зайцами и прекрасными поселянками, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ.

Объ успѣшности занятій камералистовъ другой категоріей камеральныхъ наукъ свѣдѣній въ отчетахъ не имѣется; думаю—потому, что эти науки не имѣли такого энергичнаго заступника и пропагатора, какимъ былъ проф. Киттары для своей области и соприкосновенныхъ къ ней наукъ.

Правда, что онъ орудовалъ очень усердно, старался заинтересовывать своихъ слушателей обслѣдованіемъ и изученіемъ мѣстныхъ отраслей заводской промышленности и печатаніемъ ихъ письменныхъ работъ и наблюденій въ редактируемыхъ имъ вышеупомянутыхъ „запискахъ“, но поддавались на это лишь немногіе, придерживаясь, должно быть, поговорки „лѣнь прежде насъ родилась“. Впрочемъ, можетъ быть, уже нѣсколько растративъ свою энергію, онъ вовсе не приглашалъ нашъ курсъ ни на осмотры заводовъ, ни на какія-либо изслѣдованія, а только показывалъ намъ нѣкоторые продукты и модели орудій производствъ въ технологическомъ кабинетѣ при своей аудиторіи (находившейся въ томъ же корридорѣ, гдѣ была аудиторія Пелля), да въ своей мизерной лабораторіи опыты нѣкоторыхъ простѣйшихъ производствъ. Лабораторія эта помѣщалась въ низенькомъ сараевидномъ зданіи, противъ зданія, отведеннаго подъ химію и физику... Какъ бы то ни было, все-таки химія и технологія больше интересовали камералистовъ, чѣмъ группа наукъ государственныхъ и юридическихъ. Но для практическихъ занятій тѣми двумя науками оказывалось, помимо неудобствъ помѣщеній, препятствіе еще въ томъ, что студенты должны были платить за матеріалы и порчу посуды, что бѣдныхъ совсѣмъ отпугивало, да и состоятельнымъ не очень было по душѣ, такъ какъ деньги, получаемыя изъ дому для этой цѣли, охотнѣе расходовались на что-нибудь хотя менѣе полезное, но болѣе пріятное [1]).

По своему добродушію, участливому вниманію къ интересамъ молодежи, по желанію быть ей полезнымъ, Киттары былъ прямо идеальнымъ человѣкомъ [2]).

---

[1]) Читающая публика въ свое время съ большимъ интересомъ читала въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1852–53 г.) прекрасное описаніе первой всемірной выставки, бывшей въ Лондонѣ въ 1851 г., подписанное Ктрр.

[2]) Въ студенческой пѣснѣ имѣется о немъ такой отзывъ:

Модесту Киттары
Общая любовь!

Изъ Казани Киттары перешелъ въ 1857 г. въ Московскій университетъ, потомъ былъ, кажется, директоромъ Московской Практической Коммерческой Академіи; а впослѣдствіи предсѣдателемъ ученаго комитета интендантскаго вѣдомства. Окончательно оставивъ профессуру въ 1879 г., онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1880 г.

Г. Скальковскій въ своихъ воспоминаніяхъ „по морю житейскому“ („Новое Время“ 12 іюля 1905, № 10.595) называетъ Киттары „ловкимъ и юркимъ человѣкомъ“. Такая характеристика, мнѣ кажется, обидна для памяти Модеста Яковлевича: онъ жилъ интересами русской промышленности, печаловался ея печалями, сокрушался о ея косности и—конечно могъ принести много пользы интендантству, если только мнѣнія и совѣты его были принимаемы въ уваженіе... Если же съ теченіемъ времени, убѣдившись, что у насъ идти напрямки невозможно, онъ сталъ приноравливаться къ людямъ и обстоятельствамъ для проведенія своихъ идей, то это были „юркость и ловкость“, вполнѣ объяснимыя положеніемъ дѣлъ и потому извинительныя [1]).

Дополнительными или побочными предметами были для камералистовъ, какъ выше сказано, гражданское и уголовное право и судопроизводство.

Гражданское право читалъ С. В. Пахманъ. Небольшая характеристика его преподаванія и его личности приведена мною выше. Прибавлю, что студенты очень любили его, не только какъ хорошаго профессора, но и какъ человѣка очень отзывчиваго. Къ обоимъ предметамъ этимъ однако наши камералисты относились, какъ и те-

---

[1]) Прибавлю еще, что косвенно я обязанъ ему моимъ выступленіемъ на литературное поприще: въ своихъ замѣткахъ о промышленной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1861 г., онъ, упомянувъ въ одной изъ газетъ, съ похвалой о журналѣ «Промышленность», издававшемся тогда Струбинскимъ, высказалъ сожалѣніе, что журналъ этотъ имѣетъ мало сотрудниковъ. Это навело меня на мысль предложить свои услуги редактору «Промышленности» Узловскому. Въ этомъ журналѣ и было напечатано въ 1862—63 г. нѣсколько моихъ статеекъ—выдержекъ изъ иностранныхъ брошюръ и журналовъ, отчетъ о Лейпцигской ярмаркѣ 1863 г. (корреспонденція изъ Лейпцига), нѣкоторыя библіографическія замѣтки и переводъ книги Bastiat-Sophismes économiques.

перь относятся студенты къ предметамъ дополнительнымъ, т. е. спустя рукава; тройки-де вполнѣ достаточно. Хотя экзаменовалъ онъ довольно серьезно; но единицами и двойками угощалъ неохотно, кажется, даже и юристовъ, у которыхъ гражданское право было, разумѣется, предметомъ главнымъ. А съ камералиста, если онъ могъ отвѣтить хотя по „Рождественскому", чего же больше и спрашивать!

Прощаясь съ Семеномъ Викентьевичемъ весною 1857 года (онъ исправлялъ тогда должность инспектора, какъ выше сказано), я, конечно, не предчувствовалъ, что со временемъ встрѣчусь съ нимъ уже въ качествѣ коллеги-профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пригласившемъ его въ 1866 году занять каѳедру гражданскаго права, послѣ того, какъ онъ съ 1859 г. занималъ въ Харьковскомъ университетѣ сперва каѳедру полицейскаго права, потомъ гражданскаго. Въ Петербургѣ онъ 10 лѣтъ преподавалъ свой любимый предметъ, неся нѣсколько лѣтъ и обязанности декана; но вынужденъ былъ покинуть университетъ вслѣдствіе образовавшейся противъ него коалиціи въ Факультетѣ и Совѣтѣ. Опустимъ завѣсу на это прискорбное для университета и въ частности для его юридическаго факультета обстоятельство, лишившее факультетъ такой крупной научной силы. Обстоятельство это не помѣшало однако факультету въ скоромъ времени увѣнчать шеститысячной преміей въ память Сперанскаго его капитальный трудъ „Обычное гражданское право въ Россіи" (1877—1879), преміей, великодушно пожертвованной г. Пахманомъ на учрежденіе стипендіи для студентовъ университета, не пожелавшаго сохранить его въ средѣ [1]).

Съ уходомъ изъ университета С. В. однако не совсѣмъ покинулъ преподавательскую дѣятельность и состоитъ донынѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ (81 г.) въ числѣ профессоровъ Училища Правовѣдѣнія, а званіе сенатора (съ 1882 г.) открыло ему обширное поприще для приложенія его глубокихъ познаній и искусства разбираться въ сложныхъ вопросахъ гражданскаго права.

Въ настоящее время С. В. Пахманъ единственный, остающійся въ живыхъ изъ числа профессоровъ-юристовъ, современныхъ моему штудированію въ Казанскомъ университетѣ (1853—57 гг.). Изъ прочихъ тогдашнихъ профессоровъ оставался въ живыхъ до 1907 г.

---

[1]) Утѣшеніемъ было ему избраніе его въ почетные члены университетами Новороссійскимъ, Казанскимъ, Харьковскимъ, Кіевскимъ и, наконецъ, уже и Петербургскимъ.

еще милѣйшій „котъ Мурлыка“, Николай Петровичъ Вагнеръ, сослуживецъ мой по Петербургскому университету съ 1871 г.; но слушателемъ его въ Казани я не былъ, такъ какъ началъ онъ читать камералистамъ на первомъ курсѣ, когда я былъ уже на второмъ.

Изъ скончавшихся уже современниковъ моихъ—профессоровъ Казанскаго университета сослуживцами моими въ Петербургскомъ были, сверхъ С. В. Пахмана, А. М. Бутлеровъ (съ 1868 г.) и восточники, перешедшіе въ Петербургъ еще въ 1855 г. въ преобразованный факультетъ восточныхъ языковъ. На юридическомъ факультетѣ я засталъ изъ бывшихъ казанскихъ профессоровъ И. Я. Горлова, А. И. Вицына и А. М. Чебышева-Дмитріева [1]).

---

[1]) Отмѣчу кстати, что за профессуру въ Казанскомъ университетѣ, пожалуй, больше, чѣмъ за преподавательство въ другихъ провинціальныхъ университетахъ, ученые наши, повидимому, берутся только за неимѣніемъ свободныхъ каѳедръ въ столицахъ, т. е. смотрятъ на Казань и вообще провинцію, какъ на кратковременную станцію на пути въ Петербургъ или Москву, при чемъ больше стремятся въ нашу Невскую столицу.

Такъ напр., начиная съ конца 40-хъ годовъ перешли въ Петербургскій университетъ: И. Я. Горловъ (1847 г.), Н. М. Благовѣщенскій (1852 г.), Л. И. Мейеръ (1855 г.), Ф. В. Овсянниковъ (1862), А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ (1864 г.), С. В. Пахманъ (1866 г. перейдя сначала въ Харьковъ 1859), А. М. Бутлеровъ (1868 г.), В. И. Модестовъ (1878 уже изъ Кіева), Н. П. Вагнеръ (1871 г.), П. Ф. Лесгафтъ (1878 г. въ Военно-Медицинскую Академію, 1886 г. въ университетъ), А. С. Догель (1889 г.), А. О. Ковалевскій (1891 г. послѣ перехода изъ Казани въ Одессу 1870 г.; а оттуда 1890 г. академикомъ въ Академію наукъ), И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (1900 г.), Э. Д. Гриммъ (1901 г.), Д. В. Айналовъ (1903 г.). И только, кажется, одинъ профессоръ А. М. Фортунатовъ перешелъ изъ Петербургскаго университета въ Казанскій (1891 г.).

Нѣкоторые только перешли въ Военно-Медицинскую академію: Н. Н. Зининъ (1848 г.), К. Ѳ. Славянскій (1877 г.), В. В. Пашутинъ (1879 г.), В. М. Бехтеревъ (1893 г.), а Н. Н. Феноменовъ перешелъ въ Женскій Медицинскій Институтъ (1899 г.).

Были избраны Совѣтомъ Казанскаго университета, но не пожелали отправиться или по независящимъ причинамъ не поѣхали въ Казань: Н. И. Костомаровъ, А. В. Лохвицкій, А. Н. Пыпинъ, А. В. Совѣтовъ, В. Д. Спасовичъ. По окончаніи службы въ Казани перешли въ нашъ университетъ приватъ-доцентами: И. М. Гвоздевъ, вскорѣ умершій (1896 г.), и Н. А. Кремлевъ (1891 г.).

Профессора-восточники перешли въ Петербургъ обязательно съ переводомъ сюда разряда восточной словесности въ 1855 г.: И. Н. Березинъ, В. П. Васильевъ, М. Т. Навроцкій, А. В. Поповъ (въ 1853 г. перешедшій въ Петербургъ въ М-во Гос. Имуществъ, съ 1885 г. профессоръ Петербургскаго университета), Н. Д. Сонинъ. А. Мирза Казем-Бекъ перешелъ въ Петербургскій университетъ еще въ 1849 г.

Желающимъ ознакомиться съ дѣятельностью и біографіями профессо-

Второй побочный предметъ, уголовное право и полицейскіе законы читалъ профессоръ Густавъ Львовичъ Фогель.

Это былъ добрый старикъ (или по крайней мѣрѣ казавшійся старикомъ, хотя въ мое время ему было лѣтъ 50 только), сынъ Казанскаго же профессора (фармаціи), оригинальный типъ нѣмецкаго профессора. По-русски выражался онъ не особенно удачно; даже изученіе Русской Правды, о которой имъ написана особая монографія, не помогло ему усвоить себѣ вполнѣ русскую рѣчь. Лекціи онъ читалъ какъ-то параспѣвъ; добросовѣстно старался быть понятнымъ читателямъ, которые впрочемъ больше обращали вниманія на неправильность его выраженій или неудачно приводимые примѣры, чѣмъ на самый предметъ преподаванія, больше издѣвались надъ нимъ, чѣмъ поучались. Одну изъ лекцій онъ ежегодно начиналъ фразою: „съ тѣхъ поръ какъ Астрея оставила землю, люди потеряли другъ къ другу довѣренность“... Фраза эта была, кажется, вступленіемъ къ ученію о письменномъ доказательствахъ или т. п. Кто-то выцарапалъ ее крупными буквами на слоѣ черной краски, покрывавшей желѣзную доску парты, и каждое новое поколѣніе студентовъ уже заранѣе знало, такимъ образомъ, что въ свое время услышатъ эту фразу изъ устъ профессора [1]).

Какъ къ предмету для камералистовъ второстепенному, они относились къ уголовному праву еще равнодушнѣе, чѣмъ къ гражданскому, лишь бы о чемъ-нибудь поговорить на экзаменѣ, благо Фогель былъ не требователенъ, да повидимому и не очень схватывалъ быструю болтовню. Да и право-то уголовное состояло тогда не столько въ изученіи какихъ-нибудь тамъ теорій преступности, условнаго осужденія или права наказанія и т. п. премудростей, такъ усердно разрабатываемыхъ нынѣшними криминалистами, сколько въ томъ, какое количество ударовъ розгами или плетьми слѣдуетъ всыпать виновному за то или другое преступное дѣяніе и на сколько лѣтъ сослать въ каторгу или на поселеніе, съ клейменіемъ или безъ онаго и т. д.... Развивалъ, правда, Фогель передъ

ровъ Казанскаго университета рекомендую прекрасный трудъ проф. Загоскина: «За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета». Казань. 1904.

[1]) Желѣзныя доски на партахъ были вѣроятно придуманы начальствомъ для устраненія обычной порчи деревянныхъ досокъ партъ рѣзьбою перочиннымъ ножомъ. Студенческая практика показала, что воспроизводить надписи и изображенія на слоѣ черной краски даже удобнѣе, чѣмъ вырѣзывать ихъ на деревѣ.

нами идею суда присяжныхъ, указывалъ на хорошія стороны выясненія виновности этимъ способомъ, но слова его объ этомъ были только pium desiderium: о судебной реформѣ рѣчи еще не было; о ней позволялось, да и то едва-ли очень, только мечтать исподтишка. Фогель оставался на каеедрѣ до 1859 года, когда его смѣнилъ сперва Н. А. Кремлевъ, а потомъ А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ [1]).

Вотъ и весь кругъ наукъ, предлагавшихся камералистамъ въ Казанскомъ университетѣ. Изъ представленнаго мною ихъ обзора читатель видитъ, что камералисты не очень были обременены количествомъ предметовъ; при разнообразіи же этихъ послѣднихъ вниманіе учащихся менѣе утомлялось, чѣмъ утомляется науками однороднаго характера. Послѣ лекціи о какихъ-нибудь „законахъ“ очень пріятно было освѣжить мозгъ лекціей химіи, технологіи, ботаники, даже сельскаго хозяйства,—предметовъ, напоминавшихъ намъ о существованіи внѣшней природы, съ ея „законами“ и явленіями, конечно, болѣе интересными, чѣмъ законы и явленія юридическаго міра. И это—несмотря на то, что и главные юридическіе предметы камеральнаго разряда—государственное право, финансовое, полицейское — больше были способны привлекать вниманіе, чѣмъ чисто-юридическіе съ ихъ сухой догматикой... И, право, чувствовали мы себя очень хорошо въ этомъ смѣшеніи наукъ, казавшемся страннымъ со стороны, хотя существуетъ же оно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Varietas delectat, говоритъ латинская поговорка; не поэтому ли и казалось молодежи камеральное отдѣленіе очень легкимъ?

Однако это впечатлѣніе легкости, собственно говоря, существовало только для тѣхъ изъ студентовъ, которые имѣли цѣлью не изученіе предлагаемыхъ наукъ, а только—какъ-нибудь проскользнуть черезъ университетъ для полученія „правъ“. Но кто желалъ дѣйствительно заниматься и усваивать себѣ науку, тому дѣла было

---

[1]) У Фогеля былъ сынъ студентъ, не то озорникъ, не то не вполнѣ нормальный человѣкъ, впрочемъ добрый малый. Ходило не мало разсказовъ о его похожденіяхъ; разсказывали, между прочимъ, что, влюбившись въ губернаторшу, Анну Давыдовну Баратынскую (женщину уже не первой молодости, но все еще красавицу, къ которой относится извѣстный мадригалъ Пушкина «Когда-то, помню съ умиленьемъ, я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ, Вы разцвѣли» и т. д.), онъ какъ-то проникъ въ губернаторскій дворецъ и оказался въ спальнѣ губернаторши, подъ ея кроватью. Студентомъ онъ былъ что-то очень долго, благодаря ходатайствамъ отца и все-таки курса, кажется, такъ и не кончилъ. Впослѣдствіи я видалъ его въ Петербургѣ, приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ извѣстнаго Мавриkія Вольфа.

вдоволь: сколько труда и времени долженъ былъ употребить добросовѣстный студентъ, напримѣръ, для проштудированія огромнаго курса финансоваго права, таковаго же полицейскаго, или курса химіи съ массой ея дикихъ многоэтажныхъ терминовъ, или—технологіи—требующей основательнаго знакомства съ химіей и тоже достаточнаго вниманія, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи... Надъ всѣмъ же этимъ царила, въ качествѣ объединительницы, глубоко-интересная наука, столь увлекательная для молодежи.—Политическая Экономія, хотя и читавшаяся намъ „по утвержденной программѣ", по доступная для желающихъ и внѣ предѣловъ этой программы, благо профессоръ Бабстъ не скупился на указанія и рекомендацію литературы и охотно дѣлился съ слушателями своими знаніями и помимо лекціонныхъ часовъ, снабжая и книгами изъ своей библіотеки.

Касаясь общей характеристики занятій студентовъ нашего времени, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, едва-ли я ошибусь, если скажу, что большинство, какъ впрочемъ и теперь, больше имѣло въ виду полученіе „правъ", даваемыхъ дипломами кандидата и дѣйствительнаго студента (коимъ нынѣ соотвѣтствуютъ дипломы 1-й и 2-й степени), чѣмъ дѣйствительное обогащеніе себя знаніями, въ предѣлахъ возможности предлагаемыми университетомъ. Словомъ—дипломъ, какъ былъ, такъ и останется главнымъ побужденіемъ, влекущимъ нашу молодежь въ университеты!

Мудрое правило „non scholae, sed vitae studendum est" было и остается для большинства этой молодежи, увы, пустымъ звукомъ. Получены „права", можно съ спокойной совѣстью забыть все, чему учились, какъ это стараются дѣлать иные гимназисты, спѣша сжечь свои учебники по сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ.

Что касается до учебныхъ пособій и вообще обстановки занятій въ Казанскомъ университетѣ въ то время, то, какъ выше я замѣтилъ уже, она была далеко не блистательна. Библіотека была, правда, кажется, довольно богата книгами по тогдашнему состоянію наукъ; и профессора не отказывались дѣлиться со студентами своими книгами; но вѣдь средства ихъ, да и библіотеки были куда какъ не обильны. Для практическихъ же занятій лабораторіи были тѣсны, не богаты обстановкой, кабинеты—тоже; инструментовъ и снарядовъ было мало; такъ что студентамъ въ опытныхъ наукахъ больше приходилось, пожалуй, производить практическія работы въ умѣ, т. е. прочитывая учебники и записки представлять себѣ, что и какъ должно совершаться, припоминая при томъ опыты, показанные профессорами. Но и учебниковъ было мало: выбирать

было почти не изъ чего; приходилось довольствоваться тѣмъ, что находили въ библіотекѣ, да у университетскаго книгопродавца Дубровина. По нѣкоторымъ предметамъ и вовсе не было учебниковъ на русскомъ языкѣ, достаточно подходившихъ къ содержанію и объему профессорскихъ курсовъ, построенныхъ большею частію подъ вліяніемъ европейской учености. Но, по слабому знанію иностранныхъ языковъ, эта европейская ученость была для большинства студентовъ книгой за семью печатями.

Такимъ образомъ, даже и лѣнтяямъ, volens-nolens, все-таки приходилось, по временамъ, посѣщать лекціи, чтобы хоть кое-какъ слѣдить за чтеніями профессоровъ и имѣть понятіе, о чемъ они могутъ спросить. Записывали лекціи, конечно, только студенты болѣе усердные; большая же часть довольствовалась записками предшественниковъ, когда-то кое-какъ составленными и невсегда провѣренными профессорами. Когда наступало горячее время приготовленія къ экзаменамъ, записки эти, по частямъ, тетрадками (рѣдко было ихъ 2—3 полныхъ экземпляра на весь курсъ) передавались изъ рукъ въ руки или читались по кучкамъ студентовъ, гдѣ читали по очереди, другъ друга спрашивая и поправляя. Не знаю, насколько вообще полезенъ такой способъ приготовленія къ экзаменамъ; но въ наше время результаты этой совмѣстной работы были не особенно плодотворны, особенно, когда вниманіе слушающихъ подкрѣплялось, сверхъ чаю, еще выпивкой и закуской или хотя бы и чаемъ, но съ прибавкой рому или кизлярки и т. п. Впрочемъ, и безъ помощи этого допинга продолжительное слушаніе быстраго и не всегда внятнаго чтенія, конечно, наводило дремоту и сонъ. Я готовился обыкновенно съ товарищемъ, который великодушно бралъ на себя трудъ чтенія вслухъ, при чемъ я слушалъ лежа на кровати и, конечно, дремалъ и даже засыпалъ иногда, просыпаясь, когда онъ окликнетъ и потребуетъ повторить имъ прочитанное, что рѣдко оказывалось для меня возможнымъ. Надо замѣтить, что занятія эти происходили обыкновенно по ночамъ, ради полной тишины и отсутствія сторонней помѣхи. Кончивъ чтеніе, товарищъ, начиненный прочитаннымъ, ложился спать и засыпалъ сномъ невинности; а я принимался за чтеніе недослышаннаго или заспаннаго, читалъ, конечно, уже не вслухъ. Къ подкрѣпленію силъ и вниманія какимъ-либо „допингомъ“, ни даже чаемъ, мы не прибѣгали; это не препятствовало намъ, выспавшись въ остальные 2—3 часа ночи, приходить на экзамены съ неотуманенной головой и свѣжею памятью.

При маломъ тогда количествѣ студентовъ пользованіе записками, (имѣвшимися по нѣк. предметамъ чуть-ли не въ одномъ единствен-

номъ полномъ экземплярѣ) путемъ ихъ дѣленія на части, съ передачею изъ рукъ въ руки, было, конечно, незатруднительно, тѣмъ болѣе, что Казань городъ не очень большой и бѣгать товарищамъ другъ къ другу приходилось недалеко. Насъ, камералистовъ, было на курсѣ, кажется, около 15 человѣкъ, юристовъ едва-ли больше.

Я былъ усерднымъ записывателемъ лекцій тѣхъ предметовъ, для которыхъ не было печатныхъ руководствъ или по которымъ имѣвшіяся записки были неполны. Помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ товарищей и, такимъ образомъ, у насъ составились полные курсы полицейскаго и финансоваго права. Послѣдній, весьма подробный, остался, къ сожалѣнію, въ Казани на пользу позднѣйшихъ слушателей профессора Осокина. Курсъ органической химіи профессора Бутлерова былъ мною записанъ почти буквально съ его словъ, также какъ и курсъ статистики и ученія о кредитѣ профессора Бабста.

Такъ какъ мы, русскіе профессора лекцій своихъ не диктуемъ, подобно нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, то записывающимъ наши лекціи приходится стараться схватывать „суть“ сообщаемаго, опуская отступленія несущественныя и нѣк. подробности. У меня выработался навыкъ писать очень быстро, такъ что иногда я записывалъ лекціи почти дословно. Навыкъ этотъ пригодился мнѣ впослѣдствіи, когда я слушалъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ: я успѣвалъ записывать интересовавшія меня лекціи прямо по-русски, не говоря уже о лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которые ихъ диктовали, какъ это, кажется, и доселѣ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ.

И какъ же мы, казанцы, завидовали студентамъ столичныхъ университетовъ, издавна набалованнымъ существованіемъ литографированныхъ записокъ. Особенно зависть эта разгоралась, когда приходилось корпѣть надъ чтеніемъ отвратительно написанныхъ и прескверно составленныхъ записокъ. Тѣмъ не менѣе зависть эта была, пожалуй, и не совсѣмъ основательна: записывая и обработывая лекцію, особенно, если она предназначается на просмотръ профессора, студентъ относится внимательнѣе къ дѣлу, стараясь не ударить лицомъ въ грязь, пополняетъ пропуски, справляясь въ книгахъ по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ, кто поусерднѣе, тотъ незамѣтно усваиваетъ себѣ хотя общія черты предмета. Впрочемъ, въ Казани очень немногіе профессора брались просматривать студенческія записки; немного было между нами и настоящихъ studiosus'овъ litterarum, усердныхъ посѣтителей лекцій, считавшихъ предосудительнымъ не ходить на лекціи, не ради существовавшаго

тогда принужденія, а въ сознаніи своего студенческаго долга. Другіе ходили „изъ-подъ палки“; ибо посѣщеніе лекцій было до того обязательно, что въ случаѣ нездоровья, не позволяющаго нѣсколько дней выходить изъ квартиры, требовалось посылать рапортъ инспектору; за дѣйствительностью этихъ болѣзненныхъ состояній инспекція, впрочемъ, неособенно наблюдала; однако за присутствіемъ на лекціяхъ слѣдили и дѣлали замѣчанія за пропуски. Впослѣдствіи обязательность посѣщенія лекцій, по крайней мѣрѣ въ нашемъ Петербургскомъ университетѣ, стала чисто-номинальною, благо въ правилахъ для студентовъ сказано, что оное обязательно, а мѣръ противъ нарушенія этого требованія никакихъ не указано. Опытъ же контроля посредствомъ наблюденія за полнотою вѣшалокъ привелъ только къ тому, что гг. студенты стали платить оброкъ, такъ называемому „шинельному“, чтобы онъ вѣшалъ на ихъ нумера запасные экземпляры фуражекъ, свидѣтельствующіе ихъ нахожденіе въ стѣнахъ университета, тогда какъ они находятся, напр., у Доминика или въ другомъ подобномъ, гостепріимномъ убѣжищѣ.

Число лѣнивыхъ посѣтителей университета, а то вовсе почти незаглядывающихъ въ него, какъ убѣдился я въ теченіе моей долговременной службы университету, увеличивалось болѣе и болѣе съ размноженіемъ литографированныхъ курсовъ и по мѣрѣ того, какъ курсъ каждаго новаго профессора пріобрѣталъ извѣстную устойчивость. Имѣя въ рукахъ записки, большинство студентовъ считало слушаніе устной рѣчи преподавателя уже излишнимъ, хотя бы онъ сообщалъ и нѣчто новое, чего въ запискахъ нѣтъ; вѣдь на экзаменѣ можно какъ-нибудь обойтись и безъ этихъ дополненій. Съ появленіемъ же печатныхъ учебниковъ (за отсутствіе которыхъ такъ много упрековъ сыпалось съ разныхъ сторонъ на нашу ученую братію), студенты стали еще рѣже появляться въ аудиторіяхъ, болѣе и болѣе уподобляясь своему товарищу г. Гегидзе, автору книжки „Въ университетѣ“, „съ отвращеніемъ“ подходившему къ длинному зданію нашего Петербургскаго университета и предпочитавшему наукѣ амурныя дѣла, описанію которыхъ не мало горячихъ страницъ удѣляетъ онъ въ своей талантливо-написанной книжкѣ.

Чтобъ привлечь теперь студента въ аудиторію, нужно или выбирать для лекцій самыя забористыя темы, обладая при томъ хорошимъ лекторскимъ талантомъ, или въ самомъ себѣ, въ своемъ прошломъ или настоящемъ имѣть что-либо политическое—привлекательное. Но, къ сожалѣнію, не всѣ науки имѣютъ пикантныя стороны, не всякій профессоръ обладаетъ качествомъ хорошаго лек-

тора, прекраснымъ органомъ и даромъ увлекательнаго изложенія; да и не всякій рѣшится, на потѣху аудиторіи, услащать свою рѣчь хлесткими фразами или подольше останавливаться на скользкихъ сторонахъ своего предмета, если онѣ имѣются,—ради привлеченія слушателей. И немногіе, наконецъ, изъ профессоровъ окружены какимъ-нибудь ореоломъ, помимо своей учености, которая не очень-то цѣнится политиканствующею молодежью.

Возвращаясь къ вопросу объ учебникахъ, нельзя не отмѣтить, что изданіе ихъ имѣетъ, конечно, ту хорошую сторону, что ими, во-первыхъ, устранилась чепуха, нерѣдко царившая, какъ въ рукописныхъ, такъ и въ литографированныхъ запискахъ, кое-какъ составленныхъ и не всегда внимательно просмотрѣнныхъ, а то и вовсе не просмотрѣнныхъ профессорами; во-вторыхъ, прекратилась спекуляція издательства литографированныхъ курсовъ, дававшая хорошіе барыши издателямъ-студентамъ. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ Петербургскомъ, на юридическомъ факультетѣ въ 1870—80 хъ гг. одинъ издатель, бывшій студентъ,—упростилъ свою задачу до того, что просто нанималъ студента—стенографа, а то, кажется, и прямо сажалъ въ аудиторію профессіональнаго стенографа (благо съ 1863 г. форма студенческая была упразднена), который и стенографировалъ по своему крайнему разумѣнію, не различая существеннаго отъ маловажнаго, основоположеній науки отъ поясненій и отступленій, которыми профессоръ старается иногда привлечь вниманіе слушателей и отдалить ихъ утомленіе...

Литографировались лекціи, разумѣется, съ согласія профессоровъ и издавались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ большею частью по подпискѣ. Но вотъ М-во Нар. Просвѣщенія для чего-то потребовало въ 70-хъ гг., помнится, чтобы онѣ продавались, подобно книгамъ, въ книжныхъ лавкахъ. Требованіе въ высокой степени стѣснительное: выпуская печатный курсъ, я беру на себя полную отвѣтственность за его содержаніе, за выдержанность его частей, за слогъ и т. д.; тогда какъ литографированный курсъ, особенно у преподавателя начинающаго, является далеко недостаточно обработаннымъ, недостаточно установившимся, несоразмѣрнымъ въ частяхъ, иногда и прямо съ недосмотрами, при поспѣшномъ просмотрѣ его для изданія—и вдругъ онъ долженъ сдать его книгопродавцу, чтобы любой литературный наѣздникъ—всезнайка имѣлъ бы возможность его обругать! Кого же вѣдь и разносятъ больше въ газетахъ, а особенно въ отдѣлахъ критики въ толстыхъ журналахъ, какъ не университетскихъ преподавателей. Кого, какъ не ихъ стараются уличить въ педантизмѣ, бездарности, отсутствіи науч-

наго чутья, правильныхъ понятій о наукѣ, даже въ плагіатѣ?

Въ настоящее время къ услугамъ студентовъ, особенно по юридическому факультету, имѣется масса учебниковъ; удобства для изученія наукъ огромныя; да и зрѣніе меньше уже страдаетъ, чѣмъ при чтеніи рукописныхъ, литографированныхъ или гектографированныхъ курсовъ, не всегда разборчиво написанныхъ и ясно оттиснутыхъ... Казалось бы, только учись себѣ... А прибавилось ли этимъ знанія у студентовъ, любви къ наукѣ, идущей имъ навстрѣчу, не только съ каѳедры въ формѣ живой бесѣды, но и въ видѣ книги? Многолѣтній опытъ не позволяетъ мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Сколь это ни печально, но опытъ говоритъ, что изъ нѣсколькихъ сотенъ студентовъ на курсѣ дѣйствительно интересуются и занимаются наукой—единицы; а остальные только и работаютъ, что для экзаменовъ, передъ самой ихъ сдачей, для полученія всѣми правдами и неправдами дипломовъ. А затѣмъ поспѣшно начиненная разными науками голова быстро, такъ сказать, атрофируется и остаются въ ней только кое-какіе обрывки знаній, съ которыми удостоенные дипломовъ 1-й и 2-й степени и вступаютъ въ жизнь „обществу на пользу“, какъ гласитъ учебная молитва.

Итакъ, благодаря существованію учебниковъ, трудъ студента теперь облегченъ до послѣдней возможности и посѣщеніе лекцій стало считаться напрасной тратой времени. Ужъ какъ бы, казалось, стипендіаты должны бы относиться съ полнымъ усердіемъ къ наукамъ, хотя бы изъ опасенія лишиться стипендіи въ случаѣ неуспѣшности;—но и между ними появились личности, постоянно живущія гдѣ-нибудь на кондиціяхъ внѣ столицы и получающія свои стипендіи черезъ товарищей. Вообще стоитъ ли, думаютъ многіе изъ студентовъ, терять время на сидѣніе въ аудиторіяхъ, когда можно съ бо́льшимъ удовольствіемъ употребить его, напр., на игру въ винтъ или на билліардѣ, или даже съ прямой пользой—на даваніе уроковъ, на подготовленіе къ университету подобныхъ себѣ господъ или и на другія занятія. Вѣдь есть учебники и—баста [1]). Правда—

---

[1]) А вотъ отзывъ о значеніи учебниковъ даже для среднихъ учебныхъ заведеній,—такого опытнаго педагога, какимъ былъ Е. В. Бѣлявскій: „обыкновенно говорятъ, что учебникъ долженъ только напоминать ученику или служить краткимъ конспектомъ тому, что объяснялъ преподаватель. Но на дѣлѣ бываетъ такъ: если есть учебникъ, то ученики худо слушаютъ преподавателя и мало заботятся о томъ, понимаютъ ли они или нѣтъ то, что онъ говоритъ, разсчитывая, что они подзубрятъ объ этомъ по книжкѣ. Въ

экзаменъ даетъ провѣрку знаній: но при массѣ экзаменующихся и самый внимательный экзаменаторъ, наконецъ, утомляется, и не въ силахъ уже основательно щупать познанія особенно къ концу, въ послѣдніе дни: къ этому-то времени не только трусливые, но и плохо подготовившіеся и оттягиваютъ всѣми неправдами свое появленіе. Тутъ пускаются въ ходъ и медицинскія свидѣтельства, и сообщенія о болѣе или менѣе достовѣрныхъ важныхъ событіяхъ въ семьѣ: о болѣзняхъ родителей, сестеръ и т. п.

Заявленія деканові, что пропустившій свою группу считается не сдавшимъ экзамена, обыкновенно оказываются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Слишкомъ уже велико у насъ стараніе не огорчать молодежь строгимъ соблюденіемъ правилъ. А эта снисходительность много способствуетъ ея распущенности,—къ ея же вреду въ будущемъ.

Можетъ быть, я грѣшу, ошибаюсь подъ вліяніемъ старческой привычки находить, что „въ наше время лучше было“; но, по совѣсти говоря, не помню случая, чтобы напр. кто-нибудь изъ моихъ товарищей вступалъ съ профессоромъ въ споръ о поставленномъ баллѣ или выпрашивалъ бы прибавки.

Давъ краткія характеристики профессоровъ, читавшихъ на нашемъ камеральномъ отдѣленіи, не могу распространяться о тѣхъ, которыхъ мнѣ вовсе не пришлось слушать. Скажу лишь съ чужихъ словъ о нѣкоторыхъ, оставившихъ по себѣ хорошую или худую память въ университетѣ своими странностями или своими профессорскими качествами.

Странно и жаль, что нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета описываемой мною эпохи 50—60 годовъ, въ напечатанныхъ ими воспоминаніяхъ припомнили больше только слабыя и дурныя стороны тогдашней университетской жизни и про-

---

этомъ и причина того, что ученики учатся, учатся и не выносятъ изъ преподаванія ничего живого, ничего освѣжающаго и бодрящаго умственныя силы... Если нуженъ учебникъ, то развѣ только къ экзамену, когда предметъ дѣйствительно усвоенъ“... (Педагогическія воспоминанія 1861—1902. Спб. 1904).

Наши студенты, къ сожалѣнію, принимаются за учебники передъ самыми экзаменами, не постаравшись предварительно *усвоить* себѣ знакомство съ предметами посредствомъ посѣщенія лекцій.

фессоровъ, забывъ, что, какъ бы то ни было, университетъ и его преподаватели,—пусть даже плохи были нѣкоторые изъ нихъ—сдѣлали ихъ тѣмъ, что они есть. Плохи были осмѣиваемые ими профессора; но не могутъ же эти господа не сознавать, что и эти слабые преподаватели небезучастны были въ ихъ развитіи. хотя бы даже отрицательными своими сторонами—порождая критику, а критика есть уже стимулъ къ познанію... Міръ и, въ частности, наша Русь не кишитъ геніями и талантами; а потому и нѣтъ возможности подбирать въ университеты штатъ исключительно изъ выдающихся ученыхъ. Если профессоръ и не блещетъ научными открытіями, массою печатныхъ работъ, даромъ слова, способностью увлекать слушателей,—но знаетъ свой предметъ, не отстаетъ отъ науки, добросовѣстно знакомитъ слушателей съ ея состояніемъ въ данное время, даже—просто даетъ имъ толчекъ въ самодѣятельности; то неразумно съ ихъ стороны не довольствоваться тѣмъ, что имъ предлагается. Это можно сказать и о тѣхъ старыхъ казанскихъ профессорахъ, которые подвергались осмѣянію: они дѣлали свое дѣло по крайнему разумѣнію, стараясь принести пользу молодежи и, въ извѣстной степени, ее все-таки приносили.

Ораторскій талантъ, умѣнье красиво и завлекательно излагать,—это уже дѣло второстепенное. Выдающіеся профессора, обладающіе всѣми качествами, требуемыми отъ первостепеннаго преподавателя—всѣ наперечетъ даже въ такомъ разсадникѣ учености и талантовъ, какъ Германія. Мастерски, на первый взглядъ, читаютъ лекціи французскіе профессора; но у нихъ нерѣдко за пышными фразами и ораторскими пріемами скрываются самыя обыденныя и скудныя мысли. Несравненно солиднѣе преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ; но и здѣсь профессора, обладающіе всѣми требуемыми качествами, встрѣчаются не такъ чтобы уже сплошь и рядомъ. Но нѣмецкій студентъ, при множествѣ университетовъ, близости разстояній между ними и отсутствіи стѣснительныхъ формальностей, можетъ свободно кочевать изъ одного университета въ другой, чтобъ прослушать курсъ у той или другой знаменитости; но и тамъ дѣлаютъ это, вѣроятно, не очень многіе. У насъ, при нашихъ порядкахъ и разстояніяхъ и при почти огульной бѣдности студенчества, эти перебѣжки были бы очень затруднительны: да если бы и не было затрудненій, то, по многолѣтнему моему опыту, скажу, едва-ли бы многіе отъ нашихъ студентовъ проявили такое рвеніе къ наукѣ, что поѣхали бы въ другой университетъ послушать какую-либо знаменитость,—потому уже, что большинство поступаетъ въ университеты не для науки, а для полученія правъ, даваемыхъ университетскимъ дипломомъ.

Если у насъ и есть „любители науки", остающіеся въ университетахъ долѣе узаконныхъ (четырехъ) лѣтъ, какъ это бываетъ въ нѣмецкихъ университетахъ, то остаются они не науки ради, а вслѣдствіе лѣности, приводящей къ неудачамъ на экзаменахъ и къ сидѣнію многіе годы.

О казанскихъ профессорахъ моего времени, не моего факультета, могу сказать лишь очень немногое.

Многимъ изъ читающей публики напримѣръ, вѣроятно извѣстна изъ отзывовъ бывшихъ казанцевъ личность профессора Римскаго, а потомъ международнаго права и дипломаціи—Камбека, достаточно осмѣянная въ разныхъ воспоминаніяхъ его учениковъ... Я на его лекціяхъ не бывалъ и потому не могу сказать по личному опыту, такъ ли плохо онъ читалъ, какъ о немъ шла молва, и такъ ли мало зналъ русскій языкъ. Слышалъ отъ товарищей юристовъ, что римское право онъ читалъ по курсу профессора Станиславскаго со всѣми сокращеніями рукописи, напр. краго вм. котораго и пр. По запискамъ Станиславскаго и отвѣчали ему на экзаменѣ [1]).

---

[1]) Отъ старыхъ студентовъ привелось слышать, что еще оригинальнѣе былъ профессоръ Политической Экономіи и Дипломатики—Винтеръ, состоявшій профессоромъ въ 1834—47 годахъ. По-русски онъ вовсе не зналъ, а читалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, при чемъ одному изъ студентовъ поручалъ переводить его рѣчь товарищамъ на русскій языкъ. Первыя его лекціи при началѣ курса обыкновенно настолько смѣшили слушателей, что для удержанія ихъ въ предѣлахъ приличія у аудиторіи Винтера дежурилъ инспекторъ съ помощникомъ. На репетиціяхъ, которыя онъ очень любилъ дѣлать, студенты болтали ему всякій вздоръ по-русски, при чемъ онъ только наблюдалъ, чтобы отвѣчающій не останавливался. Однажды студентъ Н. П. Смирновъ (недавно скончавшійся сенаторъ—пишу съ его словъ) съ товарищемъ приготовили для отвѣта на репетиціи—первый стихотвореніе: «стрекощущу кузнецу, во злакѣ сельномъ сущу» и т. д., а товарищъ—стихи изъ какой-то пьесы и отвѣтили очень бойко, безъ запинки. Винтеръ пришелъ въ восторгъ, сошелъ съ каѳедры и, ударивъ рукой по первой партѣ, сказалъ: „хороши студентъ здѣсь», давая знакъ имъ пересѣсть сюда. Запинавшимся при отвѣтахъ и нежелавшимъ молоть вздоръ онъ рѣшительно ставилъ нули. Подобные же разсказы слышалъ я и отъ другого казанца тѣхъ временъ, А. Н. Лещева (впослѣдствіи долгое время бывшаго губернаторомъ Кѣлецкой губерніи).

О профессорѣ греческой словесности Мистаки (1823—1839 г.) въ мое время разсказывали, какъ о большомъ чудакѣ и очень скуномъ человѣкѣ; что, будто обзаведясь собственнымъ домикомъ, онъ, чтобы не расходоваться на содержаніе собаки, выходилъ по ночамъ на дворъ и лаялъ по-собачьи, чтобы пугать воровъ. Богатства однако онъ не нажилъ, такъ какъ унаслѣдованный послѣ него университетомъ, какъ выморочное имущество, капиталъ оказался всего въ 60 рублей.

Международное право Камбекъ читалъ, кажется, по-французски. Въ числѣ ходившихъ о немъ анекдотовъ не попалъ, кажется, въ печать разсказъ о томъ, какъ онъ, наткнувшись на фонарный столбъ, сказалъ ему „pardon, monsieur“ и продолжалъ путь. Надъ этимъ случаемъ (если онъ дѣйствительно былъ) смѣялись, но напрасно: будучи кривъ на одинъ глазъ, К. могъ и не разглядѣть, что передъ нимъ столбъ, а не человѣкъ.

Къ сожалѣнію, ничего не могу сказать о профессорѣ—совершенно противоположнаго типа—знаменитомъ Д. И. Мейерѣ. Знаю, что товарищи студенты юридическаго отдѣленія имъ восхищались; но побывать на его лекціяхъ мнѣ не привелось: во 1-хъ, потому, что инспекція довольно зорко наблюдала, чтобы ходили на свои лекціи, а во 2-хъ, было опасеніе, что Мейеръ, замѣтивъ на лекціи „чужака“, пожалуй, попросилъ бы къ выходу, какъ строгій законникъ. Подобное случилось разъ на лекціи даже такого благодушнаго профессора, какъ Бабстъ, который прямо предложилъ уйти студенту медику (Хронщевскому, бывшему, кажется, впослѣдствіи профессоромъ въ Кіевѣ), случайно оставшемуся въ его аудиторіи.

Факультетъ историко-филологическій въ мое время могъ указать въ качествѣ выдающихся ученыхъ и профессоровъ въ особенности В. И. Григоровича, затѣмъ Н. А. Иванова; да, пожалуй, Н. Н. Булича, мнѣнія о которомъ у студентовъ были впрочемъ различныя. Изъ математиковъ славились: П. И. Котельниковъ, А. Ѳ. Поповъ, М. В. Ковальскій (астрономъ), А. С. Савельевъ (физикъ). Между восточниками выдавались особенно И. Н. Березинъ и В. П. Васильевъ—вскорѣ переведенные въ Петербургъ вмѣстѣ съ восточными языками.

На медицинскомъ фокультетѣ были извѣстны: Е. Ф. Аристовъ—своей оригинальной фигурой, глубокимъ знаніемъ своего предмета анатоміи и строгостью требованій на экзаменахъ;—профессоръ хирургіи А. Н. Бекетовъ былъ извѣстенъ не только какъ профессоръ и хирургъ-практикъ, но и какъ свѣтскій кавалеръ, къ которому не всѣ дамы казанскаго большого свѣта были равнодушны, по словамъ, конечно, кумушекъ;—далѣе Ф. О. Елачичъ—какъ хирургъ и врачъ-практикъ;—какъ профессора и практическіе врачи пользовались извѣстностью И. И. Зедергшмедтъ, А. И. Козловъ, И. Г. Линдегренъ.

Съ казанскимъ (высшимъ конечно) обществомъ профессора мало, кажется, имѣли соприкосновенія; только нѣкоторые были въ немъ приняты à bras ouverts—какъ А. Н. Бекетовъ, И. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Другіе, кажется, только изрѣдка и случайно попадали въ этотъ кругъ.

Большинство профессоровъ жило своею замкнутою жизнью, мало интересуясь и съ своей стороны мѣстнымъ обществомъ; а тѣ, которые были приняты въ немъ, вѣроятно, не особенно хорошо себя чувствовали. Чтобы вращаться профессору въ обществѣ, надо бы было имѣть болѣе широкія средства, чѣмъ скудное профессорское жалованье. Еще куда ни шло—человѣку холостому; но семейному—ходить въ гости, не имѣя средствъ принимать знакомыхъ у себя—какъ-то уже очень неловко. Такъ что не только по свойственной многимъ ученымъ нѣкоторой застѣнчивости и склонности быть больше съ самими собою или въ своемъ товарищескомъ кругу, но также и по ограниченности содержанія вести сколько-нибудь открытую жизнь не было никакой возможности.

Вотъ, напримѣръ, какіе крупные оклады получали профессора по уставу 1835 г.: ординарный профессоръ 1429 р. 60 к.+142 р. 95 к. квартирныхъ, и того 1572 р. 55 к.; экстраординарный 1000 р. 72 к.+114 р. 80 к. квартирныхъ=1115 р. 52 к.; адъюнктъ—714 р. 80 к.+85 р. 80 к. квартирныхъ=800 р. 60 к.; лекторъ 514 р. 60 к.+85 р. 80 к.=600 р. 40 к. [1]). Все это—не считая еще 2% вычета на составленіе такъ называемаго (въ дѣйствительности однако не существующаго) пенсіоннаго капитала. На такіе капиталы не раскутишься; а если кого Богъ благословилъ порядочной семьей, такъ и ординарному приходилось подъ часъ трудненько жить, несмотря на всю дешевизну тогдашней казанской жизни. Конечно, въ провинціи еще кое-какъ можно было существовать и при этихъ мизерныхъ окладахъ. Но вѣдь, чтобъ достигнуть званія ординарнаго профессора, сопряженнаго съ наивысшимъ содержаніемъ, какое только было доступно ученому мужу, сколько надо было пройти мытарствъ! Предстояло сдать два экзамена—на магистра и на доктора изъ довольно значительнаго по уставу 1835 г. и правиламъ 1846 г. числа предметовъ; написать и защитить двѣ диссертаціи (при чемъ отъ магистерской требовалось „преимущественно историческое знаніе предмета“, а отъ докторской „преимущественно философское“);—затѣмъ быть избраннымъ въ факультетѣ и въ совѣтѣ, если при томъ имѣлась налицо вакантная ординатура; далѣе—быть по душѣ начальству, представляющему избраннаго на утвержденіе министра.

---

[1]) Странныя цифры этихъ окладовъ получились вслѣдствіе слишкомъ точнаго переложенія въ 1843 г. счета ассигнаціями на серебро. Такимъ образомъ 5000 р. ассигнаціями оказались равными 1429 р. 60 к. с., 500 р. асс.=142 р. 95 к. с. и т. д.

Жить въ столицахъ на такія средства, какія давала профессура, было, разумѣется, крайне трудно; просторъ для писательской и публицистической дѣятельности былъ очень невеликъ по ничтожному количеству органовъ періодической печати,—да при томъ, неровенъ часъ, легко было попасть въ подозрѣніе, оказаться неблагонадежнымъ, съ пріятной перспективой удаленія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Неудивительно поэтому, что профессора въ столицахъ старались набирать по нѣсколько должностей, въ погонѣ за необходимыми средствами въ жизни. А нѣкоторые, не могшіе добиться такого совмѣстительства или и помимо его, брали къ себѣ пансіонерами студентовъ со средствами, разныхъ маменькиныхъ сынковъ, и старались, что грѣха таить,—всѣми силами доводить ихъ до благополучнаго окончанія курса. Въ Казани впрочемъ, въ мое время, не практиковалось, кажется, ни то, ни другое: совмѣстительство было невозможно или почти невозможно за отсутствіемъ подходящихъ должностей; а держаніе нахлѣбниковъ, сколько помнится, не было въ ходу. Да, пожалуй, и мало было юношей достаточно богатыхъ, чтобы соблазнять профессоровъ своимъ нахлѣбничествомъ.

В. Лебедевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Учебныя воспоминанія [1]).

Студенческій бытъ.

Въ описываемое мною время студенты Казанскаго университета раздѣлялись на двѣ группы: казеннокошныхъ съ пансіонерами и своекоштныхъ. Первые жили и столовались въ университетѣ. Но да не подумаетъ читатель, что обстановка ихъ имѣла какое-либо подобіе обстановки нынѣшнихъ коллегій и общежитій, въ смыслѣ удобствъ и изящества. „Казенные“ и пансіонеры помѣщались въ комнатахъ 3-го этажа лѣвой половины главнаго университетскаго зданія, выходящихъ окнами во дворъ. Это было нѣчто вродѣ антресолей, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ большихъ низенькихъ комнатъ съ близкими къ полу квадратными окнами, освѣщавшими плохо и неудобно. Въ комнатѣ помѣщалось человѣкъ 8—10. Постоянный говоръ, движеніе, дымъ отъ куренія, игра въ карты порядочно мѣшали желавшимъ заниматься въ этихъ „занимательныхъ“.

Меблировка ихъ тоже не отличалась удобствомъ: она состояла изъ табуретокъ съ кожанными сидѣньями, и изъ столовъ ввидѣ конторокъ. Было, помнится, также по одному на комнату обыкновенному столу; стульевъ не полагалось.

Не часто заглядывавши въ „занимательныя“, не знаю, насколько тамъ соблюдались „правила“, гласившія, что „живущіе въ университетѣ казеннокоштные, стипендіаты, пансіонеры и полупансіонеры

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

обязаны строго соблюдать въ своихъ занятіяхъ распредѣленіе времени, утвержденное инспекторомъ"; „усердно" ли и „ежедневно ли они отправляли утреннія и вечернія молитвы" въ занимательныхъ и съ „должнымъ ли благоговѣніемъ", всегда ли, читали установленныя молитвы передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ", какъ требовалось „правилами". Что же касается до предписываемаго оными соблюденія чистоты и опрятности въ столахъ и некладенія въ нихъ „ничего, кромѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій", то могу сказать, что опрятность и чистота далеко не процвѣтали. Если бы инспекція заглядывала иногда въ эти столы, то, конечно, въ числѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій, находила бы въ нихъ и запрещенные къ употребленію табакъ и „фосфорныя" спички, и булки, и колбасу, и косушки съ крѣпкими напитками... При всей тогдашней строгости инспекція смотрѣла на эти нарушенія правилъ сквозь пальцы, сама вѣроятно сознавая всю нелѣпость требованій, кругомъ обставлявшихъ жизнь студента стѣсненіями,— требованій, точное выполненіе которыхъ вело бы скорѣе къ развитію лицемѣрія и обмановъ, чѣмъ къ насажденію добронравія.

Спартанская обстановка „занимательныхъ" имѣла, должно быть, цѣлію дать, „казеннымъ" въ особенности, понять, что хотя корень ученія горекъ, но плоды его (ввидѣ отслуживанія казнѣ за воспитаніе—куда пошлютъ) сладки, а также—поощрять къ занятіямъ отсутствіемъ удобствъ, располагающихъ къ праздности и дающихъ возможность спать въ теченіе дня, т. е. въ неположенное время. Спальни были этажомъ ниже, въ бель-этажѣ и отпирались, кажется, только около 9 ч. вечера. Но обитатели занимательныхъ, съ ихъ неудобной обстановкой, предвосхитивъ у Дарвина идею приспособляемости, устраивались довольно остроумно въ случаѣ желанія поспать въ незаконное время: и вотъ ставили 3—4 табуретки въ рядъ и— получалось ложе, хотя довольно жесткое и неудобное, но тогдашній козеннокоштникъ не былъ прихотливъ. Вмѣсто подушки подкладывалась какая-нибудь часть одежды, свернутая комкомъ, большею частію – сюртукъ (тужурокъ тогда еще вовсе не знали, а пальто появились только въ концѣ крымской войны),—а то и кучка книгъ, прикрытая чѣмъ-нибудь мягкимъ. На такомъ импровизированномъ ложѣ студентъ отдыхалъ себѣ на славу, пока не вздумаетъ его потревожить своимъ визитомъ кто-либо изъ инспекціи (что случалось впрочемъ не часто), или пока не возвратятся отсутствовавшіе владѣльцы табуретовъ. Кто же хотѣлъ спать съ удобствомъ и законнымъ образомъ, тотъ долженъ былъ выжидать часа открытія дортуаровъ.

Освѣщеніе въ студенческихъ помѣщеніяхъ состояло изъ сальныхъ свѣчей въ мѣдныхъ шандалахъ; керосинъ еще не былъ извѣстенъ, а масляныя лампы были, помнится, только въ корридорахъ. Неособенно удобно было и отдаваніе долговъ природѣ: мѣсто ad hoc, самаго примитивнаго устройства, находилось въ самомъ низу, въ очень невзрачной пристройкѣ и далеко не блистало ни чистотой, ни благорастворенiемъ воздуховъ; о дезинфекціи же, о карболкахъ, лизоляхъ и т. п. тогда еще и понятія, кажется, не имѣлось.

Удобнѣе помѣщались, „казенные", принадлежавшіе къ составу хора пѣвчихъ университетской церкви; комнаты ихъ находились въ нижнемъ этажѣ, — окнами на площадь передъ клиникой. Но и ихъ обстановка была не первый сортъ; жили они тоже по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ; тутъ же и спали, и занимались. По близости ихъ помѣщенія была, кажется, и общая столовая, гдѣ съ казенными обѣдали и ужинали и тѣ бѣдняки изъ своекоштныхъ, которымъ разрѣшалъ всевластный Ланге пользоваться казеннымъ столомъ взамѣнъ денежныхъ пособій.

Своекоштные не изъ мѣстныхъ, имѣвшихъ въ городѣ родныхъ, жили, конечно, на частныхъ квартирахъ, главнымъ образомъ, у хозяекъ, спеціально промышлявшихъ сдачею комнатъ и, большею частію, со столомъ; чай же надо было имѣть свой. Было и нѣчто вродѣ общежитій въ частныхъ домахъ. Таковы были, напр. вышеупомянутые, такъ называемые Акчуринскіе нумера, въ домѣ Акчурина на Воскресенской, иначе „Лавра". Тутъ жизнь шла нараспашку, въ полномъ удовольствіи: студенты жили въ перемежку съ дѣвицами легкаго поведенія, при чемъ платки и накидки сихъ послѣднихъ замѣняли, при случаѣ, ихъ сосѣдямъ халаты и домашніе костюмы. Сомнѣваюсь, заглядывала ли туда инспекція. Мнѣ же только разъ случилось посѣтить это своеобразное общежитіе и видѣть его свободные нравы и странные обычаи.

Промыселъ квартирохозяевъ и хозяекъ былъ, повидимому, выгоденъ, по крайней мѣрѣ, на столько, что окупались квартира, отопленіе и собственное содержаніе. Жизнь въ Казани, въ то время,—не только нетребовательная студенческая, но и вообще—была очень дешева. Это можно видѣть напр. изъ справочныхъ и таксовыхъ цѣнъ, публиковавшихся въ губернскихъ вѣдомостяхъ—и отъ которыхъ рыночныя почти не отличались. Такъ напр. мясо 1-го сорта стоило—фунтъ 3 к., телятина задняя нога 3½—4 к. ф., ветчина 7 к. ф., курица 14—18 к. штука, гусь 25—30 к., индейка 45—50 к., сотня яицъ 50 и 60 к., пудъ ржаной муки 20 к., крупчатой высшаго сорта 1 р. 10 к., сажень березовыхъ дровъ,

почти аршинныхъ 2 р. 30 к., осиновыхъ и еловыхъ 1 р. 60 к. При такихъ цѣнахъ естественно, что хозяйки могли кормить жильцовъ очень прилично... Дешевизна сѣна и овса давала возможность держать лошадей даже людямъ съ очень малымъ достаткомъ. Такъ наприм. мой первый хозяинъ, танцмейстеръ Биллевичъ, имѣвшій не только жену, но и кучу ребятъ, находилъ болѣе выгоднымъ держать собственный немудрый экипажъ и лошадку, чѣмъ ѣздить по урокамъ на извозчикахъ; а извозчики-то тогда брали по 10 к. почти за всякій конецъ въ чертѣ города.

Неудивительно поэтому, что при такой всеобщей дешевизнѣ хозяева брали за комнату (конечно не важную) со столомъ, самоваромъ и услугой по 8 – 9 р. въ мѣсяцъ; за стирку брали отдѣльно и тоже очень дешево. Приходящимъ столоваться, а также и на домъ кушанье отпускалось по (3 блюда) 4 р. въ мѣсяцъ. Если же хозяйка дерзала кормить очень однобразно или недостаточно вкусно, то случались курьезы въ такомъ родѣ, что недовольный нахлѣбникъ съѣдалъ все принесенное ему блюдо, чтобы поставить хозяйку въ затрудненіе, что подать прочимъ ѣдокамъ; такъ дѣлывалъ одинъ изъ моихъ сосѣдей—чиновникъ, когда я жилъ у одной изъ хозяекъ.

При дешевой стоимости нельзя было быть уже очень требовательнымъ относительно предлагаемой пищи и ея достаточности. Удовлетворяя естественному желанію поѣсть повкуснѣе или поплотнѣе, студентъ шелъ въ трактиръ и угощался тамъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ, то пирогомъ съ мясомъ или вареньемъ (ц. 10 коп.), то телячьими котлетами съ горошкомъ (2 штуки 23 к. с.), то бифштексомъ (23—30 к. порція – 2 куска), и т. д., то очень вкусными пельменями (сотня 30 к.). Особенной любовью у насъ пользовался трактиръ „Китай“ на углу Воскресенской и переулка, ведущаго къ Черному озеру, нынѣ уничтоженному. Не мало времени удѣлялось здѣсь и билліарду. „Китай“, имѣя очень приличную обстановку, и посѣщался порядочной публикой; но и въ „заведеніяхъ“ низшаго разбора кормили не худо; помню напр. „Парижъ“, на Малой Проломной, близъ университета, довольно грязный, но кормившій сносно. Тутъ маркеръ билліардной услаждалъ иногда посѣтителей игрой на гусляхъ; а любители азартныхъ игръ имѣли возможность поопростать свои карманы въ пользу того же маркера или какого-нибудь татарина, или другого любителя чужой собственности, всегда игравшихъ необыкновенно „счастливо“, особенно къ изумленію новичковъ изъ посѣтителей. На Рыбной улицѣ былъ помнится, трактиръ „Византія“, гдѣ для азартной игры были особыя уютныя комнатки, въ сторонѣ отъ общихъ; одинъ мой знакомый студентъ медикъ нерѣдко сбывалъ тамъ присылаемыя родителями

деньги. Были и помимо трактировъ искусники игры въ „штосъ“. ловко опустошавшіе студенческіе карманы на собственныхъ или студенческихъ квартирахъ; въ одномъ домѣ со мной жилъ, напр., землемѣръ, однажды обыгравшій упомянутаго студента до нитки и потомъ уже, видя его отчаяніе—давшій ему немножко отыграться. А господинъ былъ очень приличный на видъ.

Студенты болѣе высокаго полета посѣщали, разумѣется, заведенія высшаго разряда. Къ нимъ-то и относится куплетъ студенческой пѣсни:

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ въ Станге (винный погребъ съ ѣдою),
Смотритъ, кто тамъ есть.

Съ появленіемъ первой кондитерской въ 1854 или 55 году—Штейнгейзера на Воскресенской, противъ вице-губернаторскаго дома,—соединявшей въ себѣ торговлю кондитерскими издѣліями и ресторанъ, съ очень хорошими билліардами, многіе изъ студентовъ сдѣлались ея усердными завсегдатаями. До ея появленія конфекты, вѣроятно московскаго издѣлія, можно было получать только въ бакалейныхъ магазинахъ Санина и др Для баловъ ихъ, кажется, прямо выписывали изъ Москвы. Казань въ этомъ отношеніи была тогда позади даже Нижняго, въ которомъ были уже двѣ кондитерскія...

Влекло въ трактиры и желаніе почитать газетъ; время было интересное, военное. У Штейнгейзера можно было удовлетворять этой потребности въ обстановкѣ болѣе приличной, чѣмъ трактирная, да кстати и закусить, и выпить чего-нибудь, и ублаготворить себя глинтвейномъ, чаемъ, кофе, шоколадомъ, мороженымъ и пр. Ланге однако смотрѣлъ на посѣщеніе нами этой кондитерской неодобрительно; да и посѣщали-то ее студенты только, когда были при деньгахъ, и болѣе зажиточные вообще, такъ какъ въ ней все было дороже, хотя, при общей тогдашней дешевизнѣ, только сравнительно...

Въ молодые годы нерѣдко приходилось намъ слышать ропотъ нашихъ стариковъ на дороговизну и похвалы дешевизнѣ ихъ временъ. Какова же, значитъ, была эта дешевизна, если еще въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія существовали цѣны вродѣ вышеприведенныхъ казанскихъ!

При общей дешевизнѣ припасовъ дешевы были и квартиры, дешева прислуга—$1^1/_2$—2 р. въ мѣсяцъ. Не припомню, сколько платилъ за очень порядочную квартиру и сколько прислугѣ мой первый хозяинъ г. Биллевичъ; но что расходъ этотъ былъ не ве-

ликъ, видно изъ того, что при скудномъ жалованьѣ по должности танцовальнаго учителя въ Родіоновскомъ институтѣ, онъ, имѣя жену и 6 человѣкъ дѣтей, держалъ горничную (она же и нянька) кухарку, лошадь, корову, да парня, исполнявшаго обязанности кучера и коровника. А между тѣмъ 15 рублей въ мѣсяцъ, платимые мною за комнату съ полнымъ содержаніемъ, прислугой и стиркой, составляли важную статью доходовъ этого семейства. Прибавлю, что довольно часто у нихъ бывали гости: нѣкоторые являлись къ обѣду и оставались до вечера: другіе приходили по вечерамъ. А если приходилъ ко мнѣ товарищъ—радушные хозяева обыкновенно приглашали его къ столу или чаю, смотря по времени дня...

Невелики деньги—15 р. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; но нѣкоторые изъ товарищей и знакомыхъ находили, что я плачу очень дорого, такъ какъ могъ бы имѣть все это рублей за 10 въ мѣсяцъ. Правда, что у меня была очень порядочная комната. Вообще же помѣщенія у „хозяекъ" были большею частію плохи, какъ мнѣ потомъ лично пришлось убѣдиться, поселившись у одной изъ таковыхъ. Но много ли требуется неприхотливому студенту? А такихъ въ мое время было большинство; было бы лишь подешевле, и слава Богу. И жилъ студентъ за 8 рублей со столомъ и прислугой, и не тужилъ; а придутъ деньги,—съ ними—желаніе кутнуть, онъ забывалъ о правилѣ, воспрещавшемъ посѣщеніе мѣстъ вредныхъ и предосудительныхъ для нравственности и шелъ въ трактиръ; разыграются страсти—шелъ за Булакъ, гдѣ тоже брали недорого [1]).

Въ числѣ студенческихъ развлеченій болѣе скромнаго свойства и болѣе дешевыхъ стоитъ упомянуть о масляничныхъ блинахъ и

---

[1]) Къ этимъ забулачнымъ и т. п. мѣстамъ и относится грустно-поэтическая пѣсня старыхъ казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой», въ которой студентъ между прочимъ говоритъ:

«Какъ страшно было пробужденье
Отъ этихъ гибельныхъ проказъ,
Когда прямое назначенье
Студента вспомнишь въ этотъ разъ!»

И, какъ бы махнувъ на все рукою—заканчиваетъ:

«Пройдетъ тоска, проснутся страсти,
Сроднятся, сблизятся съ душой;
Но передъ ихъ могучей властью—
Не думай выступать на бой!»

Напомню интересующимся, что пѣсни казанскихъ студентовъ собраны къ столѣтію университета и изданы въ 1904 г., стараніемъ бывшихъ казанцевъ, доктора А. П. Аристова и сенатора Н. П. Смирнова.

катаньи. Блинами особенно славился трактиръ—не помню названія—помѣщавшійся въ противоположномъ университету концѣ Малой Проломной, въ старинномъ зданіи со сводами, вблизи собора Петра и Павла. Блины тутъ были не только дешевы, но и очень вкусны. Они, какъ и вообще трактирныя экскурсіи, не обходились, разумѣется, безъ возліяній, иногда сопровождавшихся и безобразіями, вопреки „правиламъ", внушавшимъ воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и удаляться отъ шумныхъ, непристойныхъ и вредныхъ сообществъ".

Катанье на масляницѣ, вѣроятно, древній русскій обычай, какъ качели на Пасхѣ; въ провинціи онъ соблюдается, полагаю, и теперь съ полнымъ усердіемъ. Помню скучное, шагъ за шагомъ, масляничное катанье въ Нижнемъ, по главной улицѣ; и шло это цѣлую недѣлю безъ устали. Въ Казани на масляницу съѣзжались изъ окрестностей татары съ широкими пошевнями, запряженными по большей части парою лошадей,—и катали мѣстный людъ по крайне дешевой цѣнѣ, какъ „вейки" въ Петербургѣ. На масляной почти не было человѣка въ Казани, изъ средняго рода людей, который даже на близкое разстояніе не ѣхалъ бы на „татаринѣ". А истые любители кататься носились по городу во всю прыть, причемъ иные студенты, нанявъ „князя" по часамъ, 15 - 20 к. въ часъ, усердно погоняли не только лошадей, но и самого возницу, тузя его въ спину. Добродушный татаринъ этимъ, одноко, не обижался, а на замѣчаніе о страдающей спинѣ лукаво говорилъ: „ничево, у насъ тамъ лубка есть", т. е. что подъ кафтаномъ на спинѣ у него подложенъ лубокъ, можетъ быть, какъ средство не только противъ рѣзкостей публики, но и какъ защита отъ воздѣйствія блюстителей порядка, у которыхъ въ тѣ времена тѣлесная расправа была въ порядкѣ вещей... Существуетъ ли и теперь въ Казани хорошій обычай давать масляничный заработокъ подгороднымъ аборигенамъ, а публикѣ дешевое удовольствіе? Или постигла и ихъ та же участь, что и нашихъ финновъ, районъ масляничной ѣзды которыхъ петербургскіе градоначальники, неизвѣстно зачѣмъ, ограничиваютъ все больше и больше къ ихъ ущербу и къ великому огорченію средняго и мелкаго обывателя невской столицы.

Чтобы быть правдивымъ историкомъ, не умолчу и о черезъ-чуръ иногда проявлявшейся склонности казанскихъ студентовъ къ выпивкѣ. Особенно отличался по этой части медицинскій факультетъ; но мало отставали и другіе, особенно на первыхъ курсахъ. Пили, конечно, не въ убѣжденіи, что русскому талантливому человѣку такъ свыше суждено, и не въ чаяніи этимъ обрѣсти въ себѣ и укрѣпить талантъ, а просто больше по слабости характера и подъ

вліяніемъ „опытныхъ“ товарищей. Вырвавшись изъ подъ домашняго крова и гимназической ферулы, очутившись въ другомъ городѣ, вдали отъ старшихъ, юноша чувствуетъ себя человѣкомъ свободнымъ, самостоятельнымъ, почти гражданиномъ, а потому и легко увлекается не въ мѣру этимъ сознаніемъ: „иду куда хочу, дѣлаю что хочу“. И только существовавшій еще въ наше время страхъ передъ инспекціей (нынѣ, увы, упраздненной!) нѣсколько омрачалъ это сознаніе („а вдругъ въ карцеръ засадятъ“)! А тутъ какъ разъ примѣръ старшихъ товарищей и ихъ подзадориванье новичка: „да что ты за студентъ, коли и водки не умѣешь пить“!.. И вотъ, мало по малу, нѣкоторые становились заправскими пьяницами; иные же, во-время одумавшись, съ успѣхомъ оканчивали курсъ. Двоихъ изъ моихъ товарищей-нижегородцевъ,—оба были математики,—пьяный омутъ совсѣмъ засосалъ; курса они такъ и не кончили и, какъ казеннокоштные—были посланы отслуживать учителями въ уѣздныя училища. А оба были люди съ талантомъ, одинъ не дурно даже писалъ стихи и разсказы; но талантъ ихъ такъ и угасъ, не доразвившись, благодаря печальной страсти къ вину.

Нечего впрочемъ грѣха таить: небезгрѣшны были и нѣкоторые изъ профессоровъ и при томъ, какъ бы въ оправданіе замѣчанія о русскихъ талантливыхъ людяхъ—именно наиболѣе даровитые [1]).

Въ общемъ ходѣ студенческой жизни кутежи преобладали на

---

[1]) Выше я привелъ четверостишіе о проф. Ивановѣ; а вотъ что пѣлось объ А. Ѳ. Поповѣ, профессорѣ высшей математики:

А Поповъ короткій,
Онъ же интегралъ,
Слишкомъ занятъ водкой,
Оттого и малъ.

Этотъ Поповъ былъ очень малъ ростомъ, въ противоположность своему однофамильцу А. В. Попову, профессору монгольскаго языка, о которомъ значилось только, что «Поповъ монголъ, подпираетъ разомъ, потолокъ и полъ“.

Молва, а можетъ быть и сплетня называла, въ числѣ усердныхъ поклонниковъ Бахуса и питейнаго откупа, и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Казанская жизнь, вѣроятно, и сдѣлала таковыми проф. ботаники Корнухъ-Троцкаго, финансоваго права—Е. Г. Осокина, историка Н. А. Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Она же, должно быть, положила начало и склонности къ питейному дѣлу такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ И. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Не мало вѣдь талантовъ загубила наша безцвѣтная и безпросвѣтная провинціальная жизнь стараго времени!

первыхъ двухъ курсахъ, когда было еще далеко до окончанія и слѣдовательно можно было не очень усидчиво заниматься наукой, имѣя еще довольно времени впереди; да и въ ходъ-то учебной университетской жизни молодой человѣкъ еще не втянулся... Конечно, и тутъ были исключенія; да и степень увлеченія вольной жизнью была разная.

Наибольшимъ шикомъ считалось, разумѣется, по врожденному что ли свойству русскаго человѣка, пить свободно крѣпкіе напитки—водку, ромъ и т. п., вѣроятно въ оправданіе словъ одного изъ героевъ повѣстей Марлинскаго, что „вода создана для рыбъ и раковъ, вино—для женщинъ и дѣтей, а ромъ и водка для однихъ героевъ“. Этими героями и силились сдѣлаться тотчасъ же новички. Но не всякій изъ нихъ легко переносилъ, на первыхъ порахъ, эти напитки и, какъ ни крѣпится иной бывало, какъ ни стыдятъ его болѣе опытные товарищи, не обходилось безъ извѣстныхъ непріятныхъ послѣдствій, когда желудокъ возставалъ противъ налитыхъ въ него жидкостей. Впрочемъ, у кого натура слишкомъ реагитовала противъ водокъ и т. п., тотъ предпочиталъ пить наливки—простыя и шипучія (эти послѣднія чуть-ли не спеціально казанское издѣліе, благодаря существованію тогда въ Казани завода шипучихъ водъ лаборанта Грахе), пиво и еще одинъ напитокъ, довольно впрочемъ крѣпкій, называвшійся „старовѣръ съ нѣмцемъ“ или „сливонское“. Это была смѣсь, приготовлявшаяся въ винныхъ погребахъ, повидимому, изъ остатковъ разныхъ винъ, съ примѣсью водки. Сія послѣдняя, однако, подъ разными заманчивыми названіями, придуманными откупомъ, занимала все-таки первое мѣсто между студенческими напитками. Для кармановъ заурядныхъ студентовъ ромъ, коньякъ и т. п. были менѣе доступны; но употреблялись при случаѣ, весьма охотно и такъ, и съ чаемъ, при чемъ чай съ ромомъ или коньякомъ постепенно превращался въ ромъ или коньякъ съ чаемъ, а то и безъ чаю, какъ повѣствуется въ анекдотѣ о какомъ-то морякѣ, отвѣчавшемъ на предложеніе хозяйки подлить рому въ чай—„позвольте мнѣ ужъ лучше такъ—безъ чаю“. У нѣкоторыхъ считалось шикомъ не только быть въ состояніи выпить по нѣсколько рюмокъ, но и умѣть ловко опрокидывать содержимое рюмки въ глотку, ухвативъ рюмку зубами.

Описываю все это не въ осужденіе моихъ современниковъ—сучениковъ: таковъ былъ духъ времени, что служеніе Бахусу имѣло массу адептовъ не только въ простонародіи, но и въ среднемъ и высшемъ классѣ. Такъ и въ Казани обыватели всякихъ званій чуть не долгомъ считали нести свою лепту въ казну откупа. Надо замѣтить, что

и откупъ, съ своей стороны, поощрялъ потребленіе даровою раздачею своихъ напитковъ чуть не всѣмъ членамъ губернской администраціи, снабжая ихъ оными въ извѣстной пропорціи, смотря по чинамъ и званіямъ.

Водка и закуска всегда были и остаются необходимой частью питанія русскаго человѣка и примѣняются во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ Казани мнѣ случалось бывать въ обществѣ мелкаго и средняго чиновничества и офицерства, гдѣ обыкновенно играли въ преферансъ; такъ какъ тутъ играютъ собственно трое, а четвертый игрокъ, сдающій, по очереди свободенъ, то, сдавши карты, каждый отправлялся къ столу съ водкой и закуской, въ результатѣ чего вся компанія къ концу игры оказывалась въ очень веселомъ настроеніи; тѣмъ болѣе, что и гости, вовсе не принимающіе участія въ игрѣ, тоже не забывали подходить къ соблазнительному столу.

Да не подумаетъ однако же читатель, что студенты наши тѣхъ временъ только и дѣлали, что пили, да кутили, въ оправданіе отзыва о нихъ, будто бы сказаннаго Николаемъ I, что онъ предпочитаетъ казанскихъ студентовъ столичнымъ, ибо первые-де только пьютъ и кутятъ, тогда какъ вторые, сверхъ того, занимаются и политикой... Нѣтъ:—студенты-казанцы не забывали и науки, доказательствомъ чему служитъ немалое количество дѣльныхъ и талантливыхъ людей изъ ихъ числа, и, вообще, значительное число студентовъ, кончавшихъ курсъ со степенью кандидата.

По обычаю того времени инспекція, придираясь къ мелочамъ, къ незастегнутому сюртуку, къ длиннымъ волосамъ, упущенію вовремя отдать честь, совсѣмъ упускала изъ вида дѣйствительно темныя стороны студенческаго поведенія. Слабохарактерный юноша, попавъ въ среду неблагонадежныхъ товарищей, легко сбивался съ пути, за отсутствіемъ должнаго наблюденія со стороны лицъ, къ тому приставленныхъ. И если бы большинство было слабохарактернѣе или не образумливалось бы съ половины курса, серьезнѣе принимаясь за дѣло, то, конечно, не много выходило бы изъ университета людей порядочныхъ. Къ счастію, съ приближеніемъ конца ученія, даже и отчаянные кутилы нерѣдко обращались на путь истинный и сильно работали передъ экзаменами, стараясь наверстывать потерянное время [1]).

---

[1]) Не знаю, поется ли нынѣшними казанскими студентами пѣсня «стою одинъ передъ избушкой», въ которой такъ хорошо выражено раскаяніе студента-кутилы въ своемъ неблагоповеденіи: но у старыхъ студентовъ

Съ приближеніемъ экзаменовъ наступало затишье; однако въ промежуткахъ между ними нѣкоторые считали-таки нужнымъ „подкрѣплять“ свои силы для дальнѣйшихъ трудовъ и безсонныхъ ночей—„горячими напитками“, отъ которыхъ предостерегали „правила“. Болѣе усердные, уже за годъ до окончанія курса, а то и раньше принимались за обработку медальныхъ и кандидатскихъ диссертацій. Да и вообще кончающимъ приходилось работать гораздо больше, потому уже, что предстояло освѣжить въ памяти всѣ главные предметы, хотя бы они и не одинъ годъ читались, напр. всю химію, все сельское хозяйство (а читались они по три года), все финансовое право (читавшееся два года) и т. д.. Помимо этой работы пишущимъ диссертаціи приходилось чаще обыкновеннаго заглядывать въ библіотеку и къ профессорамъ, по предметамъ которыхъ писались диссертаціи. Въ Казанскомъ университетѣ не было въ обычаѣ читать объяснительныя лекціи на темы, задаваемыя на медали. Поэтому приходилось частенько надоѣдать профессорамъ для полученія объясненій и указаній. Кстати сказать, пользованіе библіотекой университета было довольно затруднительно: такъ называемая главная библіотека была въ завѣдываніи очень суроваго помощника библіотекаря г. Вагнера. Непривѣтливость его къ студентамъ, происходившая, можетъ быть, не столько отъ лѣности или нелюбви къ студентамъ, сколько отъ крайней близорукости, вслѣдствіе которой ему трудно было розыскивать требуемыя книги, заставляла нѣкоторыхъ заискивать въ немъ, доходя даже до приглашеній на чай съ угощеніемъ. Главнаго библіотекаря профессора Готвальда рѣдко удавалось видѣть въ библіотекѣ; да и неловко было обращаться прямо къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, отсылалъ бы къ тому же свирѣпому помощнику. Полученіе книгъ студентами стѣснено было еще и требованіемъ на бланкахъ съ названіями требуемыхъ книгъ ручательства профессора. Нѣкоторые профессора неохотно давали эти ручательства, другіе напротивъ подписывали охотно; къ нимъ, разумѣется, мы обращались. Кто посмѣлѣе—ставилъ и самъ подпись профессора.

Итакъ все-таки мы работали и не мало; а будь мы разумнѣе въ тѣ юные годы, мы лучше сумѣли бы распредѣлить и употребить

она и понынѣ остается любимою пѣснью и непремѣнно входитъ въ репертуаръ на петербургскихъ обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета, ежегодно собирающихся на товарищескую бесѣду въ день годовщины своего университета, 5 ноября.

свое время. Но кто же изъ людей, оглядываясь на прожитые годы, не сознается, что много и много времени тратилъ по-пустому, что потерянное время можно было использовать лучше и экономнѣе? И кто же рѣшится осудить себя за стремленіе къ удовольствіямъ въ юные годы и вообще молодежь за часы, урванные на это отъ дѣла? Развлеченія—это отдыхъ отъ трудовъ, освѣженіе силъ для ихъ продолженія. Худо, если развлеченія эти безобразны, ненравственны. Но что подѣлать съ человѣческими страстями?

Но не чужды были намъ, студентамъ, и эстетическія потребности; нѣкоторые охотно занимались музыкой (для чего имѣлся преподаватель Мукъ), рисованіемъ (преп. Раковичъ), учились танцовать (танцмейстеръ Севастьяновъ) и съ успѣхомъ подвизались на балахъ и маскарадахъ; любили посѣщать театръ и концерты. Были даже партіи театраловъ — поклонниковъ выдающихся артистокъ и артистовъ тогдашней казанской труппы—Стрѣлковой, Прокофьевой, Шмидгофъ, Милославскаго, Виноградова и др.; случались и горячіе споры о ихъ достоинствахъ. Какъ теперь наиболѣе ярыми, хотя и неособенно компетентными цѣнителями талантовъ состоятъ посѣтители „верховъ", такъ и было и тогда: большинство студентовъ, главнымъ образомъ по ограниченности средствъ, предпочитало ходить въ раекъ, что̀ имѣло три существенныхъ удобства: 1) было дешево; 2) избавляло отъ обязательнаго для „низовъ" появленія при шпагѣ и трехуголкѣ и 3) избавляло отъ лицезрѣнія Ланге, обязательно присутствовавшаго почти на каждомъ представленіи и концертѣ и нестѣснявшагося, какъ выше сказано, дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры при всей публикѣ, если усматривалъ своимъ проницательнымъ окомъ какой-либо непорядокъ въ студентѣ или его костюмѣ. Имѣвшіе статское платье ходили на верхи въ немъ, а у кого таковаго не было—прятались за прочую публику райка, если вдругъ бинокль инспектора направлялся на верхъ.

Иногда въ городскомъ театрѣ давались и благородные спектакли, конечно, съ благотворительной цѣлью. Помню спектакль впользу раненыхъ севастопольцевъ, въ которомъ участвовали дамы и кавалеры изъ высшаго общества, а изъ нашихъ университетскихъ—профессоръ хирургіи Бекетовъ—лицо, близкое аристократической семьѣ Мерцаловыхъ и синдикъ университета (была такая должность—вродѣ университетскаго стряпчаго) Олферьевъ.

Изъ концертовъ остались у меня въ памяти концертъ извѣстнаго скрипача Аполлинарія Контскаго съ піанистомъ Буддеусомъ, произведшій фуроръ между студентами... Затѣмъ — благотворительный концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, съ дѣятельнымъ участіемъ

профессора С. В. Пахмана, дирижировавшаго тутъ піесою, исполнявшеюся на 16 (если не ошибаюсь) роялях 32-мя барышнями и дамами,—а потомъ выступившаго въ качествѣ скрипача-солиста, превосходно владѣющаго своимъ инструментомъ [1]).

Еще раньше Аполлинарія посѣтилъ въ мое время Казань — Антонъ Контскій—знаменитый піанистъ, тоже немало взбудоражившій своею игрою вялое провинціальное общество. Это случилось какъ разъ во время празднованія (неоффиціальнаго впрочемъ) университетомъ своего 50-тилѣтія. Контскій былъ и танцовалъ на балу, данномъ (осенью 1854 года) по этому случаю университетомъ казанскому обществу. Мнѣ случилось даже перекинуться на этомъ балу нѣсколькими словами съ знаменитымъ виртуозомъ. Вторично я видѣлъ его, когда онъ концертировалъ въ Петербургѣ, уже глубокимъ старикомъ, незадолго до своей кончины.

Помимо вышеупомянутаго ученаго сборника, изданнаго профессорами, балъ этотъ, состоявшійся по подпискѣ студентовъ, вѣроятно съ помощью отъ профессоровъ, былъ единственнымъ ознаменованіемъ исполнившагося 50-тилѣтія его существованія. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ бала былъ профессоръ Киттары; не мало потрудились и студенты распорядители. Хорошее общество тогда еще не чужалось студентовъ, а потому многіе изъ казанской аристократіи удостоили ихъ балъ своимъ посѣщеніемъ.

Къ концу бала, когда „чистая публика“ уже поразъѣхалась, нѣкоторые изъ подвыпившихъ студентовъ произвели какія-то безчинства, не имѣвшія, кажется, впрочемъ для нихъ дурныхъ послѣдствій.

Балъ этотъ былъ, кажется, единственнымъ случаемъ, въ мое время, посѣщенія университета „сливками“ казанскаго общества. Бывалъ же кое-кто изъ этого общества вообще только въ торжественныхъ случаяхъ, напр., на университетскихъ актахъ. Вообще же общество относилось къ университету, повидимому, довольно безразлично, возмущаясь только иногда выходками студентовъ.

За малыми исключеніями, профессора жили всторонѣ отъ большого свѣта; студенты, большею частью, тоже; тѣ и другіе,

---

[1]) По провинціальному обычаю сочинять стихи на разные случаи мѣстной жизни, о концертѣ этомъ были написаны стихи съ юмористическимъ отзывомъ о піанисткахъ съ ихъ 320-ю пальцами и восторженнымъ — объ игрѣ Пахмана.

какъ люди, въ большинствѣ небогатые и прямо бѣдные, довольствовались больше собственной товарищеской средой. И только тѣ изъ студентовъ, что были побогаче и со связями, вродѣ нынѣшнихъ нашихъ „бѣлоподкладочниковъ", вращались въ болѣе высокихъ сферахъ мѣстнаго общества, были обычными гостями на его балахъ. Масса же студентовъ, состоявшая изъ разночинцевъ, семинаристовъ и вообще изъ молодежи не „бѣлой кости", едва-ли даже пользовалась какимъ-либо вниманіемъ и сочувствіемъ мѣстнаго общества, знавшаго о ея склонности къ кутежамъ и неодобрительнымъ выходкамъ. Между нѣкоторыми изъ этого общества и студентами не его круга случались даже прямыя столкновенія, доходившія до рукопашной. Такъ, напр. еще до моего поступленія въ университетъ, пріѣхавшій на вакацію сынъ начальницы Родіоновскаго института студентъ Петербургскаго университета Загоскинъ за презрительное отношеніе къ казанскимъ студентамъ былъ остановленъ на улицѣ, кажется, студентомъ-медикомъ Бѣлиновичемъ, здорово обруганъ и, кажется, даже поколоченъ. А въ мое время случилось столкновеніе студентовъ съ дурно отзывавшимися о нихъ пріѣзжими офицерами гвардіи кн. Оболенскимъ и Лобачевскимъ, (сыномъ знаменитаго профессора).

Балы, вечера, концерты, маскарады случались не такъ часто, чтобы можно было отнести ихъ къ числу постоянныхъ студенческихъ увеселеній. Да и театральные спектакли давались, помнится, не ежедневно. Маскарады въ театрѣ и въ Дворянскомъ собраніи посѣщались студентами охотно, разумѣется, не безъ задней мысли—поинтриговать небезрезультатно. Иные, для бо́льшаго удобства и для укрытія отъ взоровъ инспекціи, закутывались въ домино. Мой хозяинъ Биллевичъ одну зиму тоже давалъ маскарады въ обширномъ помѣщеніи на Бол. Проломной.

Это все были, конечно, развлеченія зимнія. Въ весеннее и осеннее время непрочь мы были прогуляться; многіе гуляли просто по Воскресенской улицѣ, благо ѣзды на ней было мало, а какъ вымощенная тогда торцами, она представляла очень гладкую поверхность. Любимою весеннею прогулкою было хожденіе въ Русскую Швейцарію, нѣчто вродѣ парка на Арскомъ полѣ; здѣсь весною по вечерамъ играла военная музыка; но это считалось дальней прогулкой; ближайшимъ мѣстомъ съ тѣнью и зеленью было Черное Озеро—длинный, окруженный аллеями прудъ, во впадинѣ между Воскресенской и Грузинской улицами, нынѣ засыпанный. Тутъ въ весенніе вечера (и лѣтніе, но студентовъ, конечно, лѣтомъ было мало) набиралась масса публики и студентовъ, наслаждавшихся, помимо прогулки и гляденья на хорошенькихъ,—прекраснымъ

дешевымъ мороженымъ у трехъ братьевъ мороженщиковъ, отпускавшихъ даже и въ кредитъ.

Въ 1891 году, въ пріѣздъ мой въ Казань, впервые послѣ окончанія курса, я засталъ въ самомъ разгарѣ работы по уничтоженію „озера"; его заваливали всякой дрянью. Теперь площадь для гулянья стала, конечно, больше; но не увеличилась ли и пожарная опасность? Казань вѣдь городъ, знаменитый своею склонностью къ пожарамъ; лишній занасъ воды для нея былъ бы вовсе не лишнимъ. А вода въ Черное Озеро доставлялась, вѣроятно, какими-нибудь подземными ключами, съ прекращеніемъ выхода которымъ очень возможно, что нижніе этажи и подвалы ближнихъ домовъ станутъ страдать отъ сырости. Возобладали, надо полагать, санитарные виды: правда „озеро" содержалось очень нечисто, значитъ, заражало воздухъ; уничтожить его представлялось, Городскому управленію, разумѣется, простѣйшей мѣрой [1]).

Для весеннихъ прогулокъ невзыскательныхъ людей было и еще одно мѣсто: вскорѣ послѣ Пасхи на набережной Булака, невдалекѣ отъ Гостиннаго Двора, устраивалось (какъ и нынѣ остается вѣроятно) нѣчто вродѣ ярмарки; появлялись лавочки съ разными незатѣйливыми товарами, игрушками, лакомствами и даже балаганы съ представленіями „гимнастической ломки и балансировки", фокусовъ и т. п. Тутъ можно было потолкаться не безъ удовольствія.

Доставляли развлеченіе гуляющимъ и хороводы, устраивавшіеся весною на всѣхъ, сколько-нибудь удобныхъ для того площад-

---

[1]) Кстати замѣчу—наши города въ послѣдніе годы очень усердно уничтожали свои водохранилища, съ древнихъ временъ существовавшія и большею частью дававшія выходъ подземнымъ водамъ. Чтобы не портили они воздухъ своимъ гніеніемъ, происходящимъ отъ отсутствія надзора и ухода, городскіе заправилы обратились къ радикальной мѣрѣ—уничтоженію. Такъ исчезли, кажется, нѣкоторые историческіе пруды въ Москвѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, моей родинѣ, было нѣсколько прудовъ (частію при церквахъ), мало-по-малу засоренныхъ обывателями, имѣющими на Руси обыкновеніе валить въ воду всякій хламъ, не исключая навоза, дохлыхъ кошекъ и собакъ. Въ бытность мою тамъ въ 1891 году прудовъ этихъ почти и слѣдовъ уже не оставалось. А при мнѣ засыпали едва-ли не послѣдній уже прекрасный, обильный водою «Звѣздинъ прудъ», яко бы съ санитарной цѣлью, лишая выхода подземные ключи, которыми такъ обильна нижегородская почва и которые, благодаря ихъ закрытію, неразъ уже производили оползни. А о пожарныхъ случаяхъ, когда такъ важно имѣть воду какъ можно ближе, и говорить нечего. Въ центрѣ города для прогулокъ и катанья на конькахъ остался одинъ «Черный Прудъ»,—подобіе казанскаго «Чернаго Озера», съ аллейками вокругъ.

кахъ. Тутъ собирались по вечерамъ мѣстное простонародіе и прислуга и до поздней ночи водили хороводы, распѣвая, какъ „мужъ жену училъ"—плеткой, купленной „во Китай-городѣ",—чтобы къ нему „ходила личикомъ", а къ другимъ „плечикомъ", вмѣсто усвоеннаго ею обратнаго пріема; далѣе какъ „на улицѣ (было) диво, варилъ чернецъ пиво, чернецкое пиво забористо было" и т. д. — или какъ „намъ жениться—раззориться—стару бабу взять на печи ее держать, киселемъ ее кормить" и т. д. При этомъ содержаніе нѣкоторыхъ пѣсенъ изображалось въ лицахъ кавалерами и дамами, становившимися въ средину круга [1]). Все это доставляло намъ нѣкоторое развлеченіе въ періодъ экзаменной страды.

Какъ только кончались экзамены, всѣ иногородные студенты спѣшили въ свои города и веси, оставляя на произволъ судьбы своихъ хозяевъ и не думая о томъ, какъ-то промаячатъ они лѣто въ ихъ отсутствіи. Комнату свою едва-ли кто оставлялъ за собой, благо по возвращеніи всегда можно было найти другую свободную, если прежняя была нежелательна или оказывалась уже занятою. А что возвращеніе студентовъ къ прежнимъ хозяевамъ было послѣднимъ по душѣ, видно было изъ радушія, съ какимъ они принимали прежнихъ жильцовъ и старались изъ всѣхъ силъ имъ угодить.

---

[1]) Въ числѣ особенностей тогдашней Казани вспоминается мнѣ нигдѣ боль, ше мною невиданный свадебный обычай простонародья: должно быть на другой день послѣ свадьбы поѣзжане ѣздили по городу на телѣгѣ съ пѣснями, при чемъ кто-нибудь изъ пожилыхъ, вѣроятно, сватъ, сидя на переднемъ мѣстѣ, билъ скалкой въ мѣдный тазъ. Однажды видѣлъ я и такую сцену, должно быть тоже свадебнаго характера: дѣвушка, или новобрачная бѣжала впереди, держа березку, украшенную лентами; а сзади нея шли должно быть, поѣзжане съ приличными случаю пѣснями.

Кстати еще:—нѣкоторыхъ удивляла продажа яблоковъ на вѣсъ, теперь входящая въ обычай даже въ столицѣ. Далѣе — оригинальная продажа уксуса въ развозъ, при чемъ продавецъ возглашалъ о своемъ товарѣ въ длинную жестяную трубу;—далѣе продажа въ развозъ воды „кабанной" (изъ озера Кабана, находящагося на окраинѣ города) и т. д. Водопровода еще не было.

Можетъ быть, постояннымъ жителямъ и сторожиламъ извѣстны и другія особенности мѣстнаго быта, конечно изчезающія или уже изчезнувшія подъ все уравнивающимъ напоромъ цивилизаціи; но мы, жившіе въ Казани только ваѣздомъ, отъ начала лекцій до окончанія экзаменовъ, не могли, конечно, подмѣтить того, что происходило въ нашемъ отсутствіи.

Въ числѣ особыхъ событій, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ студенчеству, слѣдуетъ отмѣтить кончину ректора И. М. Симонова. Это былъ не только ученый астрономъ и профессоръ, но и очень хорошій человѣкъ, мягко относившійся къ студентамъ въ противоположность грубому Ланге—инспектору. Не приходилось слышать, чтобы онъ сдѣлалъ непріятность кому-нибудь изъ студентовъ. Нѣсколько лѣтъ онъ страдалъ полипомъ въ носу и умеръ 10 января 1855 года, на 61 году жизни. Хоронили его 12 января, въ тотъ самый день, когда Московскій университетъ такъ торжественно справлялъ столѣтіе своего существованія.

Другимъ событіемъ, всколыхнувшимъ жизнь и города, и университета—была кончина Императора Николая I, совершенно неожиданная, а потому давшая поводъ къ разнымъ толкамъ. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ свѣдѣнія изъ столицы въ провинцію приходили очень нескоро; такъ что казанцы почти одновременно узнали и о болѣзни Государя, и о его кончинѣ. Какими-то путями слухи о важныхъ происшествіяхъ въ столицѣ доходили въ провинцію раньше оффиціальныхъ извѣстій; въ церквахъ, за отсутствіемъ приказаній отъ Синода, продолжали еще молиться „о здравіи и спасеніи"..., а въ публикѣ ходили уже зловѣщіе слухи, что того, о комъ молятся, нѣтъ уже на свѣтѣ. Слухи эти можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что извѣстіе, привезенное губернатору фельдъегеремъ, стало извѣстнымъ по секрету публикѣ черезъ приближенныхъ губернатора, раньше его оффиціальнаго оглашенія. Уже за нѣсколько дней до опубликованія и до полученія газетъ, вѣсть о кончинѣ Императора передавалась въ народѣ шопотомъ другъ другу; если же разговоры эти достигали слуха полиціи, то таковыхъ зловредныхъ болтуновъ забирали, говорятъ, въ кутузку. Большинство казанской публики отнеслось къ кончинѣ Николая I съ большимъ прискорбіемъ; часть равнодушно; часть же студенчества и вообще молодежь съ надеждами на наступленіе новой эры въ нашей государственной жизни, какъ это вскорѣ и оказалось. Съ воцареніемъ Александра II мы, студенты, въ качествѣ почти уже гражданъ, были приведены къ присягѣ, въ присутствіи помощника попечителя Н. И. Лобачевскаго.

Довольно крупнымъ событіемъ въ общественной и спеціально университетской жизни былъ пріѣздъ въ Казань въ концѣ августа 1856 г. министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова. Престарѣлый могиканъ 1812 года, на деревяшкѣ, съ костылемъ въ рукѣ, произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ дружелюбнымъ къ намъ отношеніемъ.

Въ короткое время своего пребыванія въ Казани онъ осмотрѣлъ университетскія учрежденія, бесѣдовалъ съ профессорами, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи, очень ласково относясь къ студентамъ, такъ что при отъѣздѣ его одинъ студентъ-медикъ (помнится, сибирякъ Миловановъ) сказалъ ему очень чувствительную прощальную рѣчь, на которую министръ отвѣтилъ нѣсколькими дружественными словами, выразивъ свое сочувствіе студентамъ — поговоркой: „сердце сердцу вѣсть подаетъ".

Къ числу еще особыхъ событій, всколыхнувшихъ тихое болото казанской жизни и все населеніе города, слѣдуетъ отнести празднованіе коронаціи Александра II, состоявшееся въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября 1856 г. По этому случаю лекціи были пріостановлены на нѣсколько дней. Городъ и разныя учрежденія выразили свою радость устройствомъ роскошной, по-тогдашнему, иллюминаціи, состоявшей не только изъ вонючихъ и коптящихъ плошекъ и шкаликовъ, но и изъ соотвѣтствующихъ случаю транспарантовъ съ вензелями, гербами и пр. О газѣ тогда даже и въ Москвѣ еще помину не было (тамъ только нѣкоторые трактиры освѣщались газомъ переноснымъ); керосиновое и электрическое освѣщенія еще вовсе не были извѣстны... Поэтому неудивительно, что въ провинціи, да и въ столицахъ, чѣмъ торжественнѣе было празднованіе, тѣмъ больше было вони отъ плошекъ и шкаликовъ. Разсказывали тогда, что и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ иллюминаціи, устроенныя за большія деньги какимъ-то ловкимъ французомъ, блистали больше вонью и копотью, чѣмъ свѣтомъ и красотою.

Коронація состоялась по заключеніи Парижскаго мира, коимъ закончилась тяжелая Крымская война. Война эта волновала всѣхъ, не исключая, конечно, и студентовъ; жадно читались приходившія извѣстія; но приходили они очень поздно и были очень скудны. Телеграфной сѣти еще не было, и не помню, былъ ли телеграфъ даже изъ Москвы въ Севастополь; за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ (кромѣ Николаевской) газеты, со своими запоздалыми и процѣженными цензурою извѣстіями, являлись къ намъ долгое время спустя послѣ тѣхъ событій, о которыхъ въ нихъ сообщалось. Да и читать-то ихъ студенты могли только у знакомыхъ или въ трактирахъ; но тутъ чтеніе было сопряжено съ нѣкоторыми расходами: приходилось заказывать какую-нибудь consommation, какъ выражаются французы, да при томъ еще ждать, пока газета освободится. Въ болѣе приличной обстановкѣ, можно было читать въ кондитерской Штейнгейзера; но къ посѣщенію ея студентами, какъ я уже сказалъ, Ланге относился неблагосклонно.

Какъ ни старались въ Петербургѣ прикрашивать и искажать въ лучшую сторону извѣстія съ войны, стараясь внушить обществу, что намъ „спорить съ Европой не ново“, и что дѣла наши вовсе не такъ плохи,—какъ-то между строкъ читалось иное. Правда, иногда вдругъ откуда-то появлялся слухъ о какомъ-нибудь невѣроятномъ нашемъ успѣхѣ, оказывавшійся потомъ, разумѣется, вздоромъ, къ вящшему огорченію повѣрившихъ ему. Такъ напр. вдругъ пришла сказка, что Наполеонъ поссорился съ Пальмерстономъ и предложилъ намъ союзъ противъ Англіи, чтобы вмѣстѣ доконать коварный Альбіонъ. А то пронесся слухъ о необычайномъ подвигѣ мужиковъ Курскаго ополченія, какъ они будто бы бросились въ топоры на непріятеля и чуть-ли не столкнули его въ море. Такъ было сильно желаніе хотя какого-либо успѣха въ нашей борьбѣ съ „союзниками“, что и этимъ дикимъ выдумкамъ вѣрили охотно; удивлялись только, почему это одно только Курское ополченіе оказалось способнымъ на подвигъ... Но вотъ въ концѣ августа 1855 г. пришло грустное извѣстіе, что Севастополь палъ, съ утѣшительной фразой изъ донесенія Горчакова, что „непріятель найдетъ въ немъ однѣ окровавленныя развалины“. Извѣстіе это крайне опечалило всѣхъ; войска наши, уступая отчаянному натиску непріятеля, не положили оружія, по приказанію главнаго командира, какъ это случилось 50 лѣтъ спустя, а только перешли съ южной стороны Севастопольской бухты на сѣверную, по заблаговременно, для нуждъ обороны, наведенному мосту.

По случаю паденія нашей черноморской твердыни многіе, въ томъ числѣ и изъ студентовъ, не преминули утопить свое горе въ винѣ и разгулѣ...

На Казанской губерніи война, передъ самымъ уже концомъ своимъ, кромѣ сбора ополченія, сказалась еще тѣмъ, что въ концѣ зимы 1855 года было потребовано собрать для арміи съ крестьянъ всѣхъ наименованій до 1000 телѣгъ съ лошадьми и проводниками. Большой переполохъ причинило это требованіе всѣмъ казанскимъ начальствамъ, начиная съ губернатора, управляющихъ государственными имуществами и удѣлами и кончая помѣщиками съ ихъ крестьянами. Хотя Казанская губернія славилась своимъ производствомъ телѣгъ и тарантасовъ, но быстро выполнить заказъ, можетъ быть, свыше даже тысячи телѣгъ, съ принадлежностями и сбруей, закупить лошадей и собрать возницъ было очень нелегко. А кромѣ всей этой заготовки надо было еще снабдить проводниковъ и лошадей продовольствіемъ на нѣкоторое время, до назначенныхъ по маршруту пунктовъ... А потомъ оказалось, ято, какъ это, къ несчастію, нерѣдко бываетъ при нашихъ административныхъ поряд-

кахъ, что подводы были вовсе не нужны: далеко не дойдя до мѣста назначенія, онѣ были обращены вспять и распроданы за безцѣнокъ. Получили ли какое-либо вознагражденіе проводники за свой трудъ, и люди, на которыхъ снаряженіе подводъ было возложено за повинность—не знаю.

Все неладное волновало общество, начавшее уже оживать съ перемѣной царствованія; а волненія его передавались и студенчеству. Но юность, при всей своей воспріимчивости, не долго остается подъ давленіемъ непріятныхъ впечатлѣній, она или ищетъ изъ нихъ выхода не всегда согласнаго съ требованіями морали, (какъ было напр. при полученіи извѣстія о паденіи Севастополя, „когда нѣкоторые „съ горя“ выпили не въ мѣру“), или принимается усиленно заниматься своимъ дѣломъ.

Для насъ близилось уже окончаніе курса, и потому на первомъ планѣ стояло дѣло, а затѣмъ роились предположенія о будущемъ... что-то Богъ дастъ? Каковы-то будутъ новые порядки, начало которымъ было уже положено Александромъ II? Конечно, всѣ больше или меньше разсчитывали, что прежнее худое смѣнится лучшимъ новымъ, подобно тому какъ прежняя форменная одежда замѣнена была новою, болѣе красивою и удобною.

Но вотъ послѣдніе экзамены сданы; диссертаціи представлены; курсъ конченъ! Иной окончилъ кандидатомъ, другой при томъ съ медалью золотою или серебряною или, на худой конецъ, съ „почетнымъ отзывомъ“. Менѣе удачливые оказались „дѣйствительными студентами“ какъ будто цѣлыхъ четыре учебныхъ года не были они въ дѣйствительности студентами!

Вотъ близится и разлука съ товарищами, съ которыми 4 года сидѣли въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ, за однѣми и тѣми же партами, испещренными иниціалами и надписями предшественниковъ—разлука съ тѣми, съ кѣмъ волновались событіями жизни, съ кѣмъ радовались радостями и скорбѣли печалями своей almae matris.

Но какъ же не ознаменовать окончаніе ученія и предстоящую разлуку приличной пирушкой? Для этой цѣли мы—камералисты съ юристами въ числѣ человѣкъ 15-ти (всѣхъ-то насъ было немного, но нѣкоторые поспѣшили уже уѣхать) устроили поѣздку ins Grüne, за городъ. Тамъ не только уладились весеннимъ воздухомъ съ закуской, но выпили даже шампанскаго, съ пожеланіями другъ другу

всякихъ благъ и успѣховъ на жизненныхъ путяхъ, неизвѣстно кого куда имѣвшихъ привести. Эта неизвѣстность будущаго (кромѣ казенныхъ стипендіановъ, обязанныхъ отслуживать правительству тамъ, куда оно ихъ пошлетъ), сомнѣніе — придется ли еще когда встрѣтиться съ товарищами въ житейской сутолокѣ — всегда порядкомъ омрачаютъ радость, ощущаемую молодымъ человѣкомъ при переходѣ изъ міра учебнаго въ міръ житейскій, отъ подготовки къ дѣлу въ область самаго дѣла, въ область практическаго примѣненія своихъ знаній.

Разстались мы съ товарищами, конечно, пообѣщавъ переписываться, обмѣнялись адресами; но потомъ, погрузившись въ волны моря житейскаго, обѣщанія позабыли, адреса затеряли. Сношенія не прекратились только между особенно дружившими [1]).

Въ концѣ концовъ что же вынесли мы изъ университета? Что далъ онъ намъ? Былъ ли онъ для насъ тѣмъ ключемъ живой воды о которомъ мечталъ Гёте? Есть ли за что его благодарить? Есть ли чѣмъ хорошимъ помянуть наше 4-хъ-лѣтнее въ немъ пребываніе?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ припомнить обстоятельства тѣхъ временъ, вернуться памятью за 50 слишкомъ лѣтъ! И вотъ припоминается, что „не въ авантажѣ обрѣтались“ тогда университеты, что правительство къ нимъ не благоволило, хотя и присвоено имъ названіе „Императорскихъ“, дающее имъ нѣкоторое основаніе считать себя состоящими подъ особымъ монаршимъ покровительствомъ. На дѣлѣ же высшая власть не симпатизировала имъ на столько, что, казалось, допускала ихъ существованіе только, какъ неизбѣжное зло, неискореняемое только потому, что какъ-то неловко было бы передъ Европой. Уже самое

---

[1]) Я, напримѣръ, въ теченіе 47 лѣтъ не прекращалъ переписки съ М. В. Сурнымъ, бывшимъ впослѣдствіи членомъ Кіевской Судебной Палаты, до самой его кончины въ 1903 году; такъ что дружба наша длилась почти 50 лѣтъ, съ поступленія въ университетъ въ 1853 году. Переписка съ другимъ товарищемъ, прерванная на долгіе годы, случайно возобновилась незадолго до его кончины. Трое изъ бывшихъ товарищей (Н. Н. Лещовъ, Н. А Кремлевъ, К. А. Пашковскій), живутъ въ Петербургѣ. Четвертый, жившій въ послѣднее время здѣсь (членъ Гос. Совѣта Х. Н. Хлѣбниковъ) умеръ въ сентябрѣ 1908 г. А въ общемъ—припоминая, кто теперь и гдѣ, приходится сказать съ поэтомъ:

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!

установленіе съ конца 40-хъ годовъ нормы въ 300 учащихся на университетъ, достаточно показывало, что существованіе университетовъ допускалось, такъ сказать, только приличія ради. Средства ихъ были крайне ограниченны; содержаніе профессора получали болѣе чѣмъ скромное— можно сказать—нищенское, если сообразить, сколько человѣку приходится учиться, работать, читать, чтобы достигнуть этого званія и не уронить его достоинства и—сколько требовалось бы дѣйствительно средствъ, чтобы жить прилично, хотя бы не особенно нуждаясь... между тѣмъ, какъ рядомъ съ перебивающимся „съ хлѣба на квасъ“ профессоромъ, преуспѣвалъ, да и теперь преуспѣваетъ чиновникъ, большею частію, его же ученикъ, безъ особенно выдающихся познаній и дарованій доходящій до „степеней извѣстныхъ“ и до крупныхъ окладовъ, благодаря, быть можетъ, снисходительности того же профессора, изъ состраданія поставившаго ему хорошій баллъ! Иногда впрочемъ этимъ преуспѣвающимъ бываетъ лицо и вовсе не бывшее въ университетѣ, даже не всегда изъ числа вполнѣ кончившихъ гимназію.

Да, въ николаевскую эпоху положеніе университетовъ было тяжелое; тѣмъ не менѣе тихо, скромно, но дѣлали они свое дѣло, бережно храня врученный имъ свѣточъ знанія, посильно озаряя имъ умы своихъ питомцевъ и выпуская изъ стѣнъ своихъ все же немалое число людей дѣла, не безъ пользы для отечества работавшихъ на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. И Казанскій университетъ въ этомъ отношеніи не обиженъ судьбою; и онъ можетъ насчитать не только достаточное число вообще дѣльныхъ людей, получившихъ въ немъ образованіе, но и немалое количество ученыхъ, въ немъ получившихъ свое научное крещеніе,—благодаря его вліянію, сердцемъ полюбившихъ науку и безкорыстно ей отдавшихся; съ честью ей служившихъ и служащихъ, несмотря на то, что лавры, ею даваемые, иногда обращаются въ терніе, и вообще рѣдко приносятъ съ собою матеріальныя выгоды, обезпечивающія безбѣдное существованіе!

В. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Учебныя воспоминанія [1]).

(Окончаніе).

Итакъ повторю вопросъ: что же вынесли мы изъ университета?—Вынесли если не „живую воду“ Гёте, то извѣстное количество знаній, болѣе или менѣе прочно усвоенныхъ (что́ зависѣло впрочемъ уже отъ насъ самихъ), вынесли болѣе широкій умственный кругозоръ, нѣкоторую степень научнаго и моральнаго развитія, повышать которую было уже дѣломъ нашей самодѣятельности, нашего стремленія къ самоусовершенствованію.

Извѣстно, что касается научныхъ знаній, что тѣ науки, въ примѣненіи которыхъ рѣже встрѣчается надобность въ практической жизни, иногда довольно прочно позабываются. Но общее развитіе, въ которомъ небезучастны и эти науки, остается при человѣкѣ и облегчаетъ ему усвоеніе и того, чего въ университетѣ онъ даже не изучалъ,—если только, въ несчастію своему, онъ не погрязнетъ въ мелочахъ жизни или въ тинѣ порока, а напротивъ сохранитъ въ себѣ „душу живу“...

Разумѣется, приводя себѣ на память ту сумму знаній, съ какою мы вышли изъ университета, знаній, полученныхъ притомъ большею частію по „утвержденнымъ высшимъ начальствомъ программамъ“, надо сознаться, что знанія эти были не Богъ вѣсть какія большія; такъ что любой изъ насъ могъ добросовѣстно повторить слова философа: id scio, quod nihil scio“... Но если великій философъ только къ концу жизни пришелъ къ этому убѣжденію, то намъ-то уже и совсѣмъ было позволительно сознаться въ этомъ при самомъ вступленіи нашемъ въ общественную жизнь... Наука,

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1908 г.

знаніе безконечны; они движутся неустанно впередъ, дѣлаютъ все новыя завоеванія; университетъ только приподнимаетъ завѣсу, скрывающую тайны и работу науки, указываетъ пути для дальнѣйшей работы, внѣдряетъ желаніе знать больше и больше. По мѣрѣ своихъ силъ и практической возможности и Казанскій университетъ влагалъ и влагаетъ это стремленіе въ своихъ нитомцевъ.

Вотъ за это-то, за ту умственную и нравственную высоту, на которую университетское образованіе поднимаетъ человѣка, даже и неимѣющаго въ виду вполнѣ посвятить себя наукѣ, и должны быть признательны университету всѣ, имѣвшіе счастіе въ немъ побывать, въ качествѣ, конечно, ищущихъ высшаго образованія, а не однихъ дипломовъ.

Не даромъ же, изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспоминаніе объ университетскихъ годахъ принадлежитъ у всѣхъ бывшихъ студентовъ къ лучшимъ воспоминаніямъ жизни; и ненапрасно университеты издавна получили отъ своихъ нитомцевъ прозвище „alma mater“... - матерь-питательница. Не одна же вольная, безшабашная иногда жизнь студенческая заставляетъ съ любовью вспоминать объ этихъ годахъ! И есть же что-то такое, даже пожалуй трудно объяснимое, словно какое-то внутреннее, какъ бы невольное чувство, которое повсюду заставляетъ бывшихъ питомцевъ университетовъ, изъ года въ годъ, собираться для товарищескаго празднованія годовщины своей „almae matris“!

И бывшіе казанскіе студенты, разбросанные по разнымъ уголкамъ своего обширнаго отечества, не забываютъ дня 5 ноября; они шлютъ своему родному университету привѣтственныя телеграммы а гдѣ ихъ наберется нѣсколько человѣкъ, они составляютъ „сходку“, „митингъ“, но не съ цѣлью отыскиванія какихъ-либо новыхъ началъ общественнаго строя или обсужденія политическихъ вопросовъ, а просто для празднованія товарищескимъ „безъ чиновъ“ обѣдомъ годовщины своего университета, причемъ въ дружеской бесѣдѣ представители разныхъ поколѣній дѣлятся своими воспоминаніями о быломъ. Въ Петербургѣ имѣется довольно много бывшихъ казанцевъ, не забывающихъ объ этихъ обѣдахъ, охотно принимающихъ участіе въ нихъ, какъ и въ послѣобѣденной бесѣдѣ и въ пѣніи „пѣсень казанскихъ студентовъ“. Тутъ собираются въ общій дружественный кружокъ убѣленные сѣдинами сановники въ перемежку съ только-что оперившимися птенцами родного гнѣзда—Казанскаго университета [1]).

---

1) Долгое время на обѣдахъ этихъ предсѣдательствовали старѣйшіе изъ бывшихъ казанцевъ: сенаторъ Н. П. Смирновъ (скончавшійся осенью

Заканчивая мой историко-культурно-біографическій очеркъ, считаю нужнымъ дать еще отвѣтъ на вопросъ: достигали ли камеральныя отдѣленія поставленной имъ цѣли, давали ли они правительству и обществу желаемыхъ и дѣльныхъ спеціалистовъ? Но тутъ еще навязывается вопросъ: да нуждались ли въ этихъ спеціалистахъ?—Что касается до общества, то оно въ лицѣ предпринимателей, фабрикантовъ, заводчиковъ, не очень, повидимому, гонялось за знающими спеціалистами, а обходилось кое-какъ, „своими средствами", пользуясь услугами людей и безъ всякаго образованія, лишь бы подешевле. Правительство, создавшее эти отдѣленія, казалось бы, главнымъ образомъ въ интересахъ своей службы, тоже почти не старалось пользоваться услугами ихъ питомцевъ: если бы оно точно желало ими пользоваться, то конечно старалось бы привлекать этихъ молодыхъ людей на службу по вѣдомству министерства финансовъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, т. е. вообще по всѣмъ тѣмъ родамъ государственной службы, гдѣ дѣло касается вопросовъ народнаго хозяйства и благосостоянія. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, установить, чтобы университеты, выпуская камералистовъ, сообщали бы этимъ вѣдомствамъ хотя бы о лучшихъ изъ нихъ, для замѣщенія открывающихся вакансій. Могло бы быть даже даваемо этимъ аспирантамъ маленькое содержаніе, впредь до опредѣленія къ должностямъ, какъ дается лицеистамъ и правовѣдамъ... Впрочемъ, оговорюсь, можетъ быть и существовали какія-либо распоряженія на счетъ этихъ молодыхъ людей: но намъ-то, учащимся, они не были извѣстны, кромѣ только того, что успѣшно изучавшіе сельское хозяйство могли получать отъ университета особыя удостовѣренія, дававшія предпочтительное право на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но такъ какъ объ имѣющихся вакансіяхъ университетамъ не сообщалось, то не думаю, чтобы многимъ удалось воспользоваться этимъ правомъ. Просто на просто окончившіе курсъ каме-

---

1905 г.) и профессоръ—знаменитый китаистъ В. П. Васильевъ († 1900); дѣятельнымъ участникомъ былъ до кончины своей (1886 г.) А. М. Бутлеровъ: съ его кончиной обѣды наши лишились и другого постояннаго участника Н. П. Вагнера († 1907), отказавшагося ихъ посѣщать подъ вліяніемъ скорби о другѣ своемъ А. М. Бутлеровѣ. Подъ ударами всесокрушающаго времени все больше рѣдѣетъ наша кучка старыхъ студентовъ: къ сожалѣнію, позднѣйшіе питомцы нашего университета менѣе усердно поддерживаютъ традицію казанскихъ обѣдовъ.

ралисты разбрасывались по лицу земли россійской, кому куда удавалось пристроиться [1]).

Самъ я, имѣя влеченіе къ общественнымъ наукамъ, пытался было поступить въ Статистическій Комитетъ, имѣя для этого рекомендацію проф. Бабста; но дѣло не выгорѣло. Управлявшій тогда этимъ комитетомъ Тройницкій, несмотря на то, что ему лично отрекомендовалъ меня товарищъ Министра Вн. Дѣлъ, А. И. Левшинъ (бывшій казанецъ), прямо отговорилъ меня поступить къ нему на службу, объяснивъ, что порядочнаго содержанія предложить мнѣ не можетъ. Но я, имѣя степень кандидата и золотыя медали отъ университета и отъ гимназіи, мнилъ себя стоющимъ дороже. А въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ окружающихъ, сокрушавшихся, что-де молодой человѣкъ все еще не служитъ, пришлось поступить канцелярскимъ чиновникомъ на мизерный окладъ (210 р., а сперва даже 147 р.) въ департаментъ полиціи исполнительной, служба въ которомъ окончилась полученіемъ не повышенія, хотя бы въ помощники столоначальника, а — катарра желудка, заставившаго меня оставить ее послѣ $1^1/_2$ годового писанія разныхъ отношеній, препровожденій и другихъ не менѣе „интересныхъ“ бумагъ. Не случись этой болѣзни, вынудившей меня выйти въ отставку, чтобы серьезно лечиться, я, быть можетъ, дослужился бы до чиновъ высокихъ все въ томъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. А какъ нѣтъ худа безъ добра, то, благодаря болѣзни состоя въ отставкѣ, я получилъ возможность серьезнѣе взяться за книги, чтобъ готовиться на магистра, чему служба была значительной помѣхой. Тутъ судьба видимо приняла во мнѣ участіе: здоровье мое поправилось и не успѣлъ еще я окончательно проштудировать курсъ политической

---

1) Такъ одинъ изъ моихъ товарищей-однокурсниковъ сдѣлался рыбопромышленникомъ, былъ потомъ предводителемъ дворянства и наконецъ сдѣлался членомъ преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Другой, послѣ университета прослушавши курсъ лѣсного института, сдѣлался завѣдующимъ имѣніями одного графскаго семейства. Третій былъ сначала домашнимъ учителемъ, потомъ учителемъ гимназіи, губернскимъ прокуроромъ, членомъ окружнаго суда и умеръ въ званіи члена судебной палаты. Мнѣ, имѣвшему упомянутое свидѣтельство объ успѣшномъ изученіи сельскаго хозяйства, не привелось однако поступить въ министерство государственныхъ имуществъ; за то товарищъ юриста былъ долгое время вице-директоромъ департамента земледѣлія. Изъ другихъ моихъ современниковъ—камералистовъ только двое, кажется, попали на службу въ министерство финансовъ, двое другихъ, какъ и я первоначально, попали въ министерство внутреннихъ дѣлъ; еще одинъ очень много вращался въ Петербургѣ среди артистическаго міра и исчезъ куда-то... Такъ-то вертитъ людьми судьба! Мечтается одно, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное!

экономіи и международнаго права (входившаго тогда вмѣстѣ съ новѣйшей исторіей въ число наукъ, требуемыхъ для степени магистра политической экономіи), какъ получилъ, благодаря Е. Г. Осокину, командировку за границу, и дальнѣйшая моя карьера обрисовалась уже совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Безразличное отношеніе разныхъ начальствъ къ изучавшимся студентами спеціальностямъ, при опредѣленіи въ должностяхъ, остается въ значительной степени и донынѣ. Это безразличіе для службы и было, вѣроятно, одною изъ причинъ, побудившихъ университеты Петербургскій и Казанскій превратить свои камеральныя отдѣленія въ отдѣленіе—административныхъ наукъ въ первомъ и—государственныхъ во второмъ,—а впослѣдствіи упразднить и эти отдѣленія, яко бы излишнія. Хочется сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ разрядъ камеральныхъ наукъ, существовавшій съ 1844 г., былъ въ 1860 г. преобразованъ въ разрядъ административный, съ устраненіемъ всего естественно-научнаго отдѣла. Мысль объ этомъ преобразованіи была, повидимому, подана профессоромъ Кавелинымъ въ особой его запискѣ, гдѣ пояснялось, что основою дѣленія юридическаго факультета на разряды—юридическій и административный должно быть то, что предметы главные одного отдѣленія должны являться дополнительными для другого, т. е. читаться, соотвѣтственно разряду, въ меньшемъ объемѣ, при чемъ нѣкоторые предметы (энциклопедія права, государственное право и международное) остаются общими для обоихъ разрядовъ.

Такимъ образомъ главными предметами для административнаго разряда были поставлены: политическая экономія, статистика, финансовое право, полицейское и торговое. А права: римское, гражданское, уголовное и исторія законодательствъ остались главными предметами юридическаго разряда.

При этомъ предполагалось имѣть двойной комплектъ преподавателей для чтенія факультетскихъ предметовъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, см. по разряду. Но, за невозможностью добыть нужное число преподавателей, дѣло свелось къ тому, что почти всѣ предметы читались обоимъ разрядамъ одними и тѣми же преподавателями, отчасти совмѣстно, отчасти порознь. Главнымъ же признакомъ различія отдѣленій было то, что юристы были освобождены отъ изученія статистики, а администраторы—римскаго права. Но за то для этихъ послѣднихъ были учреждены практическія занятія и спеціальныя чтенія по политической экономіи, статистикѣ, полицейскому и финансовому праву. Дѣло шло, казалось бы, очень хорошо; однако, послѣ слишкомъ 20-ти лѣтняго опыта нашъ петербургскій юридическій факультетъ не нашелъ оправданія дальнѣйшему суще-

ствованію административнаго разряда и упразднилъ его въ 1882 г., при чемъ римское право и статистика сдѣланы обязательными для всѣхъ слушателей юридическаго факультета.

Для меня поводы къ этому упраздненію остались неясными: неимѣніе двойного комплекта преподавателей—на что указывалъ факультетъ въ своей бумагѣ—доводъ довольно слабый въ сравненіи съ пользою, которой можно было ожидать отъ болѣе подробнаго изученія наукъ административныхъ нѣкоторою частію студентовъ. Съ недохваткой же въ числѣ преподавателей мы и при наличномъ нашемъ числѣ справлялись очень удачно. Я, напримѣръ, читалъ финансовое право совмѣстно 3-му и 4-му курсамъ администраторовъ въ теченіе 2 учебныхъ годовъ, по 3 ч. въ недѣлю, а юристамъ сокращенный курсъ по 2—3 лекціи, въ одинъ учебный годъ. Въ этомъ родѣ шло дѣло и съ прочими предметами, не имѣвшими двухъ преподавателей. При этомъ соблюдалось правило, что предметы дополнительные должны быть прослушаны на первыхъ двухъ курсахъ, чтобы на высшихъ слушатели могли бы сосредоточиться вполнѣ уже на главныхъ предметахъ своихъ разрядовъ. Позже, съ введеніемъ устава 1884 г., этотъ порядокъ зачѣмъ-то былъ измѣненъ: нѣкоторые изъ предметовъ дополнительныхъ передвинуты на 3-й курсъ, а взамѣнъ ихъ нѣкоторые изъ главныхъ—изъ 3-го во 2-й. Были ли тутъ какія-либо гонорарныя соображенія ввиду бо́льшаго числа слушателей на первыхъ курсахъ—рѣшить не берусь.

Въ Казанскомъ университетѣ камеральный разрядъ, существовавшій тоже съ 1840-хъ годовъ, преобразованъ былъ съ 1865—66 учебнаго года въ разрядъ наукъ государственныхъ, съ предоставленіемъ наличнымъ камералистамъ докончить свой циклъ наукъ. Такъ-ли же сдѣлано было въ Петербургскомъ университетѣ при преобразованіи камеральнаго разряда въ административный, я не нашелъ справки въ нашемъ архивѣ.

Въ Казани при этой реформѣ къ общимъ предметамъ факультета отнесены были: энциклопедія права, государственное право общее и русское, теорія политической экономіи (sic!), теорія финансовъ (sic!); а къ спеціальнымъ предметамъ государственнаго разряда—политическая экономія, статистика, права: государственное европейскихъ державъ, финансовое и полицейское. Дополнительными же здѣсь признаны: права́ гражданское и уголовное, съ ихъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, и каноническое право,—все предметы главные для юридическаго отдѣленія вмѣстѣ съ римскимъ правомъ и его исторіей и исторіей славянскихъ законодательствъ.

Съ 1878—79 учебнаго года юридическій факультетъ въ Казани

кастрированъ подобно петербургскому: – оба его разряда слиты въ „одинъ нераздѣльный факультетъ юридическихъ и государственныхъ наукъ“, какъ не безъ паѳоса сказано въ университетскомъ отчетѣ 1879 года. О томъ, какъ отразилась эта нераздѣльность на успѣшности занятій студентовъ, смотря по склонности къ той или другой спеціальности, не высказались отчеты казанскіе, точно такъ же, какъ и петербургскіе.

По моему мнѣнію, если и было нѣкоторое основаніе устранить изъ юридическаго образованія предметы естественно-научной группы, то никакого уже основанія не было ослабить значеніе для юристовъ наукъ государственныхъ и общественныхъ, какъ это сдѣлали, поставивъ ихъ на задній планъ, тогда какъ жизнь все больше выдвигаетъ это значеніе на первый. Если въ началѣ 60-хъ гг. это можно еще было оправдать усилившимся, съ судебною реформою, спросомъ на лицъ съ чисто юридическимъ образованіемъ, то теперь дѣло стоитъ иначе: знаніе наукъ соціальныхъ и государственныхъ съ каждымъ днемъ становится нужнѣе, не только вообще образованному человѣку, но и юристу чистой воды, такъ какъ въ судебныхъ процессахъ нынѣшняго времени то и дѣло приходится наталкиваться на вопросы политическаго и соціальнаго характера.

Въ результатѣ злосчастнаго преобразованія оказалось, что желающій всецѣло отдаться изученію наукъ государственныхъ и соціальныхъ, вынужденъ терять не мало времени и на такіе предметы, къ которымъ его душа не лежитъ, да еще зубрить ихъ съ бо́льшимъ напряженіемъ, такъ какъ уставомъ 1884 года государственныя науки отодвинуты совсѣмъ на задній планъ, а впереди поставлено римское право съ огромнымъ числомъ лекцій (котораго не удалось осуществить только по неимѣнію достаточнаго числа преподавателей), затѣмъ—гражданское и уголовное. На этихъ трехъ китахъ зиждется все наше нынѣшнее юридическое образованіе и потому, неполучившій изъ нихъ на экзаменѣ хорошихъ отмѣтокъ, хотя бы онъ великолѣпно зналъ науки государственныя, не имѣетъ права даже мечтать получить дипломъ. Если онъ провалился хотя на одномъ изъ этихъ главныхъ предметовъ, ему комиссія не позволяетъ даже продолжать экзаменоваться; тогда какъ, если по „маловажнымъ“ предметамъ (каковыми считаются напр. финансовое право, полицейское и др.), отвѣты плохи, комиссія какъ-нибудь да натянетъ полученіе диплома, если не первой, то второй степени, лишь бы по главнымъ тремъ, а особенно по римскому праву стояло „удовлетворительно“ или „весьма“.

Но неужели же важнѣе получающему высшее университетское

образованіе—знать, имѣетъ ли овца право на свою шерсть (есть говорятъ, въ римскомъ правѣ и такой вопросъ!), чѣмъ знать, при какихъ условіяхъ, какими способами создается экономическое благосостояніе народа, общественное и финансовое благоденствіе страны и т. д. или каковы, напр., права русскаго гражданина въ области экономической жизни, каковы его обязанности по отношенію къ государственной власти и пр. Все это, правда, сообщается студентамъ, но гораздо кратче, чѣмъ бы слѣдовало. Что же нужнѣе въ наше время: знаніе тонкостей и контроверзъ римскаго права, вовсе потомъ ненужнаго въ жизни большинству, или порядочное, толковое хотя бы,—не говорю уже—основательное—знаніе государственныхъ и общественныхъ наукъ, которое конечно сильно подорвало бы кредитъ ученій, столь соблазнительныхъ при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, легко воспринимаемыхъ людьми увлекающимися, а въ особенности недоучившеюся молодежью, неспособною еще относиться критически къ тому, что ей преподносится усердіемъ „развивателей“ въ разныхъ брошюрахъ ad hoc.

Очень пріятно мнѣ было найти подтвержденіе этихъ моихъ соображеній у молодого товарища по наукѣ—профессора И. Х. Озерова (Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада, 1904). Онъ напоминаетъ о пользѣ юристу знать кое-что и внѣ чисто-юридической области. Напр., говоритъ онъ, нѣтъ сомнѣнія, что „податному инспектору гораздо важнѣе знакомство съ экономической жизнью страны, съ экономической и финансовой политикой, чѣмъ съ кодексомъ Юстиніана“. А я прибавлю—да нужно ли и все то римское право даже нашимъ профессіональнымъ юристамъ? Часто ли и многіе ли изъ нихъ справляются съ нимъ, чтобъ освѣжать и укрѣплять свое юридическое мышленіе ради правильнаго пониманія и толкованія нашихъ законовъ?

„Студенты наши, продолжаетъ пр. Озеровъ, окончивъ курсъ, остаются, большею частію, только съ кое-какими обрывкими свѣдѣній въ области экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Люди съ порядочными познаніями по этой части очень нужны и м—ву финансовъ, и земствамъ, и городамъ, а ихъ со свѣчей поискать!“.

Положимъ, способный молодой человѣкъ, прошедшій черезъ университетъ серьезно, а не только какъ черезъ загородку, за которой таится болѣе или менѣе теплое мѣстечко,—интересовавшійся наукой въ полномъ ея объемѣ, а не одними конспектами, имѣетъ уже нѣкоторую способность довольно скоро освоиться и съ незнакомымъ ему дѣломъ; но все-таки ему приходится нѣкоторое время блуждать въ потемкахъ, дѣлать ошибки, иногда и небезвредныя

для дѣла. Но не лучше ли и для него, и для тѣхъ учрежденій, гдѣ онъ будетъ работать, если онъ приступитъ къ дѣлу не какъ къ чему-то почти незнакомому? Если же, какъ теперь дѣлается на нашихъ юридическихъ факультетахъ, принуждаютъ изучать предметы, къ которымъ не лежитъ сердце, то задача высшаго образованія не достигается: многіе относятся къ ученію формально, лишь бы сдать экзамены; работать самостоятельно не научаются, такъ что и пристроившись къ какому-либо дѣлу по окончаніи курса, относятся и къ нему только формально, не влагая въ него души своей. Иначе стояло бы дѣло, если бы университеты предоставляли избирать тотъ или другой кругъ наукъ, не выдвигая впередъ чисто-юридическихъ наукъ въ ущербъ государственнымъ и общественнымъ и предлагая учащимся въ большомъ объемѣ и съ чрезмѣрными требованіями такіе предметы, которые или почти совсѣмъ не будутъ нужны имъ въ намѣчаемой ими себѣ области дѣятельности.

Эти соображенія и приводятъ проф. Озерова, какъ давно уже привели меня, къ мысли о необходимости и пользѣ введенія во всѣхъ университетахъ дѣленія юридическаго факультета на отдѣлы—чисто-юридическій и экономическо-финансовый. При этомъ проф. Озеровъ, признавая безполезными для этого послѣдняго права римское, церковное, международное, судебную медицину, гражданское и уголовное судопроизводства, ставитъ общими предметами для обоихъ отдѣленій: энциклопедію и философію права, полицейское, финансовое, торговое права, торговое судопроизводство и вексельное право; а спеціально для экономическо-финансоваго отдѣленія: исторію всеобщую и русскую (я предложилъ бы только новѣйшую, преимущественно XIX столѣтія, въ которомъ наибольшее обиліе экономическихъ и финансовыхъ фактовъ), экономію, промышленности и сельскаго хозяйства (съ политической экономіей вообще конечно?), статистику и популяціонистику, съ промышленной и сельско-хозяйственной статистикой; и, какъ пособіе для статистики, теорію вѣроятностей (къ которой я прибавилъ бы всю область финансовыхъ вычисленій въ родѣ того, что въ старое время называлось политической ариѳметикой). Конечно же финансовое и полицейское право (въ смыслѣ административнаго права) должны быть главнѣйшими предметами экономическо-финансоваго отдѣленія на-ряду съ ихъ главной руководительницей политической экономіей. Торговое и вексельное право я оставилъ бы въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, для желающихъ; но ввелъ бы, въ качествѣ обязательнаго дополнительнаго предмета нѣкоторые отдѣлы технологіи, нужные для уразумѣнія соотвѣтствующихъ частей финансоваго права и, для той же надобности, краткіе курсы товаровѣдѣнія и счетоводства.

Если подобное дѣленіе юридическихъ факультетовъ осуществится.—то университеты наши начнутъ давать обществу, сверхъ чистыхъ юристовъ, также и людей, достаточно подготовленныхъ къ нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ общественнаго служенія.

Когда-то знаменитый Фихте внушалъ своимъ соотечественникамъ, что для достиженія свободы и національной самостоятельности они должны „заботиться о школѣ, о воспитаніи, о развитіи наукъ, что успѣхи въ наукахъ политическихъ, философскихъ и историческихъ, порождаютъ критическое отношеніе къ началамъ, движущимъ судьбами человѣчества, и способствуютъ развитію политическаго роста народа и его самосознанія“...

А гдѣ у насъ эти успѣхи, гдѣ у насъ это научно-критическое отношеніе? Такъ ли велась у насъ доселѣ высшая школа и подготовительная къ ней средняя, чтобы могли онѣ способствовать тому развитію, о которомъ говоритъ философъ? Даютъ ли наши гимназіи такую молодежь, которая благоговѣла бы передъ университетской наукой? Правда, критическаго отношенія у нея сколько угодно; она „все произошла“, такъ сказать, до такой степени, что поговариваетъ даже объ университетѣ безъ профессоровъ: сами-де будемъ учиться и профессорствововать въ то же время... Но это самое достаточно уже показываетъ, насколько она невѣжественна, при всѣхъ своихъ аттестатахъ „зрѣлости“, даже и неподдѣльныхъ. А вѣдь въ новѣйшее время, къ стыду ея, появились и поддѣльные!

Судя же по тому, что большинство студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній уже нѣсколько лѣтъ пренебрегаетъ ученіемъ, предпочитая ему заниматься сходками и политическими вопросами и полагая своимъ отказомъ учиться насолить правительству, можно думать, что они дѣйствительно вовсе не дорожатъ пріобрѣтеніемъ знаній, а смотрятъ на науку, какъ на нѣчто лишнее; если же нѣкоторые и учатся, то единственно ради полученія „правъ“. Если бы не это легкомысленное отношеніе къ наукѣ, то студенты не бросали бы такъ легко свои занятія ради предъявленія разныхъ „требованій“, которыя собственно и предъявлять-то можно только при достаточной научной компетентности, въ качествѣ уже полноправныхъ гражданъ, а не учениковъ, хотя бы и „великовозрастныхъ“.

Я упомянулъ о „правахъ“; но съ недавняго времени стали у насъ усиленно твердить, что университеты должны только предлагать желающимъ науку, не обѣщая за ея изученіе никакихъ правъ

служебныхъ и т. п. Это и будетъ, кажется, проведено въ новомъ университетскомъ уставѣ... Но, если это осуществится, то очень вѣроятно, что университеты наши значительно опустѣютъ, къ удовольствію своихъ враговъ. Зато можно будетъ ожидать переполненія спеціальныхъ и техническихъ заведеній. Вѣдь въ нашемъ, все еще малокультурномъ обществѣ, влеченіе къ наукѣ и сознаніе приносимой ею пользы далеко еще не такъ сильны, чтобы толкать молодежь въ университеты изъ-за платонической любви къ наукѣ. Развѣ что для допущенія къ предполагаемымъ административнымъ экзаменамъ по спеціальностямъ, будетъ обязательно требоваться прохожденіе черезъ университетъ.

Возникающіе же теперь вольные университеты, думаю, будутъ привлекать только, пока они вновѣ и въ модѣ; но влеченіе къ нимъ вѣроятно очень ослабѣетъ, когда слушатели убѣдятся, что нѣтъ надежды на „права“, хотя бы со временемъ. А если будущіе государственные „безправные“ университеты будутъ наполняться, то несомнѣнно не столько ради высшаго университетскаго образованія, сколько для полученія свидѣтельствъ о прохожденіи университетскаго курса, если оныя будутъ требоваться для экзаменовъ.

Если экзамены для спеціальныхъ родовъ службы будутъ не вродѣ нынѣшнихъ государственныхъ, а серьезные; то, пожалуй, тотчасъ же появятся „натаскиватели“, какъ въ Германіи, берущіеся приготовлять къ этимъ экзаменамъ. Теперь у насъ это зло существуетъ только для подготовки къ поступленію въ спеціальныя учебныя заведенія. А тогда это „промышленное“ подготовленіе разовьется во всю ширь, съ зазывами, рекламами, заманиваніемъ дешевизной и успѣхами „натаскиванія“, съ намеками на знакомство съ экзаменаторами и т. д.

Конечно, если для приступа къ спеціальному испытанію будетъ требоваться удостовѣреніе объ окончаніи университетскаго курса, то это будетъ уже насильственное прохожденіе черезъ университетъ, вродѣ отбыванія повинности; а главная надежда будетъ возлагаться все-таки на подготовителей. Правда, быть можетъ, ихъ услуги будутъ стоить дороже, чѣмъ ученіе въ университетѣ; но за то они прямо въ ротъ кладутъ все нужное, тогда какъ университетъ требуетъ самостоятельнаго труда, отъ каковаго нынѣшняя молодежь совсѣмъ отвыкла. Конечно, каждый профессоръ охотно дастъ всѣ нужныя указанія: но ему, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно предпочтутъ лицъ, дающихъ не только совѣты, но прямо начиняющихъ мозги требуемыми свѣдѣніями. Это дороже, но ближе къ цѣли: хорошо заплатившій „натаскивателю“ всегда можетъ надѣяться, что его всѣми

неправдами „заставятъ“ успѣшно сдать экзаменъ на любой родъ службы...

Слышатся жалобы, что и ученіе въ университетѣ обходится дорого: эти жалобы находятъ сочувствіе и въ печати, и среди профессоровъ. Но если отнестись безпристрастно, то окажется, что расходъ-то вовсе не великъ, всего около 100 р. въ годъ, изъ коихъ 50 р. идутъ въ спеціальныя средства на пользу студентовъ же главнымъ образомъ, и около 50 р. въ гонораръ профессорамъ.

Первоначальная плата за ученіе была 25 р. въ столичныхъ и 20 р. въ провинціальныхъ университетахъ; съ 1845 года она была удвоена по представленію министра графа Уварова „для устраненія прилива студентовъ изъ низшихъ слоевъ общества“, для которыхъ-де „высшее образованіе безполезно, какъ высшая роскошь“. Уставомъ 1884 года сборъ въ пользу университетовъ пониженъ былъ до 10 рублей въ полугодіе; но вскорѣ это умаленіе доходовъ привело университеты къ большимъ финансовымъ затрудненіямъ, и въ 1887 году пришлось повысить плату до 50 рублей; хотя и странно, что былъ приведенъ въ оправданіе тотъ же уваровскій мотивъ. Замѣчательно однако, что повышеніе расхода на оплату университетскаго образованія вовсе не остановило прилива студентовъ: ихъ съ каждымъ годомъ прибываетъ во всѣхъ университетахъ...

Замѣчу еще, что многими у насъ осуждается система профессорскаго гонорара. Въ Петербургскомъ университетѣ была даже образована особая совѣтская комиссія, которая категорически высказалась противъ него. Но мнѣ кажется, что гонораръ потому уже не заслуживаетъ осужденія, что, какъ выплачиваемый изъ личныхъ средствъ и заработковъ учащихся или ихъ родителей, онъ не ложится бременемъ на всю податную массу, чѣмъ едва-ли нарушается правило, что кто чѣмъ пользуется, тотъ самъ за это и плати, а не сваливай уплату на другого, вовсе, въ нашемъ случаѣ, неповиннаго въ томъ, что такому-то хочется поучиться или просто поболтаться въ университетѣ. Съ предположеннымъ упраздненіемъ гонорара придется значительно повысить содержаніе профессоровъ (для многихъ изъ которыхъ гонораръ составляетъ теперь очень существенную прибавку къ ихъ скудному жалованью) на счетъ общихъ государственныхъ средствъ, т. е. изъ кармана того же мужика, о которомъ теперь такъ много у насъ печальниковъ. Развѣ что плата будетъ увеличена напр. до 100 руб., съ съ тѣмъ, чтобы половина шла на прибавки къ профессорскимъ окладамъ по числу часовъ занятій, замѣняя собой нынѣшніе гоно-

рары, разчитываемые по числу несколько часовъ, но и слушателей, въ результатѣ чего одни получаютъ тысячи, а другіе единицы рублей.

Если откроются еще новые университеты въ исполненіе желанія нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ, возмечтавшихъ вдругъ обладать, каждый, своимъ университетомъ, хотя бы то и рядомъ съ другими университетскими городами, то вопросъ о средствахъ ихъ содержанія, при стѣсненномъ положеніи нашего бюджета, станетъ ребромъ и, можетъ быть, придется даже очень увеличить учебную плату. Въ случаѣ же открытія университетовъ по сосѣдству съ другими, несомнѣнно, пострадаютъ эти послѣдніе, наприм. Казанскій потеряетъ часть своихъ слушателей съ низовьевъ Поволжья съ возникновеніемъ университета въ Саратовѣ.

Дробленіе молодежи между бо́льшимъ числомъ университетовъ, конечно, облегчитъ трудъ преподаванія; но съ умноженіемъ числа заведеній встанетъ ребромъ трудный вопросъ: гдѣ набрать нужное число профессоровъ, когда и теперь многія каѳедры пустуютъ или замѣщаются неполноправными преподавателями? Какъ бы не пришлось обратиться „за море, къ варягамъ“, по прежнимъ примѣрамъ достаточно памятнымъ, между прочимъ, и казанскому университету.

В. Лебедевъ.

Іюнь 1907 года.